

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

Мы также просим Вас о следующем.

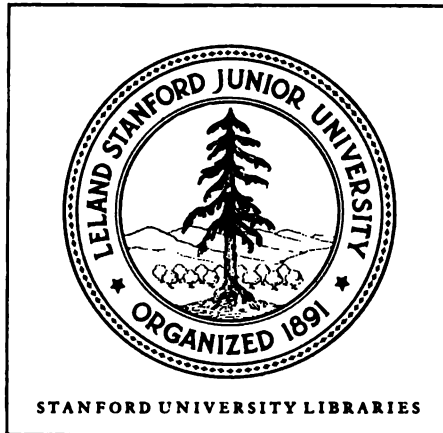
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

935
8

638

df

10266

СЛОВО

о

Плѣку Игоревѣ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

о

ВАРІАНТАХЪ

10266

✓
✓
1918
✓

Viazemskii, P.P.
"

СЛОВО

о

ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

о

ВАРІАНТАХЪ

Князя Павла Петровича Вяземскаго

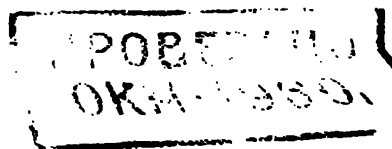
7862
10266

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФИЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯ А. ТРАПНИЦА, СТРЕМЯННАЯ, № 12

1877

77X

✓
↓

PG3300
S63V5

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1813 году 13 декабря гр. Мусинъ-Пушкинъ на запросъ Калайдovichа, по поводу Слова о Плѣку Игоревѣ, сообщилъ ему: „Пѣснь Игорева писана на лощеной бумагѣ въ концѣ лѣтописи довольно чистымъ письмомъ; по почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV в. Подлинникъ хотя довольно яснымъ характеромъ писанъ, но разобрать его было весьма трудно потому, что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего надобно было текстъ раздѣлить на періоды, а потомъ добираться до смысла.“

Подлинникъ, до его истребленія, имѣли въ рукахъ оба сотрудника гр. Мусина-Пушкина: Н. Н. Вантышъ-Каменскій и А. Θ. Малиновскій; кромѣ того, рассматривали этотъ памятникъ: А. И. Ермолаевъ, Н. М. Карамзинъ, Р. Θ. Тимковскій и И. Н. Болтинъ. Изъ издателей А. Θ. Малиновскій говоритъ весьма положительно, что „подлинная рукопись, съ которой печатали первое изданіе *буква въ букву*, принадлежала къ концу XIV в.“ Весьма важно свидѣтельство А. И. Ермолаева, что „подлинникъ писанъ полууставомъ XV в.“ (см. Сахарова, Пѣсни Р. народа ч. V. Спб. 1839. стр. 172).

Строгій и безпристрастный цѣнитель палеографическихъ работъ, Востоковъ, въ запискѣ своей 1821 года, рекомендуетъ митрополиту Евгенію А. И. Ермолаева: „Ваше Высокопреосвященство совѣтуете мнѣ издать прежде грамматики славянской палеографію; но на сей важный трудъ посвятилъ себя общій нашъ пріятель П. И. Кенпенъ,

который и может съ большимъ, противъ другаго, успѣхомъ совершить оный, сколько по неутомимому рвенію и прилежанію своему къ такому занятіямъ, столько же по изобилію матеріаловъ, какіе онъ уже на сей предметъ собралъ и еще собрать можетъ въ своихъ путешествіяхъ. Я знаю еще одного человѣка, который, можетъ быть, всѣхъ способнѣе былъ бы издать палеографію русскую, — это А. И. Ермолаевъ. Но обстоятельства службы, непріязненные для ученыхъ занятій, давно уже отвлекаютъ его отъ любимыхъ сихъ трудовъ его, къ величайшей потерѣ для науки отечественныхъ древностей.“

Карамзинъ, разсматривавшій Сборникъ Пушкинскій, не изъявилъ ни малѣйшаго сомнѣнія; и хотя не утвердилъ вѣка рукописи, но самое сочиненіе отнесъ къ письменнымъ памятникамъ XII вѣка (см. И. Г. Р. III. Спб. 1842. стр. 131): „Слово о Полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія мірянниномъ: ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о бogaхъ языческихъ и приписывать имъ дѣйствія естественныя.“

По словамъ Тимковского, „Карамзинъ увѣрялъ Калайдовича, что по сдѣланному имъ, Н. М. Карамзинымъ, сличенію, оказалось, что пѣснь о походѣ кн. Игоря *со всею точностію* напечатана противъ подлинника, выключая выраженія вѣчи Трояни, вмѣсто котораго въ подлинникѣ стоитъ сѣчи Трояни. Касательно же поставленнаго въ скобки слова „Ольга“, на стр. 6, то это учинено для большей ясности рѣчи.“ Н. С. Тихонравовъ, приводящій эти слова, ссылается на Сынъ Отечества 1839. т. VIII. отд. IV. стр. 15—20.

Лихорадочное, тревожное состояніе Калайдовича въ его отношеніи къ слову о Полку Игоревѣ заставляетъ невольно сомнѣваться въ точности его словъ. Варіантъ „сѣчи“ и „вѣчи“ не важенъ, и обозначаетъ одно и то же; нѣтъ основанія предполагать, чтобы издатель измѣнилъ букву в на с. Скорѣе можно предполагать, что Карамзинъ предпочиталъ слово „сѣчи“, а Калайдовичъ этимъ воспользовался, чтобы набросить тѣнь на добросовѣстность издателя. — Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы вставка „Ольга“ сдѣлана

издателями произвольно: въ печатномъ и архивномъ текстахъ прямо сказано, что это древняя приписка на полѣ рукописи. — Враждебное отношеніе Калайдовича къ памятнику XII столѣтія весьма понятно, хотя и неизвинительно: онъ не имѣлъ чести быть издателемъ памятника XII столѣтія; изданные имъ памятники обращали на себя меньшее вниманіе; самый значительный памятникъ: „Бесѣды Кирилла Туровскаго“, очевидно, не принадлежитъ, по языку, не только къ XII столѣтію, но и къ до-московской письменности.

Калайдовичъ, какъ замѣчаетъ Дубенскій, у коего я заимствую вышеизложенныя свѣдѣнія, началъ свои изслѣдованія о вѣкѣ рукописи въ 1813 г., уже тогда, когда она сгорѣла во время Московскаго пожара. Еслибы онъ видѣлъ рукопись въ подлинникѣ, какъ увѣряетъ г. Сахаровъ (Пѣсни Русск. народа V. стр. 172): то не зачѣмъ ему было обращаться къ гр. Мусину-Пушкину, а еще менѣе къ содержателю типографіи Селивановскому съ вопросами о времени, когда, на чемъ и какъ писано Слово о Полку Игоревѣ. Калайдовичъ, между тѣмъ, первый сталъ увѣрять, что оно принадлежало къ XVI в., писано почеркомъ Бѣлорусскимъ, а по словамъ Селивановскаго — схожимъ съ почеркомъ Димитрія Ростовскаго, значить, скорописью. Г. Сахаровъ дѣльно замѣтилъ, что „полууставъ и Бѣлорусскій почеркъ даютъ совершенно различныя понятія о рукописи“.

Голословное заподозриваніе, выраженное Калайдовичемъ, есть положительное обвиненіе Мусина-Пушкина, Малиновскаго, Бантышъ-Каменскаго и Ермолаева въ завѣдомомъ обманѣ, а Карамзина — въ укрывательствѣ обмана. Неправильно было бы заподозривать и Селивановскаго въ намѣренной лжи: скорѣе предполагать можно, что ему удалось мимоходомъ, во время своихъ сношеній съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, видѣть одну изъ статей Сборника, писанную, весьма можетъ быть, скорописью. Я слышалъ отъ дочерей и отъ внуковъ гр. Мусина-Пушкина, что на Сборникъ этотъ все семейство смотрѣло какъ на святыню.

Самое показаніе типографщика С. А. Селивановскаго, пере-

данное не съ дипломатической точностію Калайдовичемъ, подтверждаетъ Бѣлорусскій оттѣнокъ, замѣченный современниками въ рукописи: „она написана точно въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, Бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго.“ Объяснить всѣ несообразности, сгруппированныя Калайдовичемъ въ приводимыхъ имъ самимъ показаніяхъ, можно только состояніемъ человѣка, желающаго унижить значеніе чужаго труда.

Бѣлорусское правописаніе или Бѣлорусскій оттѣнокъ рукописи не даетъ права предполагать, чтобы сочинитель Слова былъ Бѣлоруссъ. Однако, какъ уже мною замѣчено было въ Изслѣдованіи о Словѣ о Пльку Игоревѣ, нельзя не замѣтить, что судьба Полоцкаго Княжества есть задушевная мысль поэта, и потому довольно правдоподобно его близкое отношеніе къ Западному Русскому краю. Видѣть съ тѣмъ, несомнѣнно и то, что въ немъ отражаются оттѣнки: Новгородскій, Южно-Русскій и Восточный, Тюрко-Русскій, Половецкій. Типъ подобнаго многообразнаго Русскаго человѣка существуетъ и нынѣ, и конечно не въ меньшей мѣрѣ существовалъ среди междоусобій и войнъ XII столѣтія. Что касается до языка, на коемъ написано Слово, то всего правильнѣе смотрѣть на него, какъ на языкъ древне-Церковный Словенскій, общій племенамъ южнымъ и сѣвернымъ, западнымъ и восточнымъ, отражающій въ себѣ разнообразныя оттѣнки, порознь встрѣчающіеся въ современныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ племенъ, и воспринимавшій въ себя формы живой рѣчи, принадлежавшія въ то время разнымъ племенамъ, какъ это проявляется весьма замѣтнымъ образомъ въ нашихъ лѣтописяхъ, особенно въ Ипатьевской лѣтописи, какъ это замѣчено было первыми ея издателями.

Въ числѣ признанныхъ за подложныя рукописи упоминается рукопись г. Актова, о которой Императорскому Обществу исторіи и древностей далъ первое извѣстіе г. Діевъ. „Вѣроятно, она изъ числа тѣхъ, замѣчаетъ Дубенскій, о которыхъ упоминаетъ Москвитянинъ

(№ 3. 1841 г. стр. 245), — работы А. Бардина. Но известно, что онъ списывалъ съ печатнаго текста, почему рукописи его не стоятъ вниманія любителей“. Подобная или одна изъ этихъ рукописей находится въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ, а другая у г. Зайцевскаго, въ Москвѣ же. Не смотря на то, что рукописи эти признаны подложными, до сихъ поръ остаются неизвѣстны основанія этого приговора. Не сомнѣваясь въ основательности этого приговора, все еще остается невольно сомнѣніе — дѣйствительно ли эти копія всѣ сдѣланы съ печатнаго текста и какіе на то имѣются факты. Но и въ случаѣ, если копія дѣйствительно сняты съ печатнаго текста, тѣмъ не менѣе могутъ быть весьма любопытны ухищренія, придуманныя искусными поддѣльщиками для введенія собирателей въ заблужденіе. Также остается совершенно необъясненнымъ — въ чемъ заключаются признаки, по коимъ эти копія причисляются къ подлогамъ, а не къ новѣйшимъ копіямъ. Есть много уставныхъ и полууставныхъ рукописей, которыя новы и даже современны намъ, но отнюдь не подложны. Въ обзорѣннѣ литературы Слова о Плѣку Игоревѣ Смирновъ (Филологич. Записки. Воронежъ. 1875. VI.) упоминаетъ о заявленіи П. М. Строева касательно видѣннаго имъ у А. Θ. Малиновскаго пергаменнаго свитка XIV столѣтія, содержащаго текстъ Слова о Плѣку Игоревѣ. Заявленіе П. М. было сдѣлано имъ въ 1815 году, въ его обзорѣннѣ Славяно-Россійской Мифологіи. Нельзя не пожалѣть, что наши палеографы не сообщили публикѣ своихъ наблюденій надъ этимъ свиткомъ. Показанія современниковъ о Бѣлорусскомъ почеркѣ слишкомъ опредѣлительны и согласны, чтобы возможно было ихъ отвергать; а потому слѣдуетъ искать разъясненія правописанія „Слова о Плѣку Игоревѣ“ и въ древнѣйшихъ памятникахъ Бѣлорусскаго письма, упоминаемыхъ Востоковымъ, и даже въ книгахъ напечатанныхъ въ Западной Россіи.

Бѣлорусскій или Волынскій (также Польско-Русскій) полууставъ въ Прологѣ XVI вѣка, № 324; въ рукописи Іоанна Лѣстничника XVI — XVII в., № 203; Октоиха XVI — XVII в.,

№ 290; Житій свв. XVII в., № 159; — полууставъ XVII вѣка на древнѣйшихъ рукописяхъ Тріоди постной, № 439; Іоанна Златоуста, № 197; — полууставъ и скоропись Бѣлорускаго письма того же времени въ Поученіяхъ № 315.

Бѣлорусскою скорописью писаны рукописи Словъ Максима Грека XVII вѣка, № 265; Пролога XVII вѣка, № 325; Сборника XVII вѣка, № 376; Кормчей 1700, № 239 и болѣе древней рукописи XVII вѣка, № 372.

Востоковъ въ „Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ“ причисляетъ Слово о Плъку Игоревѣ, вмѣстѣ съ Русской Правдой, къ древнему Русскому языку. Онъ говоритъ, на стр. 7: „замѣчавшіе большую разность между древнимъ Русскимъ языкомъ, коего остатки находятъ въ Русской Правдѣ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ и пр., и между Церковно-Славянскимъ, разумѣли, конечно, подъ симъ послѣднимъ языкъ печатныхъ *церковныхъ* книгъ. Они бы не сказали того о древнемъ церковномъ Славянскомъ“.

Мнѣніе Востокова весьма важно въ вопросѣ о древности языка, какимъ написано Слово о Плъку Игоревѣ, хотя не было бы надобности въ свидѣтельствѣ авторитета для рѣшенія столь простаго и очевиднаго вопроса, если бы у насъ не укоренилось столь глубоко, жѣтко отмѣченное Востоковымъ, недоразумѣніе относительно языка печатныхъ церковныхъ книгъ, признаваемаго за древній. — Мнѣ сдается, что Востоковъ и его послѣдователи, подъ вліяніемъ этого общаго недоразумѣнія, неправильно отдѣляютъ древній письменный языкъ Русскихъ памятниковъ отъ древне-Церковно-Словенскаго, признаваемаго Востоковымъ совершенно гадательно за древне-Болгарскій. Присутствіе отгѣнковъ Русскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ въ рукописяхъ древне-церковныхъ не даетъ права, на основаніи отличій въ правописаніи, признавать отдѣльные литературные языки. Вліяніе мѣстнаго выговора и живой рѣчи на языкъ литературный несомнѣнно; но это вліяніе, какъ бы оно сильно ни было, не измѣняетъ еще сущности самаго языка. Церковно-Словенскій языкъ существовалъ въ Русской

письменности до Петра Великаго въ испорченномъ видѣ, и былъ замѣненъ живой Русской народной рѣчью, всегда существовавшею отдѣльно отъ книжнаго языка, пока она сама не сдѣлалась языкомъ литературнымъ.

Г. Тихонравовъ, въ изданіи Слова для учащихся (изд. 2-е. Москва. 1863), возобновилъ сомнѣнія Калайдовича относительно времени рукописи, предполагая, что она писана скорописью. Главная точка опоры—это близкое сходство буквъ *з* и *ѣ*, *ѣ* и *ь*, *ы* и *ѣ*, въ скорописи XV—XVII столѣтія.

Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ сродства этого не замѣтно, хотя въ скорописи почти все возможно находить, чего желаешь; но именно буква *ѣ* имѣетъ свой характеръ, и по мѣрѣ того, какъ *з* становится похожъ на нынѣшнюю *ѣ*, эта послѣдняя буква все болѣе и болѣе подымается вверхъ и становится одной изъ наиболѣе замѣтныхъ буквъ, такъ что часто по буквѣ *ѣ* отгадываешь черезъ-чуръ неразборчиво написанное слово. Однимъ словомъ, въ одной и той же рукописи однообразнаго *з* и *ѣ* мы, не смотря на поиски наши, не встрѣчали. Относя рукопись къ скорописи второй половины XV столѣтія и позже, г. Тихонравовъ приводитъ весьма неразборчивые примѣры изъ скорописи конца XVII и второй половины XVI столѣтія, изъ коихъ впрочемъ отнюдь не видно, чтобы *ѣ* легко смѣшиваема была съ *з* и *ы*. — Въ сопоставленіи же *з* и *ѣ*, по палеографическимъ снимкамъ преосвященнаго Саввы, г. Тихонравовъ избираетъ для того черезъ-чуръ широкое поприще отъ 1493 по 1653 г. и смѣшиваетъ рукописи разныхъ временъ, мѣстъ и лицъ. Здѣсь дѣйствительно первый *з* похожъ на первую изъ пяти *ѣ*; но принадлежать ли эти два начертанія одной и той же рукописи, объ этомъ не упоминается, хотя это условіе весьма существенное; во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами рукописяхъ однообразнаго начертанія буквъ *з* и *ѣ* въ одномъ и томъ же памятникѣ мы не встрѣчали.

И. И. Срезневскій, въ одномъ заявленіи въ Имп. Академіи Наукъ, отвергаетъ предположеніе г. Тихонравова, какъ неосновательное; од-

нако замѣчаетъ, что попытка эта дѣло хорошее и полезное. Я вполне раздѣляю это мнѣніе нашего знаменитаго палеографа. Точка отправления Н. С. Тихонравова была крайне неправильна: онъ начинается съ того, что, не имѣя никакихъ данныхъ, отвергаетъ всѣ свидѣтельскія показанія; но на этомъ вымышленномъ основаніи онъ дѣлаетъ выводы весьма вѣрные и вовсе не нуждающіеся въ основномъ его предположеніи. Большая часть его замѣтокъ и чтеній основана на предполагаемыхъ имъ весьма разумно надстрочныхъ знакахъ.

Въ Словѣ о Плѣку Игоревѣ, по сличеніи первопечатнаго текста съ архивнымъ спискомъ, который изданъ покойнымъ Пекарскимъ, оказывается, что въ обоихъ согласно 24 окончанія на ь третьяго лица единственного и множественнаго числа настоящаго, прошедшаго несовершеннаго и будущаго времени. — Окончаній на з этихъ формъ глагола въ обоихъ текстахъ согласно 22. — Окончаніе на т безъ глухой гласной въ возвратномъ видѣ ѣ, въ обоихъ текстахъ согласно. — Затѣмъ остается 38 формъ глаголовъ, оканчивающихся на з въ первомъ изданіи и замѣненныхъ въ изданіи Пекарскаго ь. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, при разногласіи этихъ двухъ текстовъ, всякій разъ, что въ первомъ изданіи встрѣчается ь (всего пять разъ), въ текстѣ по изданію Пекарскаго находится, всякій разъ безъ исключенія, з: въ первомъ изданіи скачють, бѣжить, текутъ, кають, зоветь; въ архивномъ текстѣ совершенно противоположно, несмотря на явное предпочтеніе къ ь, всѣ пять разъ стоитъ з. Объяснить эту діаметральную противоположность случайностію едва ли позволительно.

Въ 46 случаяхъ обѣ полугласныя въ древней рукописи были помѣнены явно и вполне; въ остальныхъ же 38 случаяхъ нетрудно угадать, что въ рукописи находились два знака, замѣняющіе глухія гласныя: одинъ знакъ, представляющій прямую черту и другой болѣе или менѣе дугообразный ^, часто встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ рукописяхъ. При сличеніи обоихъ текстовъ весьма ясно обнаруживается, что при обѣихъ транскрипціяхъ господствовали

два мнѣнія относительно этихъ двухъ формъ надстрочнаго знака. Гр. Мусинъ-Пушкинъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, до 1797 года, при представленіи копій императрицѣ Екаторинѣ II, признавалъ въ 36 знакахъ одной и той же формы ѣ. Впослѣдствіи Гр. Мусинъ-Пушкинъ и его Московскіе сотрудники, съ 1797 по 1800 годъ, признавали одинъ изъ надстрочныхъ знаковъ, чаще (36) повторенный, за з, и наоборотъ, рѣже встрѣчающійся знакъ за ѣ. Такимъ образомъ въ Москвѣ установилось чтеніе діаметрально противоположное Петербургскому, въ отношеніи прямолинейнаго и дугообразнаго надстрочнаго знака. Два слова „повѣдаютъ“ и „летитъ“ первопечатнаго изданія въ архивномъ спискѣ сохранили повѣдаю и летѣ.

На основаніи этихъ двухъ примѣровъ возможно опредѣлить, что Московскіе издатели признавали правильнымъ окончаніемъ тѣ; но весьма неосновательно ихъ заподозривать въ произвольномъ измѣненіи текста: ибо они въ 24 случаяхъ сохранили окончаніе тѣ. Изъ всего этого мы можемъ весьма основательно заключить, что въ Пушкинской рукописи встрѣчались слѣдующія формы:

1) ждеть, крычатъ, брешутъ, мръкнетъ; всего 22.

2) звенить, ржутъ, править, трубятъ; всего 24.

Такимъ образомъ, въ случаяхъ, гдѣ между обоими чтеніями не существуетъ различія, почти столько же окончаній на ѣ, какъ и на з.

3) възбываѣ, рыкаю, кличѣ; всего 36 разъ, съ дугообразной чертой надъ т.

4) зовѣ, скачю, бѣжи, теку, каю; всего 5 разъ, съ прямой чертой надъ т.

5) повѣдаю, летѣ; такъ въ Арх. сп., въ печ. текстѣ оба раза з.

И. И. Срезневскій (Древ. Слав. пам. юсоваго письма. Спб. 1868 г. Сборникъ ст. Имп. Ак. н. III, на стр. 153. 174) говоритъ:

„Чаще всего видимо смѣшеніе глухихъ гласныхъ, выражаю-

щееся или неправильнымъ и непостѣдовательнымъ ихъ употребленіемъ одной вмѣсто другой, или исключительнымъ употребленіемъ одной изъ нихъ вмѣсто другой. Изъ рукописей этого послѣдняго отдѣла исключительнымъ употребленіемъ одного *ѣ* отличаются Евангельскіе листы Ундольскаго XI вѣка, Паремейникъ Григоровича, 1-й почеркъ Слѣпченскаго Апостола; а исключительнымъ употребленіемъ *ь* Македонскій листокъ XI вѣка, Евангельскіе листы Ундольскаго XII—XIII вѣка, Дечанскій псалтирь и поученія Ефрема Сирина XIV вѣка. Изъ рукописей, въ которыхъ употреблены и *ѣ* и *ь*, менѣе всего неправильностей въ ихъ употребленіи находится въ Новгородскихъ Евангельскихъ листахъ XI вѣка; но и въ нихъ встрѣчается *ѣ* вмѣсто *ь*, и на оборотъ, какъ въ коренныхъ созвучіяхъ, такъ и въ окончаніяхъ; въ другихъ же рукописяхъ XI вѣка и болѣе позднихъ количество неправильностей неисчислимо. Нерѣдко въ одной и той же рукописи на одной и той же страницѣ одно и тоже слово написано и съ *ѣ* и съ *ь*.“

Dr. F. Miklosich (Lehre der Conjugation im Alt Slovenischen. Wien. 1849. ausd. I. B. der Denkschr. der Ph. und Hist. C. der K. Ac. der Wiss. стр. 5):

„Der Character der III Singular. *тъ*, der sich in *сѣти* (inquit) vollständig erhalten, fällt selbst in sehr alten Handschriften häufig ab: *навѣаѣ*, *бѣде*, *бесѣдоуѣ*, *пѣтаѣ*, *хѣште*, *пѣтаа*, *подобаа*, *исхаждаѣ* cod. Suprasl. — *охоудѣѣ* hom. 289. — *повѣдоуѣ* ibid. 226. — *проповѣдаѣ* ibid. 228. — *послоухоуѣ* ibid. 180. — *праздѣноуѣ* ibid. 99. — Seltener ist dieses in der III Plural der Fall: *начѣнѣ* (incipient) cod. Suprasl. — *слѣни* прозираѣ, *писана* бываѣ cod. Assem. Dafür nehmen manche Verba in der III Singular, seltener Plural Aorist und Imperfect *тъ* an: *житъ* Triod. — *обитъ*, *питъ*, *приятъ*, *сѣнатъ*, *начѣтъ*, *оумрѣтъ*, *стенашетъ* Georg. mon. — *моуждашетъ* Ostrom. 279. а. в. — *оучашетъ*, *глаголашетъ*, *имашетъ*, *помиловашетъ*, *родѣшетъ* и пр. aus Nestor und Annal. Ipat. angeführt von šaf. čas. mus. česk. 1847. 158 et seqq. *могошѣтъ* Annal.

Ipat. — придѣть (συνῆλθον, παρέσιν) apost. mac. sind sehr selten; имѣхѣть cod. Кор. Evang. šišat; — хранѣхуть Georg. mon.; выпрашахѣть dam. Apost.; съврѣшахѣть Mich. 2, 1.; искахѣть 2 Reg. 17, 20. Dobrowsky 555: прѣштахѣть, молахѣть Evang. šišat; выпрашахѣть Apost. šišat. — звахѣть, изимахѣть, възбивахѣть, несахѣть, бяхѣть, метяхѣть, слоушахоуть u. s. w. aus Nestor. und Annal. Ipat. angeführt von šaf. čas. mus. česk. 1847. 159 und seqq. — Im Aorist nimmt auch die II Singular das тѣ, ап: бѣзѣть (ἐγενήθης et ἐγενήθη) brev. glag. — обѣть (obvolvisti, obvolvīt), приѣть (accepisti, accepit). — Ich schreibe in diesen Fällen aus Gründen, die ich erst später entwickeln kann, тѣ, obgleich der Ostrom. stets тѣ bietet.

Мнѣ неизвѣстны дальнѣйшія замѣчанія Миклошича объ окончаніи глаголовъ на тѣ и тѣ, а равно и замѣчанія Шафарика въ Часописѣ Чешскаго Музея за 1847 годъ, стр. 158 и слѣдующія. Весьма важно то, — если можно считать вопросъ о народности сочинителя Игоревой пѣсни серьезнымъ, — что окончанія: бѣшетъ, помнѣшетъ, сѣяшется едва были извѣстны Миклошичу и Шафарiku до изданія Ипатьевской лѣтописи. При сличеніи толковой Псалтири Болонской конца XII столѣтія и Погодинской XII оказывается:

Въ Болонской: знаменаваѣтъ. внидѣтъ, въсприѣтъ, глѣтъ; въ вариантахъ по Погодинской Псалтири: блѣвѣтъ, блѣвествѣтъ, величитъ (ь), приносѣтсѣ, приносѣтсѣ, этотъ вариантъ повторяется постоянно, кѣтъ, кѣ, подобакѣтъ, пѣбаѣтъ, просвѣтитѣ, станѣтъ, станѣтъ и т. д.

Въ обоихъ же спискахъ встрѣчаются: побѣгнѣтъ, нисходѣтъ.

Въ Погодинской Псалтири: псаломъ ѣ, съвершаетъ, блажитъ, бѣдетъ, сѣтъ, цѣветъ, глѣтъ, дастъ, ѡпадетъ, сѣтъ, възметаѣтъ, възкрѣнѣтъ, погыбнетъ, спасаѣтъ, ѡмръжаѣтъ, ѡметаѣтъ, естъ и т. д. Въ этой же выпискѣ встрѣчается: „бытъ имъ въ тѣщѣ“ и „обращѣтъ“.

Въ псалмѣ: Гѣ възѣисѣ да раѣетсѣ землѣ; по Погодинской

рукописи, принадлежащей И. П. Б., по выпискѣ Срезневскаго (стр. 241), за неизвѣстнымъ полнымъ спискомъ, въ началѣ псалма изъ Болонской Псалтири сѣть, глѣть.

Затѣмъ, по Болонской Псалтири: есть, суть, въздасть, имать. Изъ Погодинской Псалтири (Срезневскій, стр. 244): ꙗѣ Мариа сестры Мосешвы; поасть, ѡдолѣть, приасть, пройдѣть; и на слѣдующей же строкѣ: проидѣть, дасть, гавлѣть, покрыеть, придѣть, бѣдетъ, налагѣть, сѣдитъ и т. д.

Въ началѣ и концѣ Погодинской Псалтири, по двумъ почеркамъ, возвратные глаголы пишутся: поучитѣсь, исправитѣсь, поспѣтѣсь, поспѣются, поспѣтѣсь и т. д. (стр. 207 и слѣд.). И въ самомъ концѣ, какъ бы протестуя противъ собственнаго правописанія, нарисовано Хс̄. Зач. и кѡ̄ естѣ.

Въ Болонской: приноситѣсь, облачитѣсь, приклонитѣсь, оутврѣждаетсясь, оутрашѣются, оубоитѣсь, възвышѣются (въздвигаются Пог. Псал.), ѡбратѣтѣсь (ѡбратѣа Пог. Псал.), оукорить, възносить, обнищать, глѣть, възпѣть, различить, веселѣть, оупѣвать. Zum Glag. Cloz. F. Miklošich. Wien. 1860 (X. B. der Denkschr. der P. H. C. der Acad. der Wis. 201 (9).

Срезневскій изъ Саввиной кн. Еванг. чт. XI вѣка: створить, прославить, соблюдетъ, есть, разоумѣють, боудеть, дасть, сѣть, смѣшается, съберѣть.

Слово о Адаме и Евзе (Измарагдъ Троицкой Сергіевой лавры, XVI вѣка; Тихонравовъ, Памяти. отреч. Рус. лит. Спб. Т. I. стр. 6): оукажетъ, повелѣи, хошѣ, хошеть, изречеть, припоуститъ, оутолит, болить, дасть, гласить, наоучить, последоуѣ, оуслышитъ, припоуститъ, ѡслабитъ, хѡтѣи, смѣшашеть, есть, бысть, глѣть, есть, есть, есть, дасть, изыдетъ, зрить, трепещеть, глѣть, дасть, створить, дасть, есть, соуть, хошеть, хошеть, хошеть, избавит, оуслышит, предасть, изыдетъ, есть, есть, есть, вдасть, пребываетъ, пребываетъ, пребысть, предасть, погребеть, лежи.

Окончанія на ть безъ разногласія:

8 есть, 3 дать, 2 предать, вдать, 1 соуть, 1 бысть, 1 пребыть. Сюда принадлежит также смѣшатель.

Въ Откровеніи Авраама, по пергаменному списку XIV вѣка, постоянно тѣ, какъ и вообще въ большей части позднѣйшихъ Русскихъ рукописей.

Изъ всего этого можно заключить, что тѣ писцы, которые исключительно употребляли одну изъ глухихъ буквъ, не придавали ей опредѣленнаго значенія и предоставляли читателю избирать то произношеніе, которое соответствовало мѣстному обычаю.

Тѣ писцы, которые употребляли безразлично и ту и другую глухія буквы, хотя и принимали за правильное одно изъ двухъ правописаній, однако могли сбиваться по привычкѣ или по мѣстному произношенію. Изъ рукописей, гдѣ разногласіе въ значительномъ количествѣ, нельзя дѣлать выводы, что именно писцы считали правильнымъ и что они писали по привычкѣ. Сила привычки равняется силѣ закона. Общины, существовавшія до введенія Церковно-Словенской письменности, состояли изъ людей, принадлежавшихъ разнымъ народностямъ, а потому и разногласіе относительно правописанія должно было быть съ самаго начала спорнымъ. Я полагаю даже, что глухія гласныя и ѣ, употребляемый разнообразно въ древнѣйшихъ рукописяхъ, получили свое существованіе преимущественно для облегченія распространенія церковной письменности между различными Славянскими народами. Нѣчто подобное мы видимъ въ Арабскихъ рукописяхъ, опускающихъ гласныя также, вѣроятно, на томъ основаніи, что гласныя произносятся различно Арабскими племенами. Этимъ самымъ облегчилось распространеніе письменности между различными племенами.

Дальнѣйшее сличеніе остальныхъ разногласій въ обоихъ текстахъ Слова, Пушкинскомъ и Пекарскомъ, укажетъ, вѣроятно, которому изъ двухъ текстовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Ясно лишь то, что въ рукописи, принадлежавшей графу Пушкину, находился 41 глаголѣ съ окончаніемъ, обозначеннымъ двумя различными знаками, прямою чертою въ пяти случаяхъ и, вѣроятно, дугообразною — 36 разъ,

или наоборотъ. Не слѣдуетъ также опускать изъ виду, что прямолинейная черта въ рукописяхъ переходитъ безъ намѣренія писца въ дугообразную.

Что касается до глухихъ гласныхъ въ серединѣ словъ, то разногласіе еще болѣе замѣтно: з замѣняется гласною о или є въ изд. Пек. 12 разъ, Пзлку 7, взлкомъ и 34 раза правое-ую-ныхъ, наплзлився, длзго, 4 чрзний-я-а-ою; млзніи, Чрзниговъ, Святоплзкъ (Святополкъ), плзночи, слзнце, брззъ, влзпахъ, помлзкоша. з и ь вовсе опускается въ изданіи Пекарскаго: възстужи, чрзленыя, Тьмутороканя, иноходцы, крильца, Угорьскыи, тзюю, Готьскія, ольберы, Ингзварь, седьмомъ, отъ, сильными, мьглами—мзглами, помлзкоша, только. Но за то въ изданіи Пекарскаго встрѣчаются з и ь въ тѣхъ слогахъ, гдѣ въ изданіи графа Пушкина глухихъ гласныхъ не находится: Свят[ъ]славъ, бес[ъ], Свят[ъ]славлича, Сал[ъ]тани, Свят[ъ]славлича, мр[ъ]кнетъ, Латин[ъ]скими, утр[ъ]пѣ, шестокрил[ъ]цы, Литов[ъ]скія, Кіев[ъ]скаго, Кіев[ъ]скимъ, шестокрил[ъ]ци, Полот[ъ]скѣ.

Случаи, гдѣ одна изъ глухихъ гласныхъ замѣняется другой (слова выписаны по первому печатному изданію, а разногласіе отмѣчено въ скобкахъ по изданію Пекарскаго):

Тьмутороканю [ъ], мзгла [ъ], чрьлеными [ъ], орътмами [ъ], чрьлена [ъ], чрьлена, тльковинъ—тльковинъ. Всѣ эти слова принадлежатъ къ § 1, т. е. слѣдуетъ предполагать прямолинейную надстрочную черту.

Согласное употребленіе глухихъ гласныхъ въ обоихъ изданіяхъ: възрѣ, възпѣти, брззя, възпѣти, брззи, възлѣлѣяни, възкрмени, възстужи, възрожать, възтала, възплескала, сыглядати, чрьнахуть. нъ, нъ, повръгоща (опечатка—вмѣсто повръгоша), чрьлеными [первое изд.]—чрьвлеными [изд. Пек.], врѣже, тѣ [тъй], утрѣ, Хрьсови, Святослави, сыпряже, вьвержеся, чрьнядми, пожрѣши, втроскоташа, Святъслава, Ольгова.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ при снятіи коніи для императрицы, т. е. до отъѣзда въ Москву, замѣнялъ глухія гласныя з и ь гласными о и є, для облегченія чтенія.

Онъ признавалъ также знакъ тяжелаго ударенія за признакъ глухой гласной; по переѣздѣ въ Москву, при печатаніи, этотъ знакъ оставленъ безъ вниманія.

Затѣмъ слѣдуетъ предположить, что составившаяся въ Москвѣ редакція для изданія „Слова“ была діаметрально противоположнаго мнѣнія съ редакціею Петербургской.

По первому изданію въ печатномъ текстѣ и архивномъ спискѣ встрѣчаются: ѡглами, ѡглами и ѡгла; въ первыхъ двухъ случаяхъ нѣтъ глухихъ гласныхъ въ архивномъ спискѣ, а вмѣсто ѡгла встрѣчается ѡгла. Вмѣсто орытмами въ изданіи Пекарскаго ѡ, и наконецъ ѡ три раза замѣняется буквою ѡ въ словѣ чрьлси въ изданіи Пекарскаго. Это же слово въ обоихъ изданіяхъ 2 раза пишется на ѡ; одинъ разъ ѡ опущенъ въ изданіи Пекарскаго, и наконецъ въ этомъ послѣднемъ изданіи то же слово написано съ ерикомъ.

Эти примѣры весьма наглядно указываютъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія обвинять первыхъ издателей въ систематическомъ исправленіи текста.

Взглядъ графа Мусина-Пушкина, выразившійся въ копіи, сдѣланной для императрицы въ 1797 году, былъ измѣненъ при печатаніи и согласованъ съ болѣе правильнымъ чтеніемъ его Московскихъ сотрудниковъ, Малиновскаго и Бантышъ-Каменскаго. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что и здѣсь не бездѣйствовала искони обычная намъ неурядица въ правописаніи.

Изданіе текста сдѣлано съ весьма замѣтной осмотрительностію и съ большимъ знаніемъ дѣла. Переписчики и издатели, имѣвшіе дѣло съ Словомъ о Полку Игоревомъ, обращались съ текстомъ даже съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ. Едвали можно найти рукопись Греческую или Латинскую, представляющую менѣе описокъ. Самые варианты въ обоихъ текстахъ Слова представляютъ только различные способы чтенія рукописи.

Сюда слѣдуетъ отнести всѣ именительные, родительные, датель-

ные и творительные падежи на *ъ*, обозначенный надстрочными знаками въ двухъ начертаніяхъ.

Сюда слѣдуетъ отнести и разногласіе въ обоихъ изданіяхъ, происходящее отъ отсутствія глухой гласной.

Велесовъ — *ъ*, одинъ[*ъ*], *сз* — *ѣ*, шеломъ[*ъ*], забывъ — *ь*, Всеволжъ — *ь*, дивъ — *ъ*, бес — [бесъ], похитимъ — *ь*, дастъ — *ь*, подѣлимъ — *ь*, дастъ — *ь*, Урим[*ъ*], Черниговъ — *ь*, Донецъ — *ь*, отецъ — *ь*, сон[*ъ*], в=въ, сз — сь, въ — ъ.

Различіе въ правописаніи дательнаго, винительнаго и творительнаго падежей весьма очевидно объясняется нахожденіемъ въ рукописи тѣхъ же двухъ знаковъ, читаемыхъ различно въ Петербургѣ и Москвѣ: былинамъ — *ъ*, умомъ — *м*, имъ — *ь*, мечемъ — *ь*, человѣкомъ — *ъ*, княземъ — *ь*, нимъ — *ь*, намъ — *ь*, трудомъ — трудѣ, звѣремъ — звѣремъ, молодымъ — молодѣ, соколовъ — *ъ*, умъ — *ъ*, имъ — *ъ*, умъ — *ь*, бологомъ — *ь*, болотомъ — *ь*, животъ — *ь*, сыновъ — *ь*, княземъ — *ь*, босымъ — босымъ, соколомъ — соколомъ, своихъ — своихъ.

Сюда можно отнести и варіантъ рече и речъ, предполагая въ рукописи форму рѣ. Такъ объясняется этотъ варіантъ у Тихонравова. — Можетъ быть, и варіантъ рече и рекъ произошелъ отъ чтенія рѣ. Этотъ примѣръ можно даже считать сильнымъ подтвержденіемъ догадки о значеніи, приданномъ этимъ двумъ знакамъ.

Касательно надстрочныхъ знаковъ прямолинейнаго и дугообразнаго слѣдуетъ замѣтить, что знаки эти замѣняли разныя гласныя буквы, и даже нѣсколько разомъ, что видно по выпискамъ въ Христоматіи Вуслаева. Заимствованныя въ этой Христоматіи примѣры достаточно указываютъ, что предполагаемое мною объясненіе нѣкоторыхъ варіантовъ произвольно: въ *ѣтотѣ* и *ѣтъ* житіи живуущихъ (Служебникъ Антонія Римлянина, рукоп. Синод. Библи. № 605).

ѣлколюбъ (Трефолой, рукоп. Синод. Библи. № 895, подъ 20 іюля).

мѣтъ (Паремейникъ, рукоп. 1271. Импер. Публ. Библи. Притчи Соломона 3, 1—18).

Также: мѣть, мѣтына и мѣти въ Пр. Соломона 14, 15 — 26 (по той же рукописи).

Въ послѣсловіи въ Псалтыри Синод. Б. р. 1296. 235: і писан-
ша троу ра помніте. и на сѣдалище гоубитель нѣде (въ той же
рукописи).

Исѣтѣа = нечестиваго (Прологъ, рукоп. Синод. Б. XIII—XIV
вѣка. Память преп. о. Кирилла, подъ 14 февр.).

Въ Тріоди Григоровича (Др. Слав. пам. И. И. Срезневскаго.
1868. стр. 337): кѣта, гѣмъ, шѣи [остави], помѣуі, ѡѣи.

ѡ неревскѣ конца сѣго Володимира (стр. 314).

Рѣзанскѣ (стр. 322. харат. Синод. Лѣтописи).

Лѣнѣ (стр. 323). Можно было бы предполагать, что подобное со-
бращеніе обозначаетъ правописаніе оѣо, но въ той же рукописи встрѣ-
чаются род. пад. на аѣо.

Подобныя сокрашенія встрѣчаются, напримѣръ, въ Новгородскихъ
листочкахъ: сѣне мѣкнѣтъ — безъ обозначенія буквы ц.

Въспонте гѣи пѣ нову (изъ Саввиной книги въ Древн. Слав.
пам. юсоваго письма. 1868 г. стр. 73).

Здѣсь „пѣснь“ написано совершенно согласно съ обоими чтеніями,
печатнымъ и архивскимъ. Тоже самое и относительно пятницы въ
па (изъ Саввиной книги въ Древн. Слав. пам. X вѣка, Срезневскаго.
1868. стр. 129).

Тѣмѣ [тѣломѣ] въ Слѣпчен. сп. Д. Ак. и въ Синодальномъ.

Надстрочные знаки прямолинейный и дугообразный въ несрав-
ненно большемъ числѣ случаевъ тождественны, т. е. прямолинейный
знакъ переходить, по небрежности писца, въ дугообразный. Напр. въ
Лавр. рукоп. Лѣтописи дугообразный знакъ ставится намѣренно, пре-
имущественно, если не исключительно, надъ словомъ высть. Можно
предположить, что при снятіи копій, сдѣланной для императрицы,
по примѣру въѣ установленъ взглядъ, что дугообразный знакъ соотвѣт-

ствуешь мягкой полугласной въ отличіе отъ твердой, а гласная „а“ въ отличіе отъ „о“, „и“ въ отличіе отъ „ы“, обозначающихъ прямолінейнымъ знакомъ. Мы находимъ слѣдующіе варианты, вызванные тѣми же знаками, которые были прочитаны и вѣсто и въ архивскомъ текстѣ, и на оборотъ—въ Пушкинскомъ.

ОТКРЫТІЕ

ТИТЛОВЪ ПО ОБОИМЪ СПИСКАМЪ

Пушкинскому.		Архивскому.	
взмѣляны плѣки (2).	плѣки	полки	взмѣляны полки (2).
крылы	плѣци	полцы	крылы
	рускія рѣки потоки великихъ, ій Половецкихъ Половецкія	рускыя рѣки потоки великихъ, ый Половецкихъ Половецкыя	
кроваты			кроваты
акы	акы	акы	акы
	готскія похитимъ облаки Литовскія	готскыя похитимъ облаки Литовскыя	
унылы желѣзныи			унылы желѣзніи
	многи ляцкіи нихъ	многы ляцкыи ныхъ	
Давидовы			Давидови

Безъ различія въ обоихъ текстахъ: полны, прикрыты, угорскыи, тмутороканскыи, оварскыи, Половецкыи, Половецкыми, Кіевскыи, касожскыми, Рускыи, ня, облавы, великыи, всякыми, драгны, паволокы, аки, дѣвки, телѣгы, полунощы, кожухы; давныи и поганыхъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчается точно также безъ вариантовъ полки, угорскыми, Половецкѣи, Половецкѣи. Въ противоположность современному Русскому произношенію находимъ опять безъ вариантовъ: нѣмци, половци, галици, крильцю, крильца, храбрѣи, изострени, отворени, напряжени, въскръмлени, осѣдлани, поганѣи, враѣи, жадни, знаями, вѣдоми, свѣдоми, повити, кѣмети, ради, гради, готови, весели. Правило обнаруживается весьма явно и вмѣстѣ съ тѣмъ не намѣренное отступленіе отъ правила.

Варианты на букву Я объясняются двоякимъ чтеніемъ этой гласной, изображенной начертаніемъ а. Что касается до варианта „веселіа“ и „веселѣа“, то это послѣднее разногласіе объясняется правописаніемъ Чудовской толковой Псалтири XI вѣка. Выписки изъ этой Псалтири приведены въ вышеупомянутомъ изданіи академика Срезневскаго, на стр. 172 и слѣд. Псал. хлпн: прѣгаша вмѣсто прѣгаша, навидаштаа вмѣсто ненавидаштаа, своа вмѣсто своа, языцѣхъ вмѣсто языцѣхъ.

Можно предпол. въ Пушк. рукописи веселіа или веселѣа ср. табл. VII. 47.

Это затрудненіе отличить букву Я отъ А, болѣе прочихъ разногласій, доказываетъ древнее правописаніе, древность почерка Пушкинской рукописи, приводившей издателей въ недоумѣніе.

Въ Супрасльской рукописи: начаша (235), повелѣша, причастиса, подаша, быша, спѣшатъ, придоша, просиша, быша, разбѣгшаса, распаша, градете, оучастъ, видѣша, обрѣтошаса, твораште, хоташте, услышатъ, отъстѣпатъ, бѣсаштоуса, съвазана, ужасошаса, княземъ, са, поманѣхомъ, има, болашта, гѣа, насыптаиса (въ вариантѣ Срезневскаго по Рус. лист. Имп. Публ. Библ. XI вѣка: насладиса стр. 188).

Привожу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ Супрасльской рукописи соответствующихъ вариантамъ въ табл. VII и VIII. стр. 47 и 48. При этомъ можно замѣтить, что вариантъ Христья(а)ны объясняется присутствіемъ какого либо смягчительнаго знака надъ а.

Въ Супрасльской рукописи: бышѧ, подаша, придошѧ, ср. несопа ю таб. XV. 62. поштадите, надеждѧ, сѣдаштеѧ, начашѧ, цѣсара и цѣсара, отълучивше ѧ [Іону и Варихисіа] разво, поматаша ѧ (прѣсты) прѣдѣ стѣмъ Ишнѧ.

Варианты по Пушк. и Архивск. тексту:

начати — а, рассушясь — а,

начаша — а, туча — а,

потручати — а, поскачаше — а,

Святославица — а, Брячеславѧ—Брячеслава,

давеча — а, начаша — а,

начясте—а, рядаше—радаше,

христьяны — а, сыновца — а.

веселіа — а (въ древней рукописи веселіа или веселіѧ).

На оборотѣ Полочаномъ было въ древней Пушкинской рукописи: Полочаномъ. (вар. 242).

Въ Саввиной книгѣ (Срезневскій, стр. 11): находимъ мрѣжа и мрѣша.

іщѧі обращеть.

вмѣтаѣща мрѣжа.

оставша мрѣжа.

строѧща мрѣжа.

Ср. замѣтку И. И. Срезневскаго (стр. 19) въ обзорѣннѣи объ опечаткахъ въ изданномъ имъ текстѣ.

Читавшій правильно а и ѧ (я) долженъ былъ признать встрѣтившееся а за а. Имѣя въ виду мрѣжа, възвѣаша, супротивникъ слово Полочаномъ читалъ Полочаномъ, имѣя въ виду формы подобныя: възвѣаша, —птица нѣскыѧ.

Первые издатели, не имѣвшіе обильнаго матеріала, тщательно собраннаго И. И. Срезневскимъ, не могли не стать въ тѣни, встрѣ-

тивъ въ Слуцкой Псалтири. которая могла быть извѣстна одному изъ нихъ, между прочими примѣрами употребленія начертанія а: кѣнази погынаша ма, — любашимъ, — приближитса, — овча. (Древн. Старо-Слав. пам. юсоваго письма, Срезневскаго. Стр. 164 и 165). Я не ссылаюсь на Супр. р. такъ какъ она могла не быть извѣстной въ то время. [см. стр. 47. табл. VII].

Въ Саввиной книгѣ встрѣчается это начертаніе: радоуѣса, обинуса вм. обиноуѣса въ Ватик. глаг. Евангеліи (тамъ же стр. 169), распѣдеса (Финлянд. отр. изъ четвероев. XII в. № 1. Срезневскаго. 1871. стр. 16).

Таже двойственность въ правописаніи повторяется и въ словахъ съ буквою ѣ.

И възиди на херовимъ и летѣ

Летѣ на крылоу вѣтрью.

Въ Толк. Псалт. рус. письма XI вѣка, принадл. Имп. Публ. Библ. пс. XVII. И. Срезневскаго, въ прил. къ XX т. Зап. А. Н. № 3. стр. 42.

Обѣ формы „летѣть и „лѣтять“ занесены въ Словарь Миклошича.

Летѣти — πέτεσθα! — volare. Jo. Clim. Vost. I. 393.

Летѣ конь. Карамзинъ, II. пр. 353.

Лѣтаѣмъ на святаго стрѣлы. Прологъ Пиргскаго монаст. Сербск. рук. 1572 г.

Лѣтаѣмъ, Johan. Chrys. etc. hom. 1574. serb.

Голоубіе лѣтающе; высоко летающимъ (Хрестом. Буслаева. 689. 918. 977).

Полѣтъ указываетъ, какъ-будто форма летѣть правильнѣе чѣмъ лѣтѣть. Тоже самое можно замѣтить и о сѣдлѣ—сѣдла, вѣроятно писавшемся правильно сѣдло. Въ словарь Миклошича даже нѣтъ формы: сѣдло.

Въ обоихъ текстахъ варианты Ъ и Е находятся въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и всѣ прочіе, т. е. одинъ текстъ идетъ на перекоръ другому. Буква Ъ въ печатномъ изданіи 30 разъ замѣнена буквою Е, и наоборотъ—буква Е четыре раза замѣнена буквою Ъ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ можно предположить, что „ветрѣхъ“ въ древней рукописи имѣло слѣдующій видъ вѣхъ; слово море—мѡ, Ольберы—Ольбѣ, възлѣяны. Начертаніе этихъ четырехъ словъ читалось при первомъ изданіи текста за Е; въ архивскомъ же спискѣ знакъ этотъ замѣненъ буквою Ъ.

Въ окончаніяхъ глаголовъ и существительныхъ именъ можно объяснить разногласіе присутствіемъ буквы ꙗ—что правильно по мягкости предшествующихъ согласныхъ—въ словахъ синꙗмъ, златовръꙗмъ, жестоцꙗмъ, златокованнꙗмъ.—„Высѣдѣ“ и „видѣ“ также могло быть написано: высѣдꙗ, видꙗ.

Лебедѣи, землѣи, Всеволодѣи, себѣи, Осмомыслѣи, небесѣи, Всеволодѣи, лебедѣи, себѣи, Осмомыслѣи и прочія могли быть написаны Всеволодѣи, сеѣи и пр.

Половѣцкаго—Половѣцкаго, тѣлѣгы—тѣлѣгы, залѣтѣло—залѣтѣло; 7 разъ стрѣл съ разными окончаніями, стрѣлами, пѣтети, ꙗꙗти, стѣста, поѣкоста, ꙗꙗти, ꙗлонило. Употребленіе іотированнаго ѣ, послѣ согласныхъ р, н и л, есть принадлежность древняго Церковно-Славянскаго письма и въ древнѣйшихъ рукописяхъ обозначается приставкою ꙗ: ꙗр, ꙗн, ꙗл, или точкой надъ ѣ, или соединительной дугообразной чертой надъ согласными р, л, н и гласной ѣ. Присутствіе разнообразнаго іотированія гласной ѣ въ древней рукописи Слова несомнѣнно на томъ основаніи, что варианты текста первыхъ издателей и архивскаго списка всѣ относятся къ этой гласной вслѣдъ за согласными р, н, л, г, т, д, согласно съ древними рукописями.

Д"вицею=дѣвицею, впрочемъ какъ это разнорѣчіе встрѣчается лишь одинъ разъ " — вмѣсто ѣ, то здѣсь невозможно ничего

предполагать; можно сказать опредѣлительно, что „дивицею“ ошибка въ печатномъ текстѣ, однако правдоподобнѣе принять дивицею за д"вицею, какъ это слово написано въ прологѣ XVI вѣка и въ печатномъ прологѣ, приводимыхъ М. П. Погодинымъ въ переводѣ сочиненія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, стр. 103:

А"вица мудрость есть ѣжѣа
Собра А"вицы своя.

Впрочемъ при этомъ обычномъ знакѣ первые издатели едва ли могли усомниться поставить д"вицею, тѣмъ болѣе, что это правописаніе соблюдено постоянно въ самой пѣснѣ.

Форма дивицею имѣетъ, впрочемъ, свое основаніе.

Іотированіе гласной ѣ послѣ согласныхъ встрѣчается и въ Русскихъ памятникахъ: Се все помышльше браѣ не можѣмъ жестокосерды быти ни лихонимателѣ (Срезневскій, Финлянд. отр. изъ Сборн. Поученій № 40).

Въ большей части рукописей надстрочные знаки не имѣютъ точнаго, опредѣленнаго значенія; такъ, напримѣръ:

ѣбо — нѣѣмѣ. бѣ и бѣ.

Здѣсь не можетъ быть сомнѣнія, что эти разнообразныя знаки немало затрудняли издателей.

По архивскому списку видно что рѣ было прочтено неправильно „речь“, а рѣ было прочтено „рекъ“. Впослѣдствіи, послѣ многихъ трудовъ, эта обыкновенная форма была прочтена правильно, какъ видно по первому изданію.

Варианты указываютъ, что первые издатели принимали за ѣ букву ѣ и ѣ=ѣ — это іотированное ѣ употребляемое въ древнѣйшихъ памятникахъ въ началѣ словъ, послѣ гласныхъ и послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ г, л, н, р, т: ѣсть, ѣмоу, вѣстаникъ, требоуѣтъ, начинаѣтъ, скорѣѣ, свѣѣ, ѣсть (Супр. рук. ѣсть, въ Рус. лист. Имп. Публ. Библ.).

а проче кланѡуѡа игоуменоу и вси братыѣ. Духовн. грамота Новгор. Климента, XIII вѣка. (Срезневскій, Свѣд. и зам. XXXV. 1. стр. 3 и 27.)

съ шбильѣмь, 1. стр. 7.

оружыѣ, стр. 2. стр. 4.

. . . . братнѣже и сестрнѣ рыданіѣ

се все помышльше брѣѣ не мוזѣмъ жестосърди быти ни лихоимателѣ ни хыщницы нѣ правѣ живѣмъ. да хвалоу ѿ бѣа пріимѣмъ. Финл. отр. 13. Изъ Сборника поуч. Рус. письма (Срезневскій, Св. и Зам. 1871. стр. 35 и 36.)

По древлѣ, (тамъ же № 1.)

В. И. Ламанскій (о нѣкотор. Слав. Пам. стр. 20) приводитъ изъ Синаксаря 1330 г. № 53. Библ. Серб. Мин. Народ. Пр.

кнѣзоу, л. 3. на об.; кнѣземъ, л. 5. на об.;

оусѣкателѣ, л. 6; идолослужителѣ, л. 180. на об.

Въ Лѣтописцѣ Господь Сръбскихъ (Pamatky drévniho pisemnictvi Jugoslovaniŭ dil pred chozi sebrala vydal Pavel Joseph Safarik. V Praze. 1873:

Гѣнварь—74. Гюргѣмъ—75. Плѣншиѣ тоурци съ влькомъ сръблѣ—по двумъ рукописямъ 2-й пол. XVII стол. 75. Благочестивый господинъ Сръблѣмъ—76. И плѣни Сръблѣ—по 3 рук. 76—и многъ плачь Сръблѣмъ остави—по 3 рук. 76. погыбѣ и погыбе—76.

Кромѣ іотированныхъ є въ началѣ словъ и вслѣдъ за гласными и полугласными встрѣчается іотированное є выраженное формою ѣ и ѣе вслѣдъ за г, к, л, н, т.

Въ сказаніи о Сръбскихъ господахъ: кѣсарства, сънемлѣтъ, нѣю, пріемлѣтъ, тогда землѣ тоѣ жителѣ (стр. 57), понѣже, вьнѣи, тоѣ землѣ, милостинѣ сотвори, кралѣвство (51), огнѣмъ (52), въ

нѣйже и светыѣ его мощи (53), языки, приѣмлю, вѣнчаваѣтъ
его послѣди же и сыриноу его макѣдоніи (54), нѣсѣд ангѣлина (63).

Это же начертаніе іотированнаго є встрѣчается послѣ соглас-
ныхъ въ Новгородскихъ листкахъ, изданныхъ Срезневскимъ: гла-
голетъ; въ Острог. Евангеліи встрѣчаемъ о нѣмъ.

Такое же правописаніе встрѣчается и въ рукописномъ Іоаннѣ
Екзархѣ Болгарскомъ, на листѣ 1: понѣже; и на листѣ 2: и въ нѣго
же мѣста (Бодянской, прил. къ соч. о происхожд. Слав. пись-
менъ).

Начертанія носовыхъ гласныхъ должны были находиться въ руко-
писи, судя по неправильному чтенію глагола поютъ вмѣсто поятъ, а
также и на основаніи варіанта жемчюжина и жемчужина. Привожу
нѣсколько примѣровъ подобныхъ начертаній по разнымъ рукописямъ:

Оупоѡ стрѣлы моя от крѣве (срезневскій, изъ Погод. Псал-
тири, 250).

Да посадить на съ могѣтьми людъскими.

Изъ Погод. Псалт. Ѡтва Аннина (Срезневскій, 251).

Хранащєи соуѣтнаа и лжу (Срезн. изъ Погод. Псалт. 255).

Ѡбъгуще пещъ наѣтоѡ и неклом и изгрѣбми и лозіємъ. (Срезн.
Погод. Псалт. 257).

Въ Болгарской (Болонской) Псалтири, современной походу Игоря
1186—1196, широкое ѡ употреблено вмѣсто ѡ, между прочимъ,
въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа настоящаго: оуѣстрашѣтъся,
оубоѡѣтъся. Въ Погодинской Псалт. (стр. 209): смѣѣтъѡ, попираѣтъ;
вмѣсто ѡѡ — горѡѡ — святоѡ (Срезневскій, Сборникъ 1868. стр.
81 и 209).

Нѣлѣпо кѣтъ паче ономоу хвалѡ и поклонѣ и чѣѣтъ отъ цѣ-
сарь же и князь и воѡводѣ (Срезневскій, Сборн. Супрас. рукописи.
стр. 234.

Въ Погод. Псалтыри встрѣчаются формы, приведенныя В. И. Ламанскимъ (О нѣкот. Слав. рук. прил. къ VI. т. Зап. Имп. Акад. Наукъ) стр. 93: братиѣ, 93: нощиѣ, мноѣ, на стр. 98: и поѣтъ и ѿ стадъ овчихъ, ѿ доилицъ поѣтъ и.

Въ древней рукописи Слова о Плѣху Игоревѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, находилось вмѣсто поѣтъ—поѣтъ или поѣтъ; въ первомъ изданіи и въ архивскомъ спискѣ находится поѣтъ. Правописаніе древняго текста сохранено, но смыслъ нарушенъ. Вариантъ 237 жемчужина и жемчужина указываетъ на существованіе юсовъ въ рукописи. Оба правильно признаютъ юсь—одинъ за у, а другой за ю, такъ какъ согласная ч заключаетъ въ себѣ іотированіе слѣдующей за нею гласной, а потому и произошло разногласіе въ правописаніи скачуть—скачуть—скачѣ.

Невоструевъ такимъ же образомъ объясняетъ „жедеруа“ вмѣсто жедерата, предполагая весьма основательно въ древнѣйшей Болгарской рукописи ѣ вмѣсто а (примѣч. 253 къ слову св. Ипполита объ Антихристѣ).

Необходимо обратить вниманіе на правильность употребленія носовыхъ гласныхъ при обсужденіи: вопроса могло ли въ Русской рукописи XIII, XIV или XV столѣтія встрѣчаться правильное употребленіе носовыхъ гласныхъ. Едва ли правильно предполагать невозможность соблюденія правописанія въ Русской средѣ.

Ѧ употребляется правильно въ концѣ словъ:

винит. пад. женскаго рода единств. числа,

творит. пад. женск. рода единств. числа,

3 л. единств. и множ. числа настоящ. и будущ. времени,

причастія: пишѣща, двигѣѣ,

наю (отъ ны) и ваю (отъ вы) мѣст. и род. пад. двойств. ч.

ваѣ имен. и вин. мужеск. рода. Двойс. ч. отъ мѣстим. вашѣ.

Впрочемъ на употребленіе ѣ въ Пушкинской рукописи указываютъ два мѣста: копія, или правильнѣе конья поѣтъ на Дунай, въ

обоихъ правильно переданныя „поють“, какъ скоро не принято во вниманіе частое смѣшеніе обоихъ юсовъ ѣ и ѡ. Другой случай менѣе гадателенъ — это варіантъ „женчюгъ“ и „женчугъ“. (вар. 237.)

Окончанія на ѡ правильны:

мѣстоименія: мѡ, тѡ, сѡ,

существ. именит. и винит. единств. числа: имѡ, жребѡ, отрочѡ;
женскія же оконч. на ѡ: волѡ, землѡ, въ род. волѡ, землѡ, землѡ;
а также род. пад. женск. существ. мрѣжа, дѣвица.

имен. и винит. пад. множ. числа: дѣлатель, царь, огонь, море,
въ род. пад. на ѡ, а винит. множ. на ѡ и ѡ;

3 л. множ. числа настоящего и буд. времени: творѡтъ, хвалѡтъ,
стоятъ,

3 лице множ. ч. прошед. времени: сътворишѡ, приѡшѡ;

причастія: любѡ, стоѡ;

въ прилаг. въ род. муж. и ср. иѡ, въ жен. ѡ;

именит. множ. сред. иѡ, жен. ѡ;

множ. вин. ср. иѡ, муж. и жен. ѡ;

мѣстный ѡ винит. двойств. и сред. множ. ч.

ѡ вин. множ. муж. и женск. р. ѡ, ѡѡ, ѡѡже, ѡѡже;

имен. и винит. множ. ч. ж. р. сѡ, всѡ, вашѡ, своѡ, кѡѡ, им.
жен. р. ед. числа, двойств. имен. и винит. пад. имен. и вин.
сред. множ. ч. своѡ, кѡѡ.

Разногласія между обоими текстами невозможно объяснить случайностью: это совершенно несогласно съ теоріей вѣроятностей, которую обойти нельзя ради взгляда, приурочивающаго правописаніе къ излюбленной теоріи; ни въ печатномъ текстѣ, ни въ архивскомъ спискѣ никакой системы незамѣтно.

И нынѣ полезно, можетъ быть, обновить въ памяти читателей уже давно собранныя свидѣтельства, доказывающія извѣстность Слова о Плѣку Игоревѣ въ древней Россіи.

Дубенскій сопоставляетъ параллельныя мѣста изъ Слова о Плѣку Игоревѣ съ повѣстью о Мамаевомъ побоищѣ. Полевой справедливо замѣчаетъ, что сказаніе о Задонской битвѣ есть образецъ совершеннаго упадка поэтическихъ разсказовъ, перешедшихъ въ прозу. Точно также Снегиревъ замѣчаетъ, что „пѣснь Игорева служила образцомъ и основною тканью для Сказанья о Донской битвѣ; послѣднее есть раболѣпное и часто буквальное подражаніе первому; но въ своемъ составѣ, ходѣ и тонѣ не имѣетъ его единства, оригинальности и миѳическаго цвѣта, слѣдовательно и нельзя предполагать, чтобы послѣднее служило образцомъ для перваго. Это поведетъ къ заключенію, что пѣснь Игорева уже существовала въ то время, когда сочинено или передѣлано было сказаніе, въ коемъ попадаются отрывками тексты изъ пѣсни Игорева“.

Мнѣнія этихъ двухъ русскихъ людей, подтвержденныя обстоятельно Дубенскимъ, освобождаютъ меня отъ необходимости выразить и мое мнѣніе относительно Московскаго подражанія Пѣсни о Плѣку Игоревѣ. Если я здѣсь упоминаю о Мамаевомъ побоищѣ, то этимъ я приношу дань строгой критикѣ, требующей указанія слѣдовъ, оставляемыхъ памятникомъ въ исторіи.

Другое несомнѣнное свидѣтельство извѣстности Слова о Плѣку Игоревѣ въ древней Россіи есть приписка къ пергаментной рукописи Апостола 1307 года, хранящейся въ Синодальной Библіотекѣ подъ № 19; приписка той же руки, что и рукопись: „Сего же лѣта бысть бой на Роуской земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженіе Новгородское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣци скоротышася чловѣкомъ.“

Буслаевъ приводитъ (Историч. Христоматія. Москва. 1864. стр. 597) изъ Слова Данила Заточника, по одному позднѣйшему списку,

изреченіе Бояна весьма близкое къ словамъ нашей пѣсни: „Суда де Божія ни хитру уму, ни горазну не минути“. Эти слова отчасти служатъ подтвержденіемъ извѣстности Слова о Плѣку Игоревѣ въ древней Россіи: потому что ни въ Греческихъ, ни въ Славянскихъ сборникахъ изреченій древнихъ мудрецовъ сихъ словъ не встрѣчается. Изреченіе это встрѣчается въ Иліадѣ и нѣкоторыхъ классическихъ Греческихъ поэмахъ и въ Русской пѣснѣ съ указаніемъ на принадлежность этого изреченія древнѣйшему эпосу.

Весьма явный намекъ на нашу пѣснь встрѣчается въ Пск. Лѣтописи, по поводу сраженія близъ Орши: „Въ лѣто 7022 (1514) бысть побойще великое подѣ Оршею Москвичамъ. И воскликаша и возопиша жены Орешанки на трубы Московскія, и слышаша быти стукъ и грому велику между Псковичамъ и Литвою. И вдарилася бояре и князи Рускія зъ дивными удалцы сыновами Рускими на сильную рать Литовскую, и треснули копія Московскія, и гремятъ мечи булатныя о шеломахъ Литовскія!“ (Псковская Лѣтопись, издан. Погодинъ. М. 1837. стр. 183).

Что касается до заимствованій изъ Русской пѣсни XII столѣтія, встрѣчаемыхъ въ украинскихъ пѣсняхъ, то они очевидная поддѣлка позднѣйшаго времени. О самой поддѣлкѣ заявлено Н. И. Костомаровымъ въ Вѣстникѣ Европы 1874 года.

Необходимо также обратить вниманіе на значительные слѣды аллитераціи въ Русской поэзіи XII столѣтія.

Съ заранія въ Пякъ Потопташа Поганяя Пльки Половецкыя; и рассоушяся стрѣлами По Полю Помчаша красныя дѣвки Половецкыя.

Аллитерація слышится и въ слѣдующихъ строкахъ: Дремлетъ въ полѣ ОлыгОво гнѣздО, хОрОбрОе гнѣздО, далече залетѣлО не былОны Обидѣ поРожденО ни сОкОлОу, ни кречету, ни тебѣ поГаный ПОлОвчине.

Аллитерація проявляется несомнѣнная и даже весьма роскошная:

Камо Туръ Поскочаше своимъ златымъ шоломомъ Посвѣчивая,
тамо лежать Поганныя головы Половещены Посеканы саблями калеными. . . .

. . . . Стрѣлы по землѣ Гѣяше; Стоупаетъ въ златъ Стрежень въ градъ... Тмоутороканѣ. Съ тоя же Каялы Гвятополеъ повелѣ яти отца Гвоего между оугорскими иноходцы ко Гвятѣй Гофіи къ Кіевоу...

. . . По Роусской земли Рѣтко Ратаевѣ кивахоуть, нѣ часто вРани гРаяхоуть, тРоупіа себѣ дѣляче, а галици свою Рѣчь говоРяхуть. . .

. . . . а Князи сами на себе Крамолу Коваху. . . .

. . . . а ГвятѣСлавъ мутенѣ Гонѣ виде: въ Кіевѣ на горахъ Си ночь Съ вечера одѣвахъте мя, рече, черною паполомоу на кровати ти-Говѣ.

Тогда великій Гвятославъ изрони злато Глово Глезами Гмѣшано. Се ли ГтвориСте моеи Гребренѣй Гѣдинѣ.

Въ Русской пѣснѣ аллитерація такъ естественна, что можно даже сомнѣваться—дѣйствительно ли она намѣренная; во всякомъ случаѣ весьма ясно, что она не заимствованная. Древнѣйшая аллитерація Англо-Саксонская вполне искусственная.—Подобная аллитерація Русской, слышится въ стихахъ Виргилія но весьма рѣдко: *fit Sonitus Spumante Salo*; кромѣ этого примѣра находится у Виргилія еще одинъ стихъ съ явной аллитераціей которую, не слѣдуетъ смѣшивать съ его звукоподражательными стихами.

Въ прилагаемой таблицѣ сгруппированы всѣ варианты по знакамъ или начертаніямъ буквъ, предполагаемымъ въ древней рукописи, немного, какъ кажется, отличавшейся отъ древнѣйшихъ. Ручатся за непогрѣшимость предполагаемаго рѣшенія вопроса относительно происхожденія вариантовъ невозможно. Мною избраны были тѣ знаки и тѣ начертанія, которые существовали въ древней нашей письменности; могли существовать и другія мнѣ неизвѣстныя; а также весьма можетъ быть, что и предполагаемая мною двойственность начертаній неправильно распредѣлена. — На эту сторону вопроса я не обращалъ вниманія и избралъ вмѣсто произвольныхъ или численныхъ знаковъ для обозначенія каждаго вида варианта, тѣ начертанія которыя дѣйствительно находятся въ древнихъ церковно-славянскихъ рукописяхъ не исключая и Русскихъ и какъ разъ соотвѣтствуютъ обоимъ текстамъ, Пушкинскому и архивскому. — Всѣ варианты распредѣлены мною на XV статей. Арабскія цифры соотвѣтствуютъ цифрамъ надъ соотвѣтствующими словами въ текстѣ: этимъ способомъ совершенно устраняется возможность произвольнаго объясненія каждаго варианта взятаго отдѣльно, а также и произвольныхъ выводовъ на основаніи преобладанія какой либо системы въ правописаніи древняго, не существующаго текста и текстовъ Пушкинскомъ и архивскомъ.

Существованіе подобныхъ начертаній въ утраченной рукописи признавалъ и Дубенскій, какъ видно изъ предисловія къ его изданію. — Въ подстрочномъ примѣчаніи на страницѣ VII Дубенскій выражаетъ свое весьма основательное предположеніе, что первые издатели выкинули въ издаваемомъ имъ текстѣ буквы ѣ, ѓ, и другіе строчные и надстрочные знаки. — Н. С. Тихонравовъ въ изданномъ

для учащихся Словѣ о Полку Игоревѣ замѣчаетъ на страницѣ VIII. почти тоже самое о методѣ первыхъ издателей: „Такимъ же произволомъ отличалось и выведеніе ими слова изъ подъ титлѣ. Такъ рѣ передается въ одномъ спискѣ посредствомъ речѣ, въ другомъ посредствомъ рече; или же въ одномъ черезъ рекъ, въ другомъ черезъ рече. Въ 1-мъ изданіи читаемъ пѣтворца, въ Екат. спискѣ: пѣснотворца (рук. пѣснотворца?), въ 1-мъ изданіи пѣсьми, въ Екат. пѣсньми. Другими словами, надстрочныя буквы большею частію выпускались издателями, и они печатали: въ шумѣ (вм. въ шумѣ), втроскоташа (ѣтроскоташа), поклониша (пѣклониша).“

Не меньшую опору предлагаемому мною объясненію варьантовъ ниже я въ словахъ многоуважаемаго Профессора, стр. V: „А между тѣмъ первые издатели почти постоянно принимаютъ з рукописи за ь и наоборотъ, хотя въ Екатерининскомъ спискѣ обѣ буквы списаны съ того же манускрипта иначе и большею частію правильноѣ. Особенно ярко выступаетъ колебаніе Мусина-Пушкина при транскрипціи этихъ буквъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ памятника. Такъ въ первомъ изданіи напечатано: Чрьленъ стягъ (стр. 3), въ Екат. спискѣ то же слово прочтено: Чрълень стягъ!“

„Выводя нѣкоторыя слова изъ-подъ титлѣ, первые издатели произвольно ставятъ ь или з и тамъ, гдѣ ихъ, конечно, не было въ подлинникѣ. Такъ они печатаютъ трудомъ (стр. 7), гдѣ въ Екат. спискѣ трудѣ; умомъ (стр. 2), гдѣ въ Екат. сп. умѣ.“

I.

Знаки и буквы въ древней рукописи	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
J	з.	38.—43.—46.—48. 53.—66.—70.—75.—76.— 87.—89.—94.—95.—102.— 113.—115.—116.—120.— 124.—126.—133.—136.— 138.—142.—166.—180.— 186.—195.—196.—198.— 199.—200.—201.—210.— 213.—224.—230.—231.— 240.—241.—251.—255.— (ср. 256) 271.—273.—274.— 275.—277.—280.—289.— 292.—294.—298.—302.— 303.—304.—305.—316.— 326.—329.—332.—336.— 344.	н.	Имѣ, — ъ. кличетъ, — ъ. пасеть, — ъ. мѣ- за, мѣла. — въсро- жать, — ъ. лежать, — ъ. летать, — ъ. си- немъ, — ъ. княземъ, — ъ. нямъ, — ъ. Чер- ниговъ, — ъ. отецъ, — ъ. съ, — ъ. подѣлимъ, — ъ. птиць, — ъ. дасть. — ъ. болотомъ, — ъ. умъ, — ъ. животъ, — ъ. сыновъ, — ъ. кня- земъ, ъ. я т. д. —

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пущки. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
)	з.	2.—8.—10.—15.—21.— 22.—28.—47.—51.—52.— 57.—69.—71.—73.—78.— 84.—88.—96.—97.—112.— 117.—119.—128.—131.— 147.—154.—162.—209.— 222.—253.—267.—270.— 277.—279.—280.—283.— 284.—285.—295.—300.— 308.—309.—311.—314.— 315.—317.—327.—331.— 350.	о.е.	[волкъ, полкъ, бор- зый, первый, черный. Черниговъ, молніи и т. д. въ Арх. спискѣ; а въ Пущк. влъкъ, бръзый, пръзый, чръ- ниговъ, млъзый и т. д.]
	ж.	36. възлѣзѣны [и]. 85. въ ру- кописи ꙗк. 122. крылы. [и]. 135. рускыя [іа]. 163. кровати [и] 214. акы [и]. 239. унылы [и] 243. желѣзныи [и]. 287. Дави- довы [и].	и.і.	
	я.	121. бишася [съ].	и.	Варианты 16. 130. и 175, а равно и за- мѣтка относительно «самаго» должны быть отнесены на конецъ стр. 36., такъ какъ здѣсь предполагается прямолинейный над- строчный знакъ.
	о.	[16. 130. 175. самого—самою. самѣго.—подобное начертаніе глас- ной ю встрѣчается въ русскихъ рукописяхъ и первые издатели пра- вильно прочли самую вмѣсто перво-	а.	

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
J	о.	начального чтенія самого] 307. по- скочи, поскачи. ср. 306.	а.	Начертаніе Говстрѣ- чается весьма часто. вмѣсто ю.
	є.	33. (ср. 14. 30.) рече, речъ. [335. рече, рекъ].	б.	
	а, у.	346. 348. Святславиѣ, Игоревѣ.	в.	Такъ читаетъ г. Ти- хонравовъ. Святсла- виѣ должно быть опечатка въ первомъ изд., такъ какъ всѣ прочія имена въ да- тельномъ падежѣ. — Въ Архив. спискѣ прочт. можетъ быть правильнѣе, такъ какъ отчество часто не склонялось.

II.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
—	ъ.	5. — 9. — 12. — 18. — 20. — 24. — 32. — 37. — 39. — 44. — 54. — 59. — 63. — 64. — 65. — 67. — 86. — 99. — 104. — 105. — 106. — 109. — 156. — 159. — 165. — 167. — 183. — 204. — 208. — 256.	ъ.	
	ъ.	98. олга (могло быть л) 104. Тьматорокань. 108. иноходцы. 173. Тьматороканя.	Не- обр. вним.	
	ъ.	6. — 14. — 30. — 140. пѣснь, пѣснѣ.	ѣ.	
а, с.		16. — 26. — 27. — 50. — 79. — 81. — 151. — 306. великаго [ого] (варьянтъ 307. на оборотъ въ первомъ изд. поскочи а въ Арх. поскачи. Также слѣд. предпо- лагать прямолинейный надстроч- ный знакъ надъ вар. 130 и 175).	о.	Вар. 16. 130 и 175. по ошибкѣ помѣщены въ концѣ стр. 34. и въ началѣ 35-ой. вар. 50. шеломянемъ, шоломянемъ; всѣ про- чіе состоятъ въ замѣ- нѣ буквы а буквой о.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
—	і.	252. Рсіи — Роси. Этотъ вариантъ подтверждаетъ наглядно двойственность чтенія надстрочнаго знака.	о.	Въ одномъ текстѣ надстр. знакъ принять за И, а въ другомъ за О.
	и.	149. рѣки [ы] 150. потоки [ы] 153. великихъ [ы]. 155.—157.—182. аки [ы] [сравнить на об. 214. акы-и] 185. ія[ня]. 188. ий, [ий]. 223. облаки, [ы].—245. многи [ы] 247.—265.	и.	
	т.	56. Пякъ, Пятъ.	Не обращено вниманіе.	
	с.	235. бысть.		въ Пушк. бысь, въ Арх. бы; слѣд. предполагать: бы=бысть.
	л.	3. 229. Святъславлича, Святслави-ча. Подобно сему встрѣчаются въ древнихъ рукописяхъ соединительныя черты въ словахъ: земли, оставъ, кораби, вмѣсто: земли, оставъ, корабли.—Точно также и 324. Ростиславля, Ростислава.		
че.		рѣ. 335 — ср. 33.	кѣ.	рече, рекъ.

III.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пущин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
"	й.	<p>4.—101. (Тѣй-тъ) 262.</p> <p>107. (я'') при чемъ пропущена надстрочная буква т.—яти.</p> <p>Подобные пропуски при помѣткѣ надстрочныхъ знаковъ и буквъ встрѣчаются весьма часто въ лучшихъ рукописяхъ.</p> <p>Кавычки и замѣняютъ ерикъ и еръ, точно также какъ и точка напр. что се сѣтвори, вмѣсто что се сѣтвори, въ пергам. листкѣ И. П. Библ. изъ житія св. Кондрата.</p> <p>Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на акценты, встрѣчаемые въ Архивскомъ спискѣ: дѣйствительный акцентъ, находится всего два раза надъ словомъ кѡпіе 25 ихуда 257.</p>	<p>Не-обр. вним.</p> <p>При снятіи копій для Императрицы Екатерины II, сохранившейся надстрочные знаки не было обращено вниманія на этотъ двойной знакъ потому, что онъ часто встрѣчается въ рукописяхъ при сочетаніи двухъ согласныхъ, и обозначаетъ сліяніе первой согласной со второй, какъ будто замѣня ь или опущенную гласную.</p>	<p>сѣ</p> <p>55.</p> <p>с'</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пунктн. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
	вз	в'знути въ перв. изд. в'знути (148).	в'	
	вз	в' въ перв. изд. въ (282). Эти надстрочные знаки читались издателями текста за з, а въ случаѣ если они имѣли значеніе ударенія, то не помѣщались, какъ это сдѣлано было и при снятіи архивской копіи, за исключеніемъ копіе и хуаа.	в'	
	ь.	Одинъ знакъ, вѣроятно точка, принять въ печатномъ текстѣ за ь, а въ Арх. спискѣ на него не обращено вниманія мглами [311.] и седмома [260.] 52. мръкнетъ, мркнетъ 173. Тьмутороканя, Тмутор. 184. Готьскія, Готскія. 221. Угорьскія, Угорскія 233. Литовьскія, Литовск. 244. Латиньскими, Латинск. 312. мьглами, мглами. Другой знакъ вѣроятно читается мьглами, сравни вариантъ 320. Сюда принадлежитъ также вариантъ 40. вступи. 41. тьмою, тмою. 257. Инъгварь и Ингварь.;—		Сюда принадлежатъ и слова на 44, страницѣ: Ольгова, сильными, крыльци, Ольберы, лъзѣ, не имѣющія ерика въ Арх. спискѣ. — Эти слова съ іотированнымъ ѿ помѣщены на 44, стр. рядомъ съ другимъ начертаніемъ іотированнаго Л для болѣе нагляднаго объясненія происхожденія вариантовъ въ обихъ текстахъ.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>181. тѣмоу, тмоу.—320. мѣглами и иглами.</p> <p>и наконецъ вариантъ. 60 орѣтмами (Арх. сп.) и орѣтмами въ печат. текстѣ, что заставляеть предполагать въ древней рукописи:</p> <p>Орѣтмами.</p> <p>Наоборотъ судя по вариантамъ, необходимо предполагать какой либо другой значекъ, напримѣръ , на который въ печатномъ текстѣ не обращено вниманія на томъ основаніи, что онъ часто встрѣчался безъ особаго значенія; этому же знаку въ Архив., въ противоположность, придано значеніе ъ.</p> <p>168. ѣмоемъ 189. свѣтсл. 218. 228. свѣтславичь. 207 вѣсѣ 226. сайтани, 250. утрѣпѣ.</p> <p>Варианты 145.—263. Кіевскый, Кіевьскій.</p> <p>281. Полотскѣ.</p> <p>Слѣдуетъ обратить вниманіе на разнообразное значеніе надстроч-</p>		<p>Также заставляютъ предполагать какой либо знакъ.</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
//		<p>ныхъ знаковъ, въ древнѣйшихъ рукописяхъ:</p> <p>замѣняютъ въ древнихъ рукописяхъ ѣ; на примѣръ въ Тріоди Григоровича XII — XIII вѣка: грѣхъ", кѣтомъ", въ Хиландарскомъ Четверо евангеліи: по сѣмъ" же, онъ" же, Симонъ" же. Въ Болонской Псалтыри: си рѣчь въ" время печальное, — на дѣ" ними.</p> <p>Въ Болонской Псалтыри встрѣчается также и съ однимъ знакомъ: ибо штъ ннхъ' вѣровавшихъ [359]. Въ Болонской же Псалтыри ѣ и ь замѣняются дугообразнымъ знакомъ: гѣа, [358] „на всяко время и на всякъ дѣ;“ кромѣ того, не говоря уже о частомъ опущеніи всякаго знака при отсутствіи ѣ, встрѣчаются нерѣдко: нѣмъ, нѣпщуетъ, вѣмъ, діаволъ изобрѣтаѣтъ; встрѣчается также и обратный знакъ мѣ, діаволъ [362].</p> <p>Это нестрого опредѣленное, или правильнѣе, нестрого выдержанное распредѣленіе знаковъ относится прежде всего къ знакамъ, отнесен-</p>		

Знаки и буквы въ древн. рукописи	Въ Пущени. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>нымъ къ статьѣ 1 и 2-ой, но также и къ самимъ буквамъ з, ъ, ѿ, а и ко всемъ іотированнымъ знакамъ, которые часто не обозначились, какъ излишніе.</p> <p>Большее число знаковъ съ неопределеннымъ значеніемъ необходимо должно было сбивать и древнихъ весьма тщательныхъ переписчиковъ, но въ несравненно большемъ размѣрѣ сбивало позднѣйшихъ, полуграмотныхъ переписчиковъ, торопившихся удовлетворять увеличившемуся и менѣе взыскательному числу требователей.</p> <p>На присутствіе смягчающаго надстрочнаго знака ^ въ древней рукописи указываетъ вариантъ Святославичу и Святъславличу. — Подобнымъ образомъ, въ древнихъ рукописяхъ встрѣчаются варианты: кораби и коравли, зѣми и зѣмли, оставъ и оставль. Древнѣйшій обычай іотированія согласныхъ ж, ч, ц, ш, щ, обнаруживается вариантами на стр. 47 и 48. До какой степени объяснима сбивчивость, замѣчаемая въ древнихъ ру-</p>		ср. вар. 297.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пущин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>кописяхъ, мы вполне можемъ судить по новѣйшему правописанію отчества ичь вмѣсто ичь, на основаніи указаннаго Гречемъ правила, что всѣ слова оканчивающіяся въ родительномъ падежѣ на а должны писаться въ именительномъ падежѣ на ѣ. — Гречь не понималъ, что отчество пишется въ родительномъ падежѣ на а именно потому, что предъидущая буква ч имѣетъ при себѣ ѣ; іотированіе въ родительномъ падежѣ можетъ быть излишне, замѣненіе же въ именительномъ падежѣ ерика еромъ безсмысленно, потому что буква ч иначе произносится не можетъ какъ смягченно. — Гречу удалось отмѣнить древнее правописаніе, освященное исторической давностью и подкрѣпляемое, вдобавокъ, современнымъ произношеніемъ, и необходимое правило получило законную силу.</p>		

IV.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
л	лъ.	67. Ольгова, Олгова; 146. силь- ными, сильными; 174. крильца, крилца; 205. ольберы; (олб.) 286. лъзѣ, лзѣ.	л.	Ср. на стр. 39.
л	л.	328. только, толко 31. Олга, Ольга 258. шестокрилци (крильци)	лъ.	

V.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пущин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
к	ѣ.	<p>7. растѣ(е)кашется; 13.—19. ле- бедѣ(е)и; 23. половѣ(е)цкую; 45. ткѣлѣгы; 62. половѣ(е)ценыи; 82. землѣ(е); 83. стрѣ(е)лами; 90. все- володѣ(е); 91. стрѣ(е)лами; 103.— 114. стрѣ(е)лы; 123. синѣ(е)мъ; 129. себѣ(е); 132. крѣ(е)сити; 158. высѣдѣ(е); 161. видѣ(е); 169. златоверьсѣ(е)мъ; 172. слѣ(е)- тѣсга; 179. помѣ(е)ркоста; 212. стрѣ(е)ляти; 219. осмомыслѣ(е); 220. златокованнѣ(е)мъ; 225.— 227. стрѣ(е)ляй; 248. стрѣ(е)лами; 254. крѣ(е)сити; 265. звѣ(е)ремъ; 318. зелѣ(е)ну; 325. прѣ(е)клономъ; 334. стрѣ(е)лами; 342. небесѣ(е); 347. Всеволодѣ(е).</p>	с.	

VI.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пущев. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ѣ	ѣ.	35. възлелѣяны, възлѣлѣяны [въ-злѣлѣяны] 110 поле(ѣ)тети; 68. залѣтѣ; 125. море(ѣ); 192. жесто-це(ѣ)мъ 197. мыте(ѣ)хъ 206. Оль-бе(ѣ)ры 242. вѣтрѣ(е)хъ. 269. расшибе(ѣ) 296. море(ѣ) 321. ветрѣхъ, вѣтрѣхъ.	ѣ.	

VII.

Знаки и буквы въ древн. рукописн.	Въ Пущкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
А	я.	<p>1. начати 58. рассушась 61. начаша 74. туча 80. потручати 92. поскочаше 100. святславича 118. давеча 127. начаша 187. веселія, веселія 190. сыновча, 236. Брячислава, брячаслава 259. начасте 276. рядяше, радяше 349. Христьяны, христьяны [ср. 141 Святславича.]</p> <p>25-го мая 1825 года, Востоковъ (въ Вибліогр. листкахъ Кеппена № 14) по поводу сообщенныхъ ему выписокъ изъ Супрасльской рукописи говорить, что это нигдѣ еще невиданное начертаніе виѣсто буквы а. «Оное имѣетъ видъ Греческой дельты, раздѣленной по срединѣ горизонтальною чертою и служить вездѣ для носоваго звука е и іе». см. выше стр. 21.</p>	а.	<p>Варианты 187. 236. и 276. выписаны сполна безъ намѣренія указать какое либо отличіе отъ прочихъ вариантовъ.</p>

VIII.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающіи варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
▲	а.	<p>141. Святславлича 232. полоча- номъ.</p> <p>Хотя и не можетъ быть достовѣрности относительно правописанія и начертанія буквъ въ утраченной рукописи, однако слова первыхъ издателей о встрѣченныхъ ими затрудненіяхъ при чтеніи рукописи прямо намекаютъ на незнакомыя начертанія, а варианты прямо подтверждаютъ догадку. Не слѣдуетъ упускать изъ виду самаго важнаго въ этомъ вопросѣ обстоятельства, что всѣ варианты сосредоточиваются на надстрочныхъ знакахъ и начертаніяхъ іотированныхъ гласныхъ и согласныхъ и малаго юса въ видѣ дельты, находившихся въ разнообразныхъ формахъ.</p>	я.	

IX.

Знаки и буквы въ древней рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ѡ	ю	<p>237. жемчюжну — жемчужну.</p> <p>Этотъ случай прямо указываетъ на присутствіе юса въ древней рукописи.</p> <p>Въ ней весьма объяснимо опущеніе смягчающей ѣ свойствомъ буквы ч, имѣющей смягченное произношеніе; — употребленіе ѡ безъ іотирования вмѣсто ю, вѣроятно, не было въ обычай писца сгорѣвшей рукописи, потому что въ противномъ случаѣ повторялись бы подобные варианты; могъ быть надъ Ѣ или Ѥ какой либо надсрочный смягчающій знакъ, на который не обращено было вниманія при снятіи Арх. копій.</p>	у.	<p>Не возможно признать случайнаго происхожденія варианта; нѣтъ слѣдовъ намѣреннаго исправленія правописанія въ обоихъ текстахъ; не замѣтно также систематическаго правописанія въ словахъ, не имѣющихъ вариантовъ, а слѣдственно и въ утраченной рукописи.</p>

Х.

<p>Знаки и буквы въ древн. рукописи.</p>	<p>Въ Пушкин. изд.</p>	<p>Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.</p>	<p>Въ Арх. спискѣ.</p>	<p>Примѣчанія.</p>
<p>ѣ</p>	<p>я.</p>	<p>290. „поють“ вмѣсто „поятъ“, что также указываетъ на присутствіе юса. „Поють“ не имѣетъ смысла. Въ древней рукописи могло быть поютьъ вмѣсто поятъ. По поводу этого исправленія см. подробности на стр. 65, таблицу XV.</p>	<p>я.</p>	

XI.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
7.	ѣ.	<p>193. „Мужаниѣся“ неправильно прочтено первыми издателями. Въ древней рукописи несомнѣнно было правильно обозначено 1 лицо множественнаго числа повелительнаго наклоненія „мужанимыся“, „мужанимыся“ и принято необычное и за ѣ. Въ оглашеніяхъ Кирилла Іерусалимскаго, по рукописи гр. Толстаго I. 8: „піамы воды“. Вся фраза въ Словѣ о Цѣлю Игоревѣ заимствована изъ Симеоновскаго Златоструя, изъ Слова о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ: „такъ не обратитесь по рѣсте мужанимыся“. Это же самое поученіе озаглавлено въ сборникѣ № 435 Рум. Музеума (Во-</p>	ѣ.	<p>Начертаніе 41 могло походить на ѣ въ слѣдствіе опущенія обѣихъ перпендикулярныхъ линій отъ верхней горизонтальной, соединяющей съ буквой і; приставное і къ ѣ, въ слѣдствіе наклоненія подъ острымъ угломъ, дѣйствительно придаетъ начертанію видъ, легко сбивающійся на ѣ; могло быть рѣдкое и сбивчивое начертаніе ѣ попадающее изрѣдка въ Новг. Л. по Синод. Хар. списку стр. 65 и 132. изд. 1875 г. facsimile.</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>стоковъ), поученіе блж. Оеодосія, игумена Печерскаго, и внесено въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, подъ годомъ 6576-мъ. Въ Лѣтописи по Лаврентіевскому списку „мужа-емъ“, а по Радзивилловскому и списку Московской Духовной Академіи: „мужанимъ“. Въ рукописи XII столѣтія Златоструя начертаніе буквы ы подтверждаетъ предполагаемое объясненіе (ы) (см. Свѣд. и Запѣтки о малонзв. и неизв. пам. И. Срезневскаго, прил. къ IX Тому З. И. А. Н. 1866 г. № 6. стр. 38.)—Это необычное начертаніе прочтено было „мѣ“. ср. также въ Лаврент. Лѣт. изд. Арх. Ком. 1872 г. стр. 164. пр. 15. На этой буквѣ преимущественно г-нъ Тихонравовъ основывалъ свое предположеніе, что рукопись, сгорѣвшая въ 12 году, была написана скорописью, что, по его мнѣнію, объясняетъ принятіе буквы ь за ѣ. — Если въ скорописи буква ѣ дѣйствительно схожа съ буквою ь, то это не въ одномъ и томъ же</p>		

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>документѣ. Чѣмъ болѣе буква ъ, приближается въ скорописи къ нынѣшней формѣ буквы гъ, тѣмъ болѣе буква ѣ подымается въ верхнія строки.*)—Предположеніе г-на Тихонравова о скорописи слишкомъ мало имѣетъ основанія, чтобы возможно было заподозрить и отвергнуть весьма положительныя свидѣтельства о древности рукописи первыхъ издателей: гр. Мусина-Пушкина, Малиновскаго и Бантишъ-Каменскаго. Въ предисловіи они говорятъ: „Подлинная рукопись, по своему почерку, весьма древняя“. Слова эти, произнесенныя гр. М.-Пушкинымъ, Малиновскимъ и Бантишъ-Каменскимъ, не могли относиться къ скорописи XVI столѣтія.—Позднѣйшія объясненія Малиновскаго выражаютъ положительно, что Слово о Плъку Игоревѣ писано полууставомъ XIV вѣка**).</p> <p>Что Калайдовичъ рукописи не видалъ, уже ясно выражено его собственнымъ свидѣтельствомъ, что онъ обращался къ содержателю типографіи Селивановскому, всему весьма</p>		<p>*) Въ случаѣ если ѣ пишется схоже съ Ёромъ то сей послѣдній не отличается отъ Ёрица и побольшей части опускается, такъ напр. въ рукописи XVI столѣтія о постановленіяхъ Стоглаваго Собора.</p> <p>**) Этотъ взглядъ Малиновскаго конечно могъ быть ошибоченъ,—но повѣрка невозможна и остается достовернымъ, что пѣснь писана полууставомъ, четкимъ, не представлявшемъ однако затрудненія</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
нѣхъ		<p>легко могла быть вовсе незнакома рукописи. Онъ далъ отвѣтъ на запросъ, и потому я не вижу причины ему не вѣрить на слово; разнорѣчіе его съ показаніями первыхъ издателей и Н. М. Карамзина можетъ быть объяснено лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ замѣтилъ сходство съ рукописью Дмитрія Ростовскаго одной изъ статей Сборника, въ коемъ находилась Пѣснь. На сколько Селивановскій былъ знакомъ съ палеографіей и почему ему можно вѣрить болѣе, чѣмъ людямъ, занимавшимся собираніемъ и чтеніемъ рукописей, требуетъ точнаго изслѣдованія, которое считаю бесполезнымъ брать на себя *).</p>		
		<p>Весьма можетъ быть, что „рекъ Боянъ и ходына Святславля пѣснь“ было въ древней рукописи нѣхъ, что слѣдовало бы читать рекъ Боянъ исходъ и на пѣснь; въ родительскомъ помянникѣ города Тотмы („при начальномъ строителе игумене нѣхъ писано“) на 42 листѣ находится:</p>		<p>*) Привлеченіе каландовичемъ Селивановскаго принадлежитъ къ разряду сплетенъ, которыя не могутъ быть сопоставлены съ достоверными и согласными показаніями лицъ ни чѣмъ не запятанныхъ.</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>оубиенный і вполцѣ^х назвенныхъ, еслибы въ словѣ „оубиенныхъ“ былъ обозначенъ ѣ какъ въ „язвенныхъ“, то вышло бы начертаніе зѣ.</p> <p>Начертанія И и І употребляются одно вмѣсто другаго въ древнихъ рукописяхъ безразлично, десятиричное І по большей части по недостатку мѣста, но весьма часто и безъ всякой видимой причины. Это безразличное употребленіе И и І встрѣчается и въ позднѣйшихъ рукописяхъ, въ томъ же Синодикѣ, на оборотѣ 27 листка: „окоянный ктебѣ хранителю жизни моея зову вѣды хаа часто. виждѣ ми“.</p> <p>На стр. 313 Харат. Синод. Новгородской Лѣтописи: „и погоре торгѣ. і домовѣ“; а на страницѣ 317 той же Лѣтописи безъ раздѣлительной точки: „Новгородцижесь княземъ афанасемѣ сновотворжци изидоша“ *).</p>		<p>*) Этотъ примѣръ ясно указываетъ, какъ легко прочесть «ходы на» вмѣсто «ходъ і на»; также точно „и ходы“; вм. йХОДѢ на ПѢ; въ Евангельскихъ отр. Вилен. П. Бабл. находится „ицѣ-ляти“ вмѣсто „исцѣ-ляти“; „ишедшимъ“ вмѣсто „исшедшимъ“, въ -слѣдствіе отсутствія надстрочной буквы С или принятія оной за кавычку. Едва ли это опущеніе буквы С въ словѣ „ицѣ-ляти“ можетъ быть принято за мѣстное правописаніе и еще менѣе за мѣстное произношеніе.</p>

XII.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пущев. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
<div style="text-align: center;">2</div> <div style="text-align: center;">3</div>	3.	<p>Двойственность начертанія буквъ вызываетъ двойкій и совершенно противоположный вариантъ относительно буквы зѣло.</p> <p>278. изъ, исъ; 343 чрезъ, чресь; сравни слѣд. за симъ вариантъ чресь, чрезъ 238. С въ перв. изд. и З въ Арх. спискѣ указываетъ на присутствіе начертанія S.</p>	с.	
	с.		З.	

ХІІІ.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
○ ○	о.	<p>Весьма любопытный вариантъ „о очима“ въ Архивскомъ спискѣ и „очима“ въ первомъ изданіи указываетъ на начертаніе: ○ ○</p> <p>137. Если бы въ древней рукописи находилась буква ѡ, то варианта, болѣе чѣмъ вѣроятно, не существовало бы такъ какъ буква эта не могла не быть понята издателями съ перваго взгляда. — Востоковъ считаетъ это начертаніе особенностію Болгарскою, но оно прежде всего финикійское, ибо такимъ именно образомъ изображалась буква ain, о, по-финикійски (ср. Gesenius, око финикійскихъ надписяхъ. Script. linguae que Phoeniciae Monum. 1837. стр. 38 et. 40 *). Ducange, въ</p>	о о.	<p>*)Etiam haec littera, cujus primaria figura oculum depingit—○ ○; подобное начертаніе гласной О встрѣчается и въ древнѣйшихъ греческихъ надписяхъ.</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>прибавл. къ Греческ. словарю (Notae sententiarum, math., astron., chym., iatricaе, quae apud script. mediae et inf. graecitatis occurrunt, earumque explicatio), приводитъ это изображеніе въ значеніи солнца, золота, киновари, круга, а удвоенный—въ значеніи глази; въ послѣднемъ значеніи въ томъ же прибавленіи: см. столбцы 13 и 21. Срезневскій (Др. Сл. Пам. юсоваго письма, стр. 150) замѣчаетъ, что этотъ знакъ встрѣчается часто въ таковыхъ памятникахъ XII—XIV вв. Начертаніе это встрѣчается и въ позднѣйшихъ рукописяхъ даже въ XVI столѣтіи *). Въ пергаменномъ евангеліи И. П. Б. мелкимъ уст. XV. столѣтія: „тогда коснѣся Очію кю гла по вѣрѣ ваю бѣди вама и ѿврѣзостѣся ○○чи има. (Описаніе Евгеніевскихъ рукоп. Востоковымъ. Уч. Записки II Отд. И. А. Н. Кн. II. вып. 2. С.-Петербургъ. 1856. стр. 74, 68).</p>		<p>*) См. на стр. 109—111 замѣтку о начертаніи ○.</p>

XIV.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ	Примѣчанія.
		Буквы, обозначающія числа, и надстрочныя буквы безъ знаковъ.		
Г	Г.	178. Явное измѣненіе въ Арх. спискѣ, равно какъ и слѣдующіе варианты.	3.	
Д	А.	77.	4	
Г	Г.	17.	10	
	мз.	29. умѣ; 93. теломѣ; 202. урѣ; 266. звѣрѣ; 310; босы; 313; 345.	м.	
	мь.	164. трудомь, трудѣ.	м.	
	нз.	34. одинъ, одѣ, 160. сонъ, со.	н.	
	с.	170. Плѣ(с)ньска.		Ср. на стр. 61 въ концѣ.
	сз.	207. босъ, бес.	с.	
	тз.	72. повѣдаю; 333. летѣ.	т.	
	хз.	151. желѣзны; 319. свон.	х.	

XV.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
і Олга	і. л.	<p>Варианты въ-слѣдствіе не разобранія начертаній, по неловѣнію, по небрежности, вставки, пропуски и т. п., не подходящія подъ предмд. ст.</p> <p>11.</p> <p>31. вставка, сдѣланная графомъ Мусинимъ-Пушкинымъ въ скобкахъ, такъ какъ въ древней рукописи „Олга“ было приписано на полѣ, для поясненія мѣстоименія „того“, относящагося по тексту къ Трояну. — Что приписка эта дѣйствительно находилась на самой рукописи, указываетъ существованіе варианта. Въ припискѣ должно было найдется Олга.</p> <p>42. явный и не намѣренный пропускъ въ Архив. спискѣ, такъ какъ слова эти *) находятся въ приложенномъ къ оному переводѣ.</p>	и. ль.	<p>*)Смистъ звѣринъ въ стабѣ.</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописи	Въ Пущин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
	в.	<p>111. неправильно принято Покарскимъ за букву <i>С</i>; буква <i>В</i> въ печати неполна вышла *); но оба загиба, верхній и нижній, не позволяютъ ее принять за <i>С</i>.</p> <p>134. Вставка въ Архивскомъ спискѣ; слово это*) находится въ переводѣ при первомъ изданіи, тѣмъ не менѣе оно кажется излишнимъ прибавленіемъ, однако же нѣтъ большаго основанія и отвергать присутствіе онаго въ самомъ оригиналѣ.</p> <p>139. тече, утече.</p>		<p>*) Первое изданіе напечатано курсивнымъ шрифтомъ.</p> <p>*) Людемъ.</p>
	з.	143. Описка въ Арх. сп. или въ древней рукописи, чего предполагать не слѣдуетъ, ибо наклонности къ исправленію у первыхъ издателей незамѣтно.	за.	Грозный, грозный—можетъ быть обласная форма, какъ раздрѣшеніе вм. разрѣшеніе въ Уніат. Служеб. Вилей. П. Б.; раздрѣшита въ Святославовомъ Изборникѣ 1078 года.
	є.	144. такая же описка.	ы.	великій, выликий.
		170. „Плѣнка“, надстр. <i>С</i> можетъ спускаться направо и налѣво отъ <i>Н</i> и разомъ по обѣ стороны. Въ переводѣ также „Плѣньска“ съ ссмы-		

Знаки и буквы въ древн. рукописи	Въ Пущин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		кой на Татищевѣ Ч. III. 287. — 288. по сему вѣроятно въ рукописи слово это было иначе обозначено, что и побудило напечатать Плѣсньскъ, вопреки толкованію самихъ издателей.		
несо- ша ю		171. въ обоихъ текстахъ неправильно прочтено видѣсто „несошаю“.		въ-слѣдствіе утраты обоихъ горизонтальныхъ линій: образовалось: несо- шлю.
самго	аю.	176. вариантъ долженъ произойти отъ сбивчиваго начертанія гласной Ю поднятіемъ средней черты къ верху, что образовало „го“ го. Различіе между А и О объясняется различіемъ толкованія надстрочнаго знака.	ого.	самаю, самого. подобное начертаніе встрѣчается не рѣдко.
опу- тоша	ст.	177. начертаніе надстрочнаго знака [˘] или [˙] могло дать поводъ къ неправильному чтенію первыхъ издателей ср. прим. на стр. 55.	т.	опустоша, опутоша. такъ въ Реймскомъ Еван. дхъ подѣ [˙]
	и.	203. Володимірь.	і.	
		211. *) пропущено въ Архив. спискѣ, а равно и въ приложенномъ къ нему переводѣ. По самому перево-		*) живыми.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пущени. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
гнѣ Гна	<p>ду видно, что „живыми“ намѣренно пропущено, и возможность живыхъ шереширъ еще болѣе отвергается вставкой, что можно „шерешеры стрѣляти пособіемъ удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ“.</p> <p>215. 293. 301.</p> <p>за 216. зане. въ Арх. список.</p> <p>217.—249. Русскую, Рускую.</p> <p>229. Святславича, — вича.</p> <p>246. повргоща, повргоша.</p> <p>вѣроятно въ-слѣдствіе случайнаго продолженія средней черты ш.</p> <p>261. Трояни, Зояни *).</p> <p>такъ въ Новг. Лѣт. принад. Археогр. Ком: захотѣ сѣрова (острова).</p> <p>268. воззни, возни.</p> <p>272. харалужными, халужными. опять явная описка.</p>	<p>гнѣ Гна</p>	<p>*) Вариантъ Зояни могъ произойти отъ написанія буквъ Т и Р за одинъ по черкъ. Въ уставн Угровлахійскомъ Евангеліи, мнѣ принадлежащемъ, находится начертаніе Т въ словѣ «твоемъ».</p> <p>5 въ словѣ «грѣхн», Т въ словахъ ОГНИ.</p> <p>снѣдѣ сѣ нѣсѣ и прѣсѣ и.</p> <p>** Въ обояхъ текстахъ, въ-слѣдствіе необозначенія нѣ утраты нижней оконечности начертанія И прочтено</p>	
	<p>имѣ 288. предполагаю, что первоначально было ИХЪ, изъ коихъ позднѣйшій переписчикъ сдѣлалъ нося-имѣ **).</p>	<p>имѣ</p>	<p>ИМѢ. Нижняя оконечность буквы могла быть совершенно не замѣтна, такъ какъ надстрочныя буквы писались ско-рописью.</p>	

Знаки и буквы въ древн. рукописях.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
СВЯТЫСЛАВИ ЧѢ ИГОРЕВИ ЧѢ		<p>346.—348. Святъславича,—чѣ. Игоревичу,—чѣ; первые издатели неправильно прочли надстрочный знакъ; при снятіи же архивской копии соблюденъ былъ древній обычай, сохранившійся и во многихъ рукописяхъ не обозначать падежа.</p> <p>Обычай писать во всѣхъ падежахъ Игореви далеко не доказываетъ, чтобы отчество не склонялось, потому что при надстрочномъ надписаніи буквы Ч подразумѣвается любая гласная или полугласная. Встрѣчаются, впрочемъ, иногда рукописи (таковы напр. Татищевскій списокъ древней Новгородской лѣтописи; также въ Новгород. лѣтоп. изд. Малиновскимъ и Оболенскимъ по Супрасльской рукописи подъ г. 1169, въ видѣ исключенія, находимъ: стаѣа твердо ѡ князи Романѣ Мстиславичѣ), гдѣ отчество пишется съ ерикомъ въ разныхъ косвенныхъ падежахъ; но въ тѣхъ же самыхъ рукописяхъ едвали не чаще встрѣчаются примѣры склоненія отчества.</p>		<p>Никакъ нельзя признать обычай выносить надъ строкой, согласныя заглаживающія слово безъ обозначенія падежа за дѣйствительный обычай не склонять отчества, такъ какъ многіе писцы еще чаще не обозначали падежа въ существительныхъ и прилагательныхъ. Судя по вариантамъ ошибка происходитъ отъ самого писца; слѣдуетъ предполагать надъ строкой букву Ч и неясное обозначеніе маленькой буквы схожей съ а, ѣ и даже ѣ; начертаніе А похожее на ѣ лежачій горизонтально встрѣчается въ концѣ словъ въ уставныхъ рукописи и принадлежитъ Греческой скорописи. Весьма можетъ быть, что первый ѣ былъ надписанъ надъ строкой въ лежачемъ положеніи и оба съ малымъ обозначеніемъ лѣваго развѣтвленія такъ, что ѣ легко принять за берикъ.</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>290. „Копья поютъ„ — не имѣетъ смысла *). Это недоумѣніе первыхъ издателей произошло отъ неправильнаго чтенія вм.: Копья поютъ, ѣ вмѣсто я, что весьма обычно. При этомъ чтеніи весьма правильно и согласно съ духомъ народной поэзіи обозначены мѣстность и время, въ кои Ярославна начинаетъ свое сѣтованіе, узнавъ объ участи мужа. <u>Подробность</u> эта можетъ имѣть историческое основаніе; Ярославна въ это время могла дѣйствительно находиться на Дунаѣ у отца; можетъ быть также и поэтическая вольность для приданія большей силы заклинанію. <u>Заклинаніе</u> путника считалось дѣйствительнѣе и опаснѣе, чѣмъ мѣстнаго обывателя.</p>		<p>*) Такъ какъ князья Смоленскіе упрекаются въ этомъ мѣстѣ именно за бездѣйствіе то упоминаніе Дуная ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ предъидущимъ словамъ о Смоленскихъ князьяхъ а относится къ Ярославу. Слова ея «попечю по Дунаю» не допускаютъ сомнѣній. Поэтъ рисуетъ картину подобно тому какъ онъ говоритъ: «тогда Игорь поѣхъ по чистому полю. тогда Игорь возрѣ насѣт-ное солнце».</p>
Гѣе		293 — 301. ср. 215. Господине	Гѣе	

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
диффогемнѣ верзѣ		рано 297. описка въ Архив. копін, про- изшедшая отъ повторенія съ памя- ти предшествовавшего слова.	море	
	кз.	299. неправильно прочтена отча- сти стертая буква В, или описка въ древней рукописи.	кз.	Слѣдуетъ читать «въ».
	ли.	322. предполагаю *) ошибочное чтеніе въ печат. текстѣ и въ Арх. спискѣ вмѣсто „ми“.	ли.	*) Ни сомнѣнія, ни вопроса въ словахъ Игоря не можетъ быть. **) Говоря о рѣкѣ Стугнѣ «Днѣпръ» не имѣетъ смыс- ла, на что ука- зываетъ отсутствіе грамматической сви- зи съ словами «тѣм- нѣ брезѣ» — слѣ- дуетъ читать: «за- твори днѣ прі тем. нѣ брезѣ; днѣ мѣст- падежъ. ***) вм. Днепре сло- вугицю.
		323. вѣроятно, неправильно про- чтено „Днѣпръ“ **), какъ непра- вильно прочтено: „о дне пресло- вугицю“ ***).		
		324. „Ростиславя, Ростиславля“; могъ быть дугообразный знакъ, принятый при снятіи Арх. копін за смягчительный л; ср. 229. Святъ- славлича.		
йходы		337. „дивицею, дѣвицею“; можетъ быть въ древней рукописи находи- лось ꙗ мало отличавшееся отъ н.		
		339.—340. это начертаніе йходы могло дать поводъ чтенію „и		

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающіи варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
(пѣтворца		<p>ходы на“ вмѣсто „исходъ і на“.</p> <p>Впрочемъ и при чтеніи „ходы“ смыслъ тотъ же и правиленъ.</p> <p>341. „пѣтворца, пѣснотворца“ неправильно раскрыто титло при снятіи Арх. копій; „пѣснь“ въ древней рукописи написано было, вѣроятно, какъ въ рукописяхъ часто встрѣчаемыя: ѿ, нѣ, пѣ, сыропѣ, пѣ вмѣсто: есть, нѣсть, постъ, сыропустъ, пѣснь.</p> <p>345. „Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти“ не должно быть отдѣлено знакомъ препинанія отъ предыдущихъ словъ, а потому „страны“ должно быть написано съ заглавной буквой, а „пѣти“ съ обыкновеннымъ п.</p> <p>351. „а дружинѣ“ поставлено въ скобкахъ, какъ указаніе для хора пѣвцовъ, что имъ слѣдуетъ сказать Аминь; обращенное къ хору „аминь“ не имѣетъ смысла; въ Церк. Сл.</p>		<p>Ср. стр. 55.</p> <p>Слѣдуетъ читать: „пѣснь творца“.</p>

Знаки и буквы въ древн. рукописл.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варианты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		<p>языкъ „а“ не имѣетъ значенія союза „и“ въ случаѣ же, если бы частица „а“ находилась здѣсь для большаго обозначенія противоположности, то этимъ самымъ значило бы усилить нелѣпость, чего не имѣемъ права ожидать отъ пѣвца Игоря. — На это могутъ замѣтить, что подобныя отмѣтки въ печатныхъ церковныхъ книгахъ ставятся въ именительномъ падежѣ, но едва ли правильно требовать отъ пѣсни, чтобы она строго придерживалась обычая, можетъ быть, и не вошедшаго въ обыкновеніе. (а дружинѣ, а хору, а присутствующимъ): Аминь: кажется указаніемъ правильнымъ и понятнымъ.</p> <p>Не настаивая на предполагаемое раздѣленіе послѣднихъ словъ пѣсни, тѣмъ не менѣе считаю полезнымъ привести здѣсь изъ Супральной Мартовской Четив - Миней: „ѹмоу-же слава въ вѣки аминь. Множеству же братьѣ отвѣштавшемъ аминь“ *).</p>		<p>*) Впрочемъ, кажется примѣръ этотъ рѣшаетъ вопросъ: частица „а“ должнабыть сохранена, вполне соответствуя частицѣ „же“ въ Супральной Четив-Миней. Примѣръ этотъ не допускаетъ исправленія текста замѣненіемъ частицы „а“ союзомъ „и“, принятымъ всеми переводчиками.</p>

ВАРІАНТЫ,

РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО ПОРЯДКУ ЧИСЕЛЪ.

1. начати, начати. VII. 47. 2. пѣку, полку. I. 34. 3. Святъславича, Святъславича. II. 37. 4. тѣй, тѣ. III. 38. 5. былинамъ, былинамъ. II. 36. 6. пѣснь, пѣснѣ. II. 36. 7. растѣкашется, растекашется. V. 45. 8. вѣкомъ, волкомъ. I. 34. 9. помняшетъ, помняшетъ. II. 36. 10. пѣрвыхъ, первыхъ. I. 34. 11. усобицѣ, усобицѣ. XV. 60. 12. соколовъ, соколовъ. II. 36. 13. лебедѣй, лебедей. V. 45. 14. пѣсь, пѣснѣ. II. 36. 15. пѣкы, полкы. I. 34. 16. Касожскими, Косожскими; занесенъ неправильно на стр. 34. слѣдуетъ въ статью II, стр. 36. 17. I—10. — [непомѣченъ тотъ же вар. 12]. 18. соколовъ, соколовъ. II. 36. 19. лебедѣй, лебедей. V. 45. 20. умъ, умъ. II. 36.	21. наплѣннися, наплѣннися. I. 34. 22. плѣкы, полкы. I. 34. этотъ вариантъ долженъ быть также занесенъ въ статью II. 37: и—н. 23. Половѣцкую, Половецкую. V. 45. 24. умъ, умъ. II. 36. 25. копѣ, кѣпѣ. III. 38. 26. Половецкаго, Половецкаго II. 36. 27. стараго, старого II. 36. 28. плѣкы, полкы I. 34. 29. умомъ, умѣ XIV. 59. 30. пѣсь, пѣснѣ II. 36. 31. Олга, Ольга. IV. 44. 32. Велесовъ, Велесовъ. II. 36. 33. рече, речъ. I. 35. 34. одинъ, одѣ. XIV. 59. 35. 36. възделѣяны, въздѣлѣяны. I. 34. VI. 46. 37. имъ, имъ. II. 36. 38. имъ, имъ.—I.—33. 39. скачють, скачють II. 36. 40. вѣступи, вступи. III. 39. 41. тѣмоу, тѣмоу. III. 39.

42. свистъ звѣринъ въ стази; въ Архив. списокъ слова пропущены, но находятся въ переводѣ. XV. 60.
43. кличетъ, кличетъ. I. — 33.
44. Тьматороканскій, Тьматороканскій. II. 36.
45. тѣлѣгы, телѣгы. V. 45.
46. пасетъ, пасетъ. I, 33.
47. вльци, волци. I. 34.
48. вѣстрожать, вѣстрожать. I. 33.
49. чръленны, чрленны. III. 40. (по ошибкѣ занесенъ).
50. шеломянемъ, шоломянемъ. II. 36.
51. длъго, долго. I. 34.
52. мркнетъ, мръкнетъ; неправильно занесенъ въ статью I. 34; слѣдуетъ: III. 39.
53. мѣгла, мѣгла. I. 33.
54. чръленными, чрленными. II. 36.
55. съ, с'. III. 38.
56. пятѣъ, паякъ. II. 37.
57. плѣкы, полкы. I. 34.
58. рассушась, рассушась. VII. 47.
59. 60. орѣтъмами, орѣтъмами. II. 36. III. 40.
61. начаша, начаша. VII. 47.
62. Половѣ(е)цкыми. V. 45.
63. чръленъ, чръленъ. II. 36.
64. чрълена, чрълена. II. 36.
65. Святъславличю, Святъславличю. II. 36.
66. дремлетъ, дремлетъ. I. 33.
67. Ольгово, Ольгово IV. 44.
67. залѣтъло, залѣтъло. VI. 46. (пропущено).
69. чръный, черный. I. 34.
70. бѣжитъ, бѣжитъ. I. 33.
71. вѣзкомъ, волкомъ. I. 34.
72. повѣдаютъ, — ю. XIV. 59.
73. чръныя, черныя. I. 34.
74. тучѣ, туча. VII. 47.
75. идутъ, идутъ. I. 33.
76. хотятъ, хотятъ. I. 33.
77. ѣ, 4.
78. млѣни, молніи. I. 34.
79. великаго, великого. II. 36.
80. потручати, потручати. VII. 47.
81. великаго, великого. II. 36.
82. землѣ, земле. V. 45.
83. стрѣлами, стрелами. V. 45.
84. 85. плѣкы, полкы. I. 34.
86. текутъ, текутъ. II. 36.
87. прикрываютъ. I. 33.
88. плѣкы, полкы. I, 34. (не помѣченъ).
89. чръленными, чръленными (неправильно помѣчено въ I. статьѣ. стр. 33).
90. Всеволодѣ, Всеволоде. V. 45.
91. стрѣлами, стрелами. V. 45.
92. поскочаше, поскочаше. VII. 47.
93. шеломомъ шелома. XIV. 59.
94. лежатъ, лежатъ. I. 33.
95. забывѣ, забывѣ. I. 33.
96. Чрънигова, Чернигова. I. 34.
97. плѣци, полцы. I. 34. пропущено въ статьѣ II. 37: и—н.
98. Ольга, Ольга; пропущено въ ст. III. 39 и IV. 44.
99. 100. Святъславлича, Святъславлича. II. 36. и VII. 47.

101. тѣй, той. 34. вѣсто III. 38. (101. слѣдовало въ скоб-
ку послѣ „той-тъ“ относящ.
къ вар. 4).
102. мечеть, мечень. I. 33.
103. стрѣлы, стрелы. V. 45.
104. Тмутороканѣ, Тмутороканѣ;
пропущено въ ст. III. стр.
39. срав. 173. вар. отмѣч.
на тойже страницѣ.
105. Всеволожь, Всеволожь. II.
36; предъидущій вар. также
занесенъ подъ этой статьей.
106. Святоплѣкъ, Святополкъ. II.
36. долженъ быть также за-
несенъ въ ст. I. 34.
107. повелѣютца. повелѣ. я отца
(яти).
108. иноходцы, иноходцы; про-
пущено въ ст. III. ст. 39.
109. челоуѣкомъ. комъ. II. 36.
110. полетети, полѣтѣти. VI. 45.
111. съ, въ. XV. 61.
112. плѣкы, полкы. I. 34.
113. летятъ, летять. I. 34.
114. стрѣлы, стрелы. V. 45.
115. гримлють, гримлють. I. 33.
116. трещать, трещать. I. 33.
117. чръна, черна. I. 34.
118. давеча, давеча. VII. 47.
119. плѣкы, полкы. I. 34.
120. заворочаетъ, -часть. I. 33.
121. бишася, бишась. XV. неотм.
122. крылы, крилы. I. 34.
123. 124. синѣмъ, немъ. V. 45. I.
33.
125. море, морѣ. V. 45.
126. княземъ, княземъ. I. 33.
127. начаша, начаша. VII. 47.
128. млѣвити, молвити. I. 34.
129. себѣ, себе. V. 45.
130. храбраго, храброго. II. 36.
131. плѣку, полку. I. 34.
132. крѣсити, кресити. V. 45.
133. нимъ, нимъ. I. 33.
134. смагу мычючи, смагу людемъ
мычючи. XV. 61.
135. Рускія, Рускыя. пропущ. въ
II. ст. стр. 37.
136. намъ, намъ. I. 33.
137. очима, очима. XIII. 57.
138. Черниговъ, Черниговъ. I. 33.
139. тече, утече. XV. 61.
140. средь, средѣ. II. 36; ср.
пѣснь, пѣснь.
141. Святславлича, -ча. VIII. 48.
142. отецъ, отецъ. I. 33.
143. грозный, грозный. XV. 61.
144. великий, великий. XV. 61.
145. Кіевскій, Кіевскій. III.
40.
146. сильными, сильными. IV. 44.
147. плѣкы, полкы. I. 34.
148. взмути, в'змути. III. 39.
149. рѣки, рѣкы. II. 37.
150. потоки, потоки. II. 37.
151. поганаго, поганого. II. 36.
152. желѣзныхъ, -зны. XIV. 59.
153. великихъ, великихъ. II. 37.
154. плѣковъ, полковъ. I. 34.
155. Половецкихъ, Половецкихъ.
II. 37.
156. каютъ, каютъ. II. 36.
157. Половецкія, Половецкыя. II.
37.
158. высѣдѣ, высѣде. V. 45.
159. Святъславъ, Святславъ. II. 36.
160. сонъ, со. XIV. 59.
161. видѣ, виде. V. 45.
162. чръною, черною. I. 34.

163. кровати, кровати. I. 34.
 164. трудомъ, трудо. XIV. 59.
 165. тльковинъ, тльковинъ. II. 36.
 166. нѣгуютъ, нѣгуютъ. I. 33.
 167. дьскы, дьскы. II. 36.
 168. в, въ. III. 40.
 169. златовръсѣмъ, златовръсемъ. б. опечатка вмѣсто ъ. въ таблицѣ. V. 45.
 170. Плѣсньска, Плѣньска. XV, 61.
 171. несошлю, [несоша ю]. XV. 62.
 172. слѣтѣста, слетѣста. V. 45.
 173. Тмүтороканя, Тмүтороканя. III. 44.
 174. крильца, крилца. IV. 44.
 175. 176. самаю, самого. I. 34. по ошибкѣ слѣдуетъ въ ст. II. стр. 36: а—о. относительно ю и го, на стр. 35.
 177. опустоша, опүтоша, опүтоша. XV. 62.
 178. ѣ, з. XIV. 59.
 179. померкоста, померкоста. V. 45.
 180. съ, съ. I. 33.
 181. тьмою, тмою. III. 40.
 182. акы, акы. III. 37.
 183. дивъ, дивъ. II. 36.
 184. 185. Готскія, Готьскыя. III. 39. II. 37: и—ы; въ таблицѣ Готьскія поставлено по ошибкѣ впереди, слѣдуетъ на оборотъ.
 186. поють, поють. I. 33.
 187. веселя, веселія. VII. 47. 19.
 188. великій, великий. II. 37. въ таб. опеч. ий вм. ій.
 189. Святславъ, Святъславъ. III. 40. не обозн. въ таблицѣ.
 190. сыновча, сыновча. VII. 47.
 191. проліасте, пролясте=ласте.
 192. жестоцѣмъ, жестоцемъ, ошибочно отнесено въ ст. VI. 46. слѣдуетъ въ ст. V. 45.
 193. мужаниѣся, мужанимися. XI. 51.
 194. 195. похитимъ, похитимъ. пропущено въ ст. II. стр. 36: и—ы. 195. занесено правильно въ ст. I. 33.
 196. подѣлимъ, подѣлимъ. I. 33.
 197. мытехъ, мытѣхъ. VI. 46.
 198. бываетъ, бываетъ. I. 33.
 199. птиць, птиць. I. 33.
 200. възбываетъ, възбываетъ. I. 33.
 201. дасть, дасть. I. 33.
 202. уримъ, ури. XIV. 59.
 203. Володимиръ, Володимиръ. XV. 62.
 204. шельбиры, шельбиры. II. 36.
 205. 206. Ольберы Олбѣры. IV. 44. VI. 46.
 207. бес, бесъ. III. 40.
 208. щитовъ, щитовъ. II. 36.
 209. плѣкы, полкы. I. 34.
 210. побѣждаютъ, побѣждаютъ. I. 33.
 211. живыми, въ Архив. слово пропущено. XV. 62.
 212. стрѣляти, стреляти. V. 45.
 213. рыкають, рыкають. I. 33.
 214. акы, акы. I. 34.
 215. господина, гѣна. XV. 63 65.
 216. за, зане; вѣроятно описка въ Арх. спискѣ. XV. 63.
 217. Русскую, Рускую. XV. 63.
 218. Святславлича, Святъславлича. III. 40.

219. Осмомыслѣ, Осмомысле. V. 45.
 220. златокованѣмъ, златокованемъ. V. 45.
 221. Угорскыи, Угорьскыи. III. 39; въ таблицѣ „Угорьскыи“ поставлено напередѣ, слѣдуетъ на оборотъ.
 222. плѣки, полки. I. 37.
 223. облаки, облакы. II. 34.
 224. текутъ, текутъ. I. 33.
 225. стрѣлай, стреляй. V. 45.
 226. салтани, салътани. III. 40.
 227. стрѣлай, стреляй. V. 45.
 228. 229. Святславича, Святъславича, III. 40.
 230. течеть, течеть. I. 33.
 231. болотомъ, болотомъ. I. 33.
 232. Полочаномъ, Полочаномъ. VII. 48.
 233. 234. Литовскія, Литовьскыя. III. 39; пропущено въ ст. II. стр. 37: и—н.
 235. бысь, бы. II. 37.
 236. Брячя(а)слава. VII. 47.
 237. жемчюжну, жемчужну. IX. 49.
 238. чрьсь, чрьсь. XII. 56.
 239. унылы, унылы. I. 34.
 240. носятъ, носятъ. I. 33.
 241. умъ, умъ. I. 33.
 242. вѣтрехъ, вѣтрѣхъ. VI. 46.
 243. желѣзныи, желѣзніи. I. 34.
 244. Латинскыи, Латиньскыи. III. 39; въ таб. ошибочно „Латиньскыи“ поставлено напередѣ, слѣдовало бы на оборотъ.
 245. многи, многы. II. 37.
 246. повръгоща, — гоша. XV. 36.
 247. Ляцкіи, Ляцкыи. II. 37.
 248. стрѣлами, стрелами. V. 45.
 249. Русскую, Рускую. XV. 63. въ 1-мъ из. Рускую и Рускую III. 40.
 250. утрѣ, утрѣ.
 251. бологомъ, бологомъ. I. 33.
 252. рси, роси. II. 37.
 253. плѣку, полку. I. 34.
 254. крѣсити, кресити. V. 45.
 255. кличетъ, кличетъ. I. 33.
 256. зоветь, зоветь. II. 36.
 257. ингварь, ингварь. III. 39.
 258. шестокрилци, — льци. IV. 44.
 259. начасте, начасте. VII. 47.
 260. седьмомъ, седьмомъ. III. 39.
 261. Трояни, зояни. XV. 63.
 262. тѣ, тѣ. III. 38.
 263. Кіевскаго, Кіевьскаго. III. 40.
 264. отънихъ, отныхъ. II. 37. ошибочно въ таблицѣ помѣчено 265 и пропущено въ табл. III, такъ какъ вѣроятно отныхъ было написано . . *Ѣныхъ*.
 265. 266. звѣремъ, зверѣ. V. 45. XIV. 59.
 267. плѣночи, полночи. I. 34.
 268. возни, возни. XV. не помѣч.
 269. разшибе, разшибѣ. VI. 46.
 270. влѣкомъ, волкомъ. I. 34.
 271. стелютъ, стелютъ. I. 33.
 272. халужныи, явн. описки XV.
 273. животъ, животъ. I. 33.
 274. кладутъ, кладутъ. I. 33.
 275. сыновъ, сыновъ. I. 33.
 276. рядяше, радяше. VII. 47.
 277. влѣкомъ, волкомъ. I. 34.
 278. изъ, исъ. XII. 56.
 279. 280. влѣкомъ, волкомъ. I. 34.
 281. Полотскѣ, Полотьскѣ. III. 40.
 282. въ, в. III. 39.

283. прѣвое, первое. I. 34.
 284. прѣвую, первую. I. 34.
 285. прѣвыхъ, первыхъ. I. 34.
 286. лѣзѣ, лѣзѣ. IV. 44. I. 34.
 287. Давидовы, Давидови. I. 34.
 288. имѣ. XV. 63.
 289. пашутъ, пашутъ. I. 33.
 290. Копіа поютъ на Дунаи въ
 обоихъ текстахъ безъ вари-
 анта и въ связи съ предъ-
 идущими словами. Слѣдуетъ,
 на оборотъ, читать эти слова
 съ послѣдующими, по мѣсту
 пребыванія Ярославны.
 291. Ярославнынъ, —нынъ. XV.
 292. слышитъ, слышитъ. I. 33.
 293. господине, гнѣ. XV. 63.
 294. бѣшетъ, бѣшетъ. I. 33.
 295. плѣку, полку. I. 34.
 296. море, морѣ. VI. 46.
 297. рапо, на море. XV. 65.
 298. плачетъ, плачетъ. I. 33.
 299. къ; вѣроятно описка въ древ-
 немъ спискѣ. XV. 65.
 300. слѣнце, солнце. I. 34.
 301. господине, гнѣ. XV. 63.
 302. идутъ, идутъ. I. 33.
 303. спитъ, спитъ. I. 33.
 304. бдитъ, бдитъ. I. 33.
 305. мѣрить, мѣрить. I. 33.
 306. великаго, виликаго. II. 36.
 307. поскочи, поскачи. I. 35. 36.
 308. вѣврѣжеса, вѣвержеса I. 34.
 309. брѣзъ, борзъ. I. 34.
 310. босымъ, босы. XIV. 59.
 311. влѣкомъ, волкомъ. I. 34.
 312. мѣглами, мглами. III. 39.
 313. соколомъ, соколо. XIV. 59.
 314. влѣкомъ, волкомъ. I. 34.
 315. брѣзая, борзая. I. 34.
 316. Донецъ, Донецъ. I. 33.
 317. влѣнахъ, волнахъ, I. 34,
 318. зелѣну, зелену. V. 45.
 319. своихъ, свой. XIV. 59.
 320. мѣглами, мглами. III. 39.
 321. ветрѣхъ, вѣтрѣхъ. VI. 46.
 322. ли; въ обоихъ спискахъ, вѣ-
 роятно, описка вмѣсто ми,
 такъ какъ условное значеніе
 частицы ли здѣсь не на
 мѣстѣ.
 323. Днепръ темнѣ березѣ — въ
 обоихъ текстахъ плохо про-
 читено вмѣсто: днѣ прі темнѣ
 березѣ. Рѣка Стугна не мог-
 ла бы быть обвинена за дѣй-
 ствія Днѣпра. XV. 65.
 324. Ростислава, Ростиславля. II.
 37. неправильно занесено на
 эту страницу, скорѣе слѣ-
 дуетъ предполагать дугооб-
 разный надстрочный знакъ;
 во всякомъ случаѣ знакъ
 отличный отъ знака, предпо-
 лагаемаго при вариантахъ 3.
 и 229. Кромѣ того, Ростис-
 лава долженъ стоять на-
 переди, какъ принадлежащее
 къ Пушк. тексту.
 325. прѣклонило, преклонило. V.
 45. въ таб. опеч. прѣкло-
 номъ.
 326. ѣздитъ, ѣздитъ I. 33.
 327. помлѣкоша, помолкоша I. 34.
 328. только, толко. IV. 44; на
 этой страницѣ, по ошибкѣ,
 предполагается л съ черточ-
 кой; этотъ вариантъ принад-
 лежитъ рубрикѣ л III. 39.
 329. кажутъ, кажутъ. I. 33.

330. пѣсьми, пѣсньми. Этотъ вариантъ произошелъ отъ необо-значенія согласной подѣ над-строчномъ знакомъ, также точ-но какъ бы, пѣѣ, рѣ, и по-тому вариантъ этотъ долженъ быть занесенъ въ ст. II. стр. 37. стр. 341.
331. 332. млѣвить, молвить. I. 33. 34.
333. летитъ, лети. XI, 59.
334. стрѣлами, стрелами. V. 45.
335. рече, речь. I. 35.
336. летитъ, летить. I. 33.
337. дивицею, дѣвицею; можетъ быть отнесено въ ст. III. 38.
338. рече, рекъ. II. 37. ср. вар. 235. 330. 335.
339. 340. иходы въ обоихъ тек-стахъ, вѣроятно, вслѣдствіе недоразумѣнія вмѣсто: рекъ боянъ ихоузи на т. е. исходъ и на пѣснь и т. д. XI. 54. XV. 66.
341. пѣтворца, пѣсотворца; вари-антъ этотъ произошелъ подоб-но вариантамъ: 3, 14. 30. 56. 229. 235. и 330, и потому онъ также долженъ быть зане-сенъ въ ст. II. стр. 37; въ древ-немъ текстѣ должно было нахо-диться: пѣтворца, слѣдовало читать пѣснь отдѣльно отъ творца. — При снятіи Архив-ской копии надстрочный знакъ принять за „но“, подобному
- какъ прочтенъ вар. 252. на тойже страницѣ ѣи: рси и ро-си. Необходимость отдѣлить „пѣснь“ отъ „творца“ указы-вается уже г. Буслаевъ; дѣй-ствительно ни хода, ни ис-хода нельзя сказать на пѣв-ца, но на его пѣснь.
342. небесѣ, небесе. V. 45.
343. чрезъ, чресъ. XII. 56.
344. княземъ, княземъ. I. 33.
345. молодымъ, молоды. XVI, 59.
346. Святславича, Сватславичъ. I. 35.
347. Всеволодѣ, Всеволоде. V. 45.
348. Игоревичу, Игоревичъ. I. 35.
349. христьяны, христьянъ. VII. 47. ст. стр. 20.
350. плѣки, полки. I. 34.
351. а дружинѣ аминь; такъ въ обоихъ текстахъ, въ слѣдствіе чего можно предполагать описку въ древ-немъ текстѣ А вмѣсто союза И. Если же признать союзъ А пра-вильнымъ, то обозначалось бы здѣсь намѣреніе автора противоположить славѣ, провозглашаемой Князьямъ, аминь, обращаемый къ дружинѣ; что не имѣетъ смысла. Если про-тивуположность была въ намѣреніи автора, то слово А дружинѣ слѣ-дуетъ предполагать какъ-бы въ скобкахъ, т. е. авторъ кончаетъ свою пѣснь приглашеніемъ дружины про-изнести „аминь“. XV, 67.

Въ пятнадцати таблицахъ распредѣлены всѣ варианты по предполагаемымъ надстрочнымъ знакамъ и начертаніямъ, затруднявшимъ первыхъ издателей. Въ слѣдъ за таблицами помѣщены по порядку чиселъ этиже варианты, отмѣченные въ изданіи Пекарскаго, и предлагаемыя нами исправленія древняго текста. — Варианты, состоящія въ раздѣленіи словъ и въ заглавныхъ буквахъ, не отмѣчены; они вовсе не могутъ имѣть значенія, такъ какъ въ древней рукописи ни раздѣленія словъ, ни заглавныхъ буквъ не находилось.

Выше изложенныя объясненія вариантовъ идутъ въ разрѣзъ съ господствующей у насъ теоріей относительно времени и мѣстности, обусловливающихъ различія въ древнемъ Славянскомъ правописаніи. При сличеніи обоихъ текстовъ слова о полку Игоревѣ я старался отрѣшиться отъ всякой предвзятой системы. Это было для меня тѣмъ легче, что я всегда сомнѣвался въ возможности господствующей системы, при несуществованіи, у насъ палеографіи какъ науки.

Изъ сличенія обоихъ текстовъ оказывается, что всѣ варианты, кромѣ крайне рѣдкихъ, случайныхъ исключеній, собранныхъ въ т. XII. XIII и XV, сосредоточиваются на полугласныхъ Ъ и Ь, и на іотированныхъ буквахъ. Богатый матеріалъ, собранный нашимъ знаменитымъ палеографомъ Срезневскимъ, и масса его внимательныхъ наблюденій надъ древними рукописями дали мнѣ единственный способъ, объяснить происхожденіе вариантовъ въ-слѣдствіе различныхъ изображеній твердыхъ, мягкихъ и іотированныхъ знаковъ, встречающихся постоянно въ древнихъ рукописяхъ, писанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ и лицами, заявляющими себя членами того или другого племени. Всѣ обозначенія времени, мѣстности и народности весьма важны при опредѣленіи — какой народности принадлежитъ изготовленіе

правильной древне-церковно-славянской рукописи. Отступления же вкрадывавшіяся въ правописаніе, несомнѣнно могли происходить въ-слѣдствіе племеннаго происхожденія писца; но они могли появляться и въ-слѣдствіе образованія писца въ отдѣленной средѣ. Эта причина вариантовъ далеко не общая и относится только къ тѣмъ вариантамъ, которые имѣютъ положительный областной характеръ. — Рукописи всегда были предметомъ торговли, и потому болѣе зависѣли отъ требованій покупателей, чѣмъ отъ наклонностей производителей. Не можетъ быть сомнѣнія, что писцы прежде всего сообразовались съ требованіями покупателей или лицъ заказывавшихъ имъ копии. Подобныя требованія производили весьма значительное различіе въ правописаніи по необходимости сообразоваться съ мѣстнымъ выговоромъ и обычаемъ. Смѣшеніе *ѣ* съ *Ѹ* и исчезновеніе *ѣ* изъ Русскихъ рукописей объясняются крайней затруднительностью для Русскихъ писцовъ соблюдать древнее правописаніе. Смѣшеніе большого *ѣ* съ малымъ также весьма понятно въ дѣйствительныхъ Болгарскихъ рукописяхъ въ-слѣдствіе произношенія того и другаго между А, АУ и Ъ имѣющимъ также близкое сродство съ гласной Ъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма замѣтно во всѣхъ древнѣйшихъ рукописяхъ присутствіе мѣстныхъ вліяній, что объясняется вполне переходомъ древнѣйшихъ рукописей и самихъ писцовъ изъ одной мѣстности въ другую, такъ что сбивчивость начертаній становилась общою для всѣхъ мѣстностей Славянскаго міра и помимо вліянія мѣстнаго произношенія. Кромѣ того, весьма замѣтно различіе правописанія въ-слѣдствіе сбивчивости, произшедшей отъ слишкомъ большого числа знаковъ и начертаній, имѣвшихъ цѣлію до тонкости обозначить измѣнчивые и едва уловимые оттѣнки въ произношеніи у разныхъ Славянскихъ племенъ. — Соображенія эти, при всемъ уваженіи къ несомнѣннымъ заслугамъ Востокова, убѣдили насъ, что самые загадочные факты ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отвергаемы во имя непреложности системы, даже болѣе упрочившейся, чѣмъ сдѣлалъ Востоковымъ выводы. Въ теченіи настоящей статьи придется не

разъ представлять примѣры значительныхъ противорѣчій въ опредѣленіяхъ Востокова и даже вовсе не замаскированный произволъ.

При обсужденіи вопроса о разнообразіи Церковно-Славянскихъ рукописей слишкомъ мало обращено вниманія на вліяніе спроса, или можетъ быть слишкомъ много вниманія у насъ обращено на личное и загадочное произношеніе писцовъ и ихъ гадательныя мытарства. Вопросъ, какъ уже давно замѣтилъ Шлейхеръ, весьма сложенъ и затруднителенъ; грядущимъ поколѣніямъ предстоитъ разработать скопившіеся матеріалы, драгоценные не по одному своему отношенію къ вопросу о произношеніи и мытарствахъ писцовъ.

Имѣя въ виду данныя весьма положительныя, не должно было принимать въ расчетъ — какое отношеніе эти данныя имѣютъ къ отвлеченнымъ и гадательнымъ опредѣленіямъ, мимоходомъ заявленнымъ Востоковымъ и поддерживаемымъ лишь по принципу его послѣдователями. Я ни мало не сомнѣваюсь, что послѣдователи Востокова несравненно лучше и тверже меня знаютъ всю суть древняго правописанія. Но дѣло въ томъ, что изъ уваженія къ памяти учителя ошибочность его распредѣленія держится до сего дня непоколебленною въ средѣ учащихся. Единственнымъ пособіемъ и руководствомъ для разъясненія загадочнаго текста, признаваемого Русскими изслѣдователями испорченнымъ, служили для меня прежде и болѣе всего изслѣдованія Копитара о глаголитской рукописи Клоца и Миклошича, при изданіи имъ отрывковъ Супрасльской Четив-Миней. Не вдаваясь въ оцѣнку теорій о мѣстѣ происхожденія языка, самымъ естественнымъ образомъ я подчинился взгляду Копитара и Миклошича на существованіе правильнаго древне-церковно-славянскаго языка, развѣтвляющагося въ позднѣйшихъ рукописяхъ съ признаками мѣстныхъ неизбѣжныхъ вліяній Русскаго, Болгарскаго и Сербскаго. Эта теорія такъ естественна, что едвали можно назвать ее теоріей. Фактъ этотъ тоже самое явленіе, которое представляетъ латинскій языкъ, подвергшійся въ средніе вѣка мѣстнымъ вліяніямъ. По окончаніи работы для повѣрки, нельзя было не признать полезнымъ ближе раз-

смотреть — на чемъ основаны положенія Востокова о невозможности древняго правильнаго правописанія въ древней Россіи. Правильныя древнія рукописи, по доводамъ Востокова, суть древне-болгарскія, хотя и писанныя въ Россіи. Выходить, какъ будто писали въ Россіи обогарившіеся Сербъ или осербившіеся Болгаре съ замѣтной склонностію къ обрусѣнію; а вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшія рукописи, писанныя по ту сторону Дуная, имѣютъ отмѣченные Восточовыми признаки даже позднѣйшей Московской письменности, а Московскія рукописи несутъ слѣды Болгарскаго и Сербскаго вліянія. Самое сознаніе Востокова о его колебаніяхъ между неопредѣленнымъ западнымъ Славянскимъ и Болгарскимъ происхожденіемъ Супрасльской рукописи выражаетъ съ поражающей наглядностію — какъ мало онъ имѣлъ основаній для своихъ приговоровъ.

Колебаніе между опредѣленіями Востокова (см. ниже стр. 85) напоминаетъ того любителя картинъ, который объявляетъ объ открытіи имъ новой картины Рембрандта, а на другой день спѣшитъ заявить, что въ слѣдствіе новыхъ открытій, сдѣланныхъ въ портфеляхъ публичной бібліотеки, онъ убѣдился окончательно, что найденная имъ картина писана Рафаелемъ, такъ какъ, по его изслѣдованіямъ, у одного Рафаеля встрѣчаются на заднемъ планѣ тѣ же жидкія своеобразныя деревья, а на первомъ мелкія травки съ таковыми же цвѣточками, характеризующими пріобрѣтенное имъ „Святое Семейство“. Нельзя упустить изъ виду для исторіи нашей палеографіи, что присутствіе начертанія А въ Кирилловскихъ рукописяхъ, неизвѣстное Востокову, въ 1825 г. было весьма извѣстною принадлежностію глаголиты, въ коей начертаніе А соответствуетъ нашему Ѣ; тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно жиденскихъ деревьевъ и мелкихъ травочекъ Рафаеля, которыя встрѣчаются на картинахъ германскихъ и итальянскихъ живописцевъ XV и XVI столѣтія.

„Въ запискѣ академика И. И. Срезневскаго „Труды и Юбилей А. Х. Востокова“ (Учен. Записки II отд. И. А. Н. кн. II. в. 2. 1856) Копитаръ вмѣстѣ съ Миклошичемъ занесенъ въ число

людей, коихъ труды направлены по пути, указанному Востоковымъ.”

Любопытенъ отзывъ Билярскаго о Копитарѣ и Миклошичѣ, признанныхъ послѣдователями Востокова въ отчетѣ И. И. Срезневскаго. Билярскій, въ своемъ предисловіи къ статьѣ о среднеболгарскомъ вокализмѣ (Спб. 1858. стр. 14—17), не считаетъ Копитара ученикомъ но признаетъ его даже счастливымъ, хотя и недостойнымъ, соперникомъ Востокова. за то Миклошича признаетъ недозрѣлымъ ученикомъ, сбивымъ съ пути Копитаромъ. „Недостатокъ позитивно-историческаго направленія—говоритъ Билярскій—довольно невыгодно отражается на почтенныхъ и полезныхъ трудахъ вѣнскаго филолога г. Миклошича, и всего осязательнѣе на послѣднемъ его сочиненіи—Сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ. Матеріалъ этой грамматики, собранный изъ разнородныхъ источниковъ, слишкомъ мало очищенъ предварительной филологической критикой отъ примѣси и порчи подъ вліяніемъ разныхъ временъ и мѣстъ. Особенно повредило сочиненію предубѣжденіе автора въ пользу такъ называемыхъ имъ „собственно словенскихъ“ памятниковъ, каковы: Клоцевы глагольскіе отрывки, евангеліе Ассемани, Супрасльская рукопись, которые составляютъ у него особый разрядъ, отличный отъ Болгарскаго, Сербскаго и Русскаго. Если-бы г. Миклошичъ *заранѣе приучилъ себя къ аналитической методѣ* Востокова, *то убѣдился бы*, что и эти памятники, прежде филологическаго употребленія, не менѣе всѣхъ другихъ требуютъ очистительной критики; а убѣдившись въ этомъ, онъ не сталъ бы оказывать такое безусловное довѣріе къ каждой ихъ формѣ, не отдалъ бы имъ рѣшительнаго предпочтенія предъ древними памятниками другихъ разрядовъ, даже едва ли сдѣлалъ бы изъ нихъ особый разрядъ. Это отдѣленіе ихъ въ особый разрядъ сдѣлано не на основаніи ихъ разбора, а по какому-то предубѣжденію, не объясняемому ни въ его сравнительной грамматикѣ, ни въ другихъ сочиненіяхъ.”

Обвиненіе Билярскаго поражаетъ полнымъ отсутствіемъ положи-

тельныхъ данныхъ. Требовать какого-то ученаго анализа, чтобы доказать, что языкъ древне-церковно-словенскій отличенъ отъ составившихся въ теченіи времени редакцій Болгарскихъ, Сербскихъ и Русскихъ, было бы тоже, что путемъ анализа доказывать, что языкъ Даресова сказанія о разореніи Трои не подчиненъ тѣмъ же грамматическимъ и синтаксическимъ правиламъ, которыя обнаруживаются въ языкѣ Цицерона. Разсматривая этотъ вопросъ по его отношенію къ Слову о Пльку Игоревѣ, нельзя не замѣтить, что грамматическій ключъ къ пониманію языка Слова о Пльку Игоревѣ находится въ грамматикѣ Копитара, изданной имъ при Glagolita Clozianus. Текстъ Слова о Пльку Игоревѣ, отнѣсно правильный по грамматикѣ Копитара, казался и кажется Русскимъ изслѣдователямъ, крайне испорченнымъ. Г. Тихонравовъ признаетъ, что грамматика Востокова, по Остромирову Евангелію необходима для пониманія текста Русской пѣсни; разница между обоими грамматиками незначительна. Въ лексическомъ отношеніи труды Миклошича также много способствовали къ разъясненію древнихъ формъ, встрѣчаемыхъ въ пѣсни, постоянно поразившихъ нашихъ изслѣдователей. Что касается Словаря Востокова, то я еще менѣе сомнѣваюсь, что онъ долженъ дать вполне тѣ же самыя результаты, что и Словарь Миклошича.

На страницѣ 16, ссылаясь на предыдущее указаніе слабой стороны трудовъ Миклошича, Виларскій извиняетъ Миклошича вліяніемъ Копитара:

„Довольно жестоко отзывается о догматизмѣ вѣнскаго ученаго профессоръ Бодянскій въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи (О вр. происх. Слав. письменъ. Москва. 1855). Я также *указалъ* только слабую сторону его трудовъ, прежде нежели привелъ что нибудь въ ихъ пользу. Но для справедливой оцѣнки трудовъ г. Миклошича, *надо и то сказать*, много ли сдѣлано его предшественниками для разъясненія правильнаго пути филологическихъ изслѣдованій. Правда, послѣ Востокова можно, по моему мнѣнію, идти впередъ довольно твердо и съ прочнымъ успѣхомъ, но какъ трудно войти въ историко-филологи-

скую методу Востокова, это я вижу изъ опытовъ не одного г. Миклопича: для него это было тѣмъ труднѣе, что его филологическое направление состоялось подъ неотразимымъ вліяніемъ знаменитаго его предшественника—даровитаго Копитара.“

„Что же сдѣлано въ противодѣйствіе этому вліянію? Чтобы не уходить далеко, спросимъ: „чѣмъ можетъ образумить послѣдователей Копитара сочиненіе г. Бодянскаго?“

Грустное сознаніе Билярскаго о томъ, какъ мало у насъ сдѣлано, не навело его однако на мысль, что намъ полезно было бы поучиться у учениковъ Востокова: Копитара и Миклопича.

Для оправданія себя за избраніе руководителей, считаю полезнымъ привести выписки, выбранныя Пыпинымъ изъ описанія Востоковымъ Румянцовскаго Музеума, представляющія суть его ученія и назначеннаго для прославленія ученаго академика. Изъ замѣтки г. Срезневскаго мы узнаемъ, что систематическимъ изложеніемъ Пыпина самъ Востоковъ остался доволенъ.

„Самый писецъ Остромирова Евангелія, — говоритъ Востоковъ въ своемъ *разсужденіи* о Словенскомъ языкѣ, — въ послѣдствіи хотя и соображается съ правописаніемъ своего текста и пишетъ правильно: сѣщоу, порѣчи; но спустя нѣсколько строкъ, ставитъ оу вмѣсто ѡ: пороученіе; также а вмѣсто ѧ въ словахъ: почѧхъ, начѧхъ: *изъ чего видно*, что правописаніе текста не было его собственнымъ или его времени принадлежащимъ.“ Изъ различія въ правописаніи дѣлается выводъ, что правописаніе — не собственное, какъ будто правописаніе можетъ или должно быть собственное, не говоря уже о томъ, что правописаніе IX столѣтія Паннонскихъ первоучителей и не должно быть правописаніемъ новгородца XI столѣтія. Такимъ образомъ русскій XIX вѣка, пишущій на той же страницѣ началъ, начелъ, началъ, обнаруживаетъ тѣмъ, что правописаніе ему не сродное, а заимствованное.

Не только правописаніе, но и самый языкъ всегда заимствованъ: нѣтъ такого человѣка, который бы говорилъ или писалъ не заим-

ствоваѣ того путемъ перениманія или ученія отъ своихъ ближнихъ. Всякій письменный языкъ для каждаго человѣка есть не собственный, а общій, не только всей образованной массѣ, но и подчиненный вліянію историческому. Мысль, лежащая въ основаніи у Востокова, совершенно неопредѣленная и недозрѣлая. Писецъ Остромирова Евангелія добросовѣстно держится правописанія оригинала и въ собственной редакціи позволяетъ себѣ писать, по обычаю или по оплошности, сообразно съ своимъ природнымъ выговоромъ: предполагать, что древній Церковно-Словенскій языкъ былъ живой, разговорный языкъ какого бы то ни было племени—голая, однако неправдоподобная гипотеза. Языкъ этотъ, чтобы быть одобреннымъ. Греческою и Римскою церковію, долженъ былъ быть языкомъ достаточно выработавшимся и имѣвшимъ въ IX вѣкѣ неоспоримое право на существованіе. Готскій языкъ Ульфилова Евангелія, также языкъ вполне образованный, былъ языкомъ Аріанской церкви; католическая церковь крайне ревниво относилась къ допущенію Литургіи и перевода Библии на новѣйшіе, вульгарные языки. Отношеніе послѣсловія къ священному тексту совершенно то же, что польское правописаніе человѣка, принадлежащаго племени, не имѣющему ринезмовъ, и пишущаго, по своему образованію, на классическомъ польскомъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на школьное образованіе, по слабости натуры, позволяющаго кое-гдѣ пробиваться выраженію природнаго выговора.

Замѣчательно, какъ Германская школа склонна къ полнѣйшему устраниенію дѣйствительности при изученіи минувшаго времени; это называется дѣйствовать методически. Но на все есть мѣра. и въ большей части случаевъ убѣжденіе, что древнее не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ современнымъ, ведетъ къ чудовищнымъ выводамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что объясняя зря все древнее современнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно придти къ значительнымъ промахамъ. Но, наоборотъ, противоположная крайность ведетъ къ памятнымъ вопросамъ и сомнѣніямъ—жили ли Русскіе въ X вѣкѣ въ тои-

ленныхъ комнатахъ; могли ли они въ нетопленныхъ комнатахъ писать, такъ какъ здравая научная критика никакъ не можетъ допустить, чтобы люди писали въ рукавицахъ.

Писецъ Остромирова Евангелія соблюдалъ, по мѣрѣ силъ, древнее уставное правописаніе, копируя текстъ; но трудно сомнѣваться, чтобы и въ XI столѣтіи натура не стремилась выйти наружу; писецъ Новгородскій получилъ, по видимому, очень порядочное воспитаніе, потому что онъ не даетъ воли своей натурѣ и въ послѣсловіи, гдѣ онъ имѣлъ право на полную свободу, пишетъ такъ архаистически правильно, что во многихъ текстахъ таковой правильности далеко не соблюдается. Писецъ Остромирова Евангелія, не соблюдая строго правописанія, дѣйствуетъ совершенно такъ, какъ и мы это дѣлаемъ, особенно при разноречивомъ произношеніи словъ. „Начати“, пишется правильно на А, но произносится не менѣе правильно на Я. Я настаиваю на этомъ словѣ, потому что Востоковъ на него ссылается. Древнее правописаніе чрезъ ѡ не есть безусловно правильное или по крайней мѣрѣ безусловно необходимое, потому что іотированіе гласной можетъ вслѣдъ за буквою Ч не обозначаться за излишествомъ, чему весьма много примѣровъ. Намѣреніе Востокова, по отличіямъ правописанія, соответствующимъ произношенію разныхъ Славянскихъ племенъ, опредѣлять происхожденіе рукописи могло быть правильнымъ; но выводы, имъ сдѣланные, совершенно неправильны, опираясь на весьма маломъ количествѣ свѣдѣній и пренебрегая весьма положительными данными, обуславливающими опредѣленіе времени написанія и мѣста происхожденія рукописей.

Въ матеріалахъ для Славянской палеографіи, извлеченныхъ изъ описанія Востоковымъ рукописей Румянцовскаго Музея (опис. Норовскихъ рукоп. стр. 98), читаемъ: „въ дополненіе сей выписки (изъ Давида пророка и царя пѣснь: блаженъ мужъ и пр.) замѣтить еще должно, что буквы ѡ и а нерѣдко употреблены одна вмѣсто другой. Встрѣчается также буква А, служащая вмѣсто а,

выпр. възвысаса въ азыцѣх. Сія буква найдена была мною сперва только въ Супрасльской рукописи XI вѣка, которую я приписывалъ Западнымъ Словянамъ (см. Вибл. листки Кеппена, №. 14). *Но какъ особенности языка, по коимъ я полагалъ рукопись сію Западно-Словянскою, по позднѣйшимъ открытіямъ моимъ, принадлежитъ именно Болгарамъ, то и не остается сомнѣнія въ томъ, что и Супрасльская рукопись писана Болгарами, у коихъ исключительно находимъ употребленіе буквы „а“.*

Позднѣйшія открытія, указывавшія именно на Болгаръ, само собою разумѣется, не обозначаются опредѣленно и никогда обозначены не будутъ. Востоковъ высказывается въ этихъ двухъ выпискахъ; напрасно было бы даже трудиться о выслѣживаніи имѣвшихся у него основаній. (ср. выше, стр. 79). Востоковъ не имѣлъ основаній въ виду, его система шла рука объ руку съ Скандинавскою, а въ то время, — другаго условія не требовалось. При ознакомленіи съ его работами, произволь такъ замѣтить, что онъ не могъ не вызвать, весьма давно, здравыхъ предостереженій со стороны Русскихъ дѣятелей. Бередииковъ (см. Журн. Министерства Нар. Пр. 1837 года, за іюнь), въ своемъ донесеніи въ Археографическую Коммиссію объ Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума, говоритъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „Спрашивается, какими памятниками словесности X и XI вѣка опредѣляется Болгарскій языкъ, и гдѣ источники къ сличенію его съ языкомъ Русскимъ XV столѣтія (см. Опис. ркп. Рум. М. № XXVII; ср. объ употребленіи юсовъ Русскими писцами № CXXI). Евангеліе подъ № CXXVI писано Русскимъ, а правописаніе, по мнѣнію автора (Востокова), Болгарское“.

Покойный Бередииковъ весьма поверхностно относится къ филологической сторонѣ Описанія Румянцевскаго Музея, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду оцѣнить этотъ трудъ по отношенію его лишь къ Русской исторіи. Но тѣмъ не менѣе, онъ вѣзался въ суть дѣла, указавъ не только на недостаточность наученія вопроса, но, что всего

важнѣе, на полное отсутствіе древнихъ Болгарскихъ рукописей. „Доселѣ ученые не воснулись древняго Русскаго языка съ западной его отраслю, хотя элементы ихъ въ тѣстой связи съ новѣйшемъ Русскимъ, составившимся въ XVIII столѣтіи“, замѣчаетъ Берединковъ.

Слова въ текстѣ, къ коимъ относится подстрочное примѣчаніе Берединкова, переносятъ вопросъ на почву положительную: „Важнѣйшая его отрасль есть нарѣчіе западно-русское (литовско-русское), происшедшее отъ вліянія Польши и Литвы на западную Русь“.

Къ почти безслѣдно пропавшимъ словамъ этаго самобытнаго русскаго труженика можемъ прибавить, что зоркій взглядъ русскаго археографа проникъ вглубь вопроса не только о древней Церковно-Славянской письменности, но, что несравненно важнѣе, въ самый вопросъ о древне-церковно-словенскомъ языкѣ. Присутствіе элементовъ польскихъ, западно-русскихъ и велико-русскихъ (Новгородскихъ) несомнѣнно въ древнѣйшихъ Церковно-Словенскихъ текстахъ, современныхъ нашимъ первоучителямъ Кириллу и Меѳодію. Едва ли найдутся другіе дѣйствительные представители ричезмовъ, кромѣ нарѣчій Польскихъ и Хорутанскихъ. Участіе людей польскихъ и русскихъ въ переводѣ или, можетъ быть правильнѣе, присутствіе элементовъ польскихъ и русскихъ въ образованіи того древняго языка, на который были переводимы книги Священнаго Писанія, вещь вовсе не только не невозможная, но, наоборотъ, весьма естественная и, во всякомъ случаѣ, заслуживающая и требующая изслѣдованія. Какъ гипотеза, она во всякомъ случаѣ, на нашей почвѣ законнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ рядъ отрицательныхъ гипотезъ, уже по существу своему лишенныхъ производительной силы. Славянское древнее язычество могло въ IX столѣтіи держаться и господствовать только въ земляхъ прибалтійскихъ — Польшѣ и западной Россіи. Вся восточная и южная Россія была въ рукахъ иноязычниковъ. Всѣ южные славянскіе представители подавляемаго въ Римской и Греческой имперіяхъ язычества могли и дѣйствительно сосредоточивались среди языческихъ Славянъ между Эльбой, Нѣманомъ и Невой. Этотъ общій языкъ язы-

ческихъ храмовъ въ земляхъ прибалтійскихъ, въ землѣ Маджусовъ, могъ одинъ служить для проповѣди христіанской. Живой языкъ какого бы то ни было особаго племени не могъ служить для того орудіемъ. Связь языческаго приадриатическаго общества съ прибалтійскимъ всегда была замѣтна для русскаго общества. Легенды о происхожденіи русскихъ и литовскихъ родовъ отъ Юлія Кесаря, вышедшихъ около перваго столѣтія или въ VI, при Атиллѣ, не смотря на странное сопоставленіе Юлія Кесаря съ Атиллой, прямо указываютъ, что это преданіе имѣло весьма разумное и существенное основаніе и весьма рельефно выражало положительныя свѣдѣнія о выходѣ изъ Далмаціи цѣлыхъ родовъ и городскихъ обществъ въ слѣдствіе Иллирійской войны, и о повтореніи того же факта во время Атиллы.

Иеромонахъ Лосицкій въ введеніи къ Густынской лѣтописи приводитъ нѣсколько мнѣній или легендъ о Римскихъ выходцахъ въ Литву.

...“ Зде есть мнѣніе о Публиѣ Либонѣ отъ него же нѣщны, и Литва наречеса. Сей Публий Либонъ по побѣдѣ Помпея [у него же Гетманомъ бысть на морѣ], бояся Юлія Кесаря, прибѣже въ сія страны и Ромново градъ аки бы Римъ новый заложилъ. Сего мнѣнія и Дзугошъ и иные лѣтописцы Лядскіе; есть же и до нынѣ тамо въ Литвѣ рѣка глаголемая Либо, также градъ отъ сего имене нареченъ бысть. Русскіе лѣтописцы не отъ Либона, но отъ Палемона Княженію Литовскому глаголютъ нарещіся или начатися иже во царство Нероново зъ Италіи здѣ прииде нетерпя мучительства сего лютаго царя иже никого же щадяше; иніи же глаголютъ яко отъ страха Атиллы много князей Римскихъ по различнымъ странамъ разбѣгшася, тогда и сей Палемонъ зде прииде; но не вѣмъ како бы сѣй Палемонъ и его родъ погубилъ вѣру христіанскую понеже во времена Атиллы вся Италія христіанскую вѣру крѣпко держаше сего ради достовѣрность яко во время Нерона сѣй Палемонъ зде со своимъ родомъ и многими вельможими людьми прибѣже яко до спокойныя страны (ихъ же глаголютъ быти всѣхъ яко до пятисотъ и тогда и Ромново двое заложилъ едино идѣже старѣйшіе Прусскіе жрецы

живаху другое недалече Мемеля рѣки иже со сего страны жителями смѣсившися языкъ по времени съ ихними смѣсиша“.

Упоминаемое Кадлубкой родство рода Попелова съ Юліемъ Кесаремъ; переселеніе въ Литву морскаго Помпеева Гетмана Публія Либона, Прусса брата Юлія Кесаря, Руса, Чеха и Леха, родственниковъ императора Юстиніана, вышедшихъ изъ Хорватіи по преданію, сохранившемуся въ Далматской хроникѣ. Всѣ эти поэтические легенды, основанныя болѣе чѣмъ вѣроятно на чтеніи классическихъ авторовъ, лѣтописцами XII столѣтія, для насъ должны быть драгоценнѣе измышленій иперкритиковъ XIX столѣтія, не основанныхъ на чтеніи древнихъ писателей.

Въ рукописномъ житіи княжны Ефросиніи Суждальской (мѣсяца сентемвріа въ 16 день, день ея смерти) сказано: „во время же то [В. К. Михаила Черниговскаго отца Ефросиніи] бѣ въ Суждали Великій Князь именемъ Мина вельми благочестивъ: родъ же его влезашеся отъ Клаудіа Кесаря Римскаго“. Прародитель Палемонъ можетъ быть не кто иной какъ предводитель Венетовъ, выселившійся на Адриатическое море послѣ раззоренія Трои.—Объ этомъ переселеніи весьма серьезно говорятъ Страбонъ кн. XII. гл. III. стр. 543, и Титъ Ливій. кн. I. гл. I.

Можетъ быть, Пафлагоняне Пулемена именно и были предками тѣхъ какихъ нибудь, но не Русскихъ Западныхъ Славянъ Востокова, употреблявшихъ, подобно Новгородцамъ, ц вмѣсто ч и на оборотъ, признанныхъ впоследствии Востоковымъ за Болгаръ, на основаніи начертанія А, встрѣчающагося въ древнихъ рукописяхъ неизвѣстнаго происхожденія. Блужданія Пафлагонянъ и другихъ Венетовъ по Европѣ менѣе гадательны, чѣмъ Болгаре и какіе нибудь западные Славяне, но не Русскіе, придуманные Востоковымъ.

Крайне любопытна замѣтка Востокова по поводу одной, оказавшейся, по его мнѣнію, мнимой Новгородской особенности Супрасльской рукописи. Эта Новгородская особенность, пока Востоковъ не убѣдился въ ея несуществованіи, была положительнымъ фактомъ въ

его глазахъ; тѣмъ не менѣе фактъ въ его глазахъ исчезаетъ до открытія данныхъ, потому что „по другимъ признакамъ надлежитъ полагать, что оное принадлежало (ч. в. ц. и наоборотъ) и *другимъ какимъ-нибудь Словенамъ*, кромѣ Русскихъ“. Не доказываютъ ли эти слова, что прежде всего имѣлось въ виду отвергнуть возможность Русскаго происхожденія рукописи и допустить даже *другихъ какихъ-нибудь Славянъ*? Эти будто-*фактическія* основанія, заставившія Востокова отвергнуть возможность написанія Супрасльской рукописи на мѣстѣ находенія, указаны въ его статьѣ:

„Бъ вмѣсто Ъ-ра нѣсколько разъ въ предлогахъ: въ, съ, отъ, въ мѣстоименіи ть вмѣсто тѣ, и въ словахъ мълчаливаго, мълчаніе, принадлежитъ къ особенностямъ *какого-нибудь западнаго словенскаго нарѣчія*“. «Еще яснѣе видно нарѣчіе *западныхъ* Славянъ по неупотребленію нигдѣ вставныхъ, принадлежащихъ восточному племени (съ ссылкою на Добровскаго!), здѣсь оныя замѣнены Ъ-мъ“.

Востоковъ приводитъ примѣры: крѣмьѣници вмѣсто крѣмльѣници, ослѣпѣаѣтъ вмѣсто ослѣпѣаѣтъ, земи вмѣсто земли и другіе, какъ будто подобное произношеніе не принадлежитъ даже современному произношенію многихъ Русскихъ людей; это произношеніе вполнѣ соответствуетъ изчезновенію во французской живой рѣчи смягченному л въ словахъ: ailleurs, bailler, произносимымъ айѣрьѣ, байе, а также и нашему произношенію: корабѣ, обѣ земѣ, сонце.

Въ добавокъ, эти „какіе нибудь Западные Славяне“, въ слѣдствіе новыхъ открытій академика Востокова, признаются Болгарскими. Полезно повторить слова нашего ученаго: „Но какъ *особенности* языка, по которымъ я *полагалъ* рукопись сію Западно-Словенскою, по *позднѣйшимъ открытіямъ моимъ принадлежатъ именно Болгарамъ, то и не остается сомнѣнія въ томъ*, что Супрасльская рукопись писана Болгарами, у которыхъ исключительно находимъ употребленіе буквы Ѧ“ (стр. выше, стр. 79).

Было время, что у насъ разсказывали, въ подтвержденіе теоріи Востокова, что есть *неизвѣстныя селенія* въ Болгаріи, гдѣ ринезмы слышатся въ устахъ поселянъ. Этотъ слухъ основанъ былъ, вѣроятно, на замѣткѣ В. И. Григоровича (Очер. пут. по Европ. Турціи. Казань. 1847), что на югъ отъ Битоля и Охридскаго озера, въ Корчѣ и Бобоштицѣ сохранился полный ринезмъ, напр. въ словѣ мѣандръ (mendr) и въ привѣтствіи: да бѣдешъ живъ (da badez̃ žiw).

Такъ какъ столь положительное показаніе многоуважаемаго путешественника и филолога не можетъ быть отвергнуто, то остается предположить, по невозможности самого факта, что путешественникъ нашъ встрѣчался съ проживающими въ тѣхъ мѣстностяхъ гугнивыми Еллинами или Сербами, учившимися въ греческихъ церковныхъ школахъ или, еще правдоподобнѣе, съ выселившимися Поляками.

Далѣе мы опять встрѣчаемъ неопредѣленныхъ южныхъ Славянъ, — ни Болгаръ, ни Сербовъ, — выведенныхъ для отрицанія Русскаго происхожденія рукописи.

Приводимыя положенія Востокова суть краеугольный камень Русской науки о жизни роднаго нашего языка. Съ ненаучной точки зрѣнія приходитъ невольно сомнѣніе, не кроется ли въ самомъ зародышѣ мысли мистификація, отъ времени до времени поддерживаемая загадочными заявленіями. Съ другой стороны, при всемъ ненаучномъ убѣжденіи въ ошибочности теоріи Востокова, невозможно предполагать, чтобы она поддерживаема была представителями нашихъ касседръ древняго Славянскаго языка безъ твердаго убѣжденія въ ея основательности. Дилемма затруднительная. Я не лингвистъ и не палеографъ, а потому и не опасаясь заявлять о полномъ моемъ недоумѣніи и незнаніи, доходящихъ даже до того, что не знаешь — къ какому руководству обратиться для разъясненія. Довольствоваться загадочными и постоянно противорѣчащими изреченіями положительно невозможно. Виѣсть съ тѣмъ, дѣло разъ-

яснено уже давно, хотя ложная теорія продолжаетъ распространяться повсемѣстно въ Россіи. До какой степени ложная теорія, положенная въ основаніи отечествовъдѣнія, вредна, можно легко убѣдиться изъ сознанія многихъ людей, занимавшихся историческимъ изученіемъ языка, что исторія нашей письменности безусловно бесполезна, такъ какъ доказано Востоковымъ, что русскіе люди не принимали разумнаго участія въ древней нашей письменности. Взглядъ этотъ распространенъ въ разныхъ поколѣніяхъ Русскихъ людей, не исключая и молодыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы имѣемъ заявленія гг. Срезневскаго и Пыпина, что теорія эта не имѣетъ основанія, и даже, что въ одномъ изъ академическихъ засѣданій заявленіе такого рода было сдѣлано самимъ Востоковымъ. Эти два важныя заявленія находятся на стр. 18 и 19, въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ, кн. II. вып. II. С.-Петербургъ. 1856 г. Оба эти подстрочныя примѣчанія приводятся ниже, на стр. (77) 97—100; расточаемыя вмѣстѣ съ тѣмъ похвалы объясняютъ, почему эти заявленія не содѣйствовали къ возстановленію и распространенію въ Россіи болѣе правильнаго взгляда. В. И. Григоровичъ давно указалъ на ошибочность исходнаго пункта. „Въ статьяхъ, касающихся древняго Славянскаго языка (Казань. 1852. ст. 27—31, 73, 76), проф. Григоровичъ еще въ первый разъ, кажется“, говоритъ Пыпинъ, „выразилъ мнѣніе о существованіи въ древнемъ періодѣ Славянской письменности особенныхъ школъ правописанія Сербскихъ и Болгарскихъ (и Русскихъ?), въ слѣдствіе вліянія которыхъ рукописи получали, при перепискѣ, тѣ или другіе признаки не исключительно отъ подлинника и писца, а путемъ преднамѣреннаго исправленія. По словамъ г. Григоровича, это исправленіе именно совершалось не безсознательно, а съ намѣреніемъ и обдуманно: это дѣйствительно доказы-
вается такими фактами, какъ послѣсловіе Симеонова Сборника и приведенная г. Григоровичемъ приписка къ Тріоди XIV ст., принадлежавшей А. С. Норову, гдѣ сказано: сіи тріюдь извода светогорскаго правого и св. типикомъ и св. охтанкомъ извода новаго понстинъ боугарскаго

языка — теръ Богъ вѣсть велма ни е било оусильно прѣставлѣти за на срьбски языкъ. Нѣтъ сомнѣнія, — говоритъ Пыпинъ, — что подобная преднамѣренность дѣйствительно существовала, и было бы очень любопытно прослѣдить, сколько возможно, по рукописямъ, отличія этихъ рецензій (начало этому положилъ г. Григоровичъ изданіемъ Константина Костанчскаго); но едвали можно приписать этому обстоятельству большое значеніе въ исторіи старо-славянскаго правописанія; перевѣсъ въ числѣ едвали не на сторонѣ тѣхъ рукописей, въ которыхъ нельзя замѣтить преднамѣренной переправки. Двѣ изъ рукописей въ самомъ дѣлѣ выдерживаютъ характеръ своего правописанія — что предполагаетъ заранѣе составленныя правила; но въ другихъ вліяніе писца выражается чисто случайно: таковы поправки или ошибки писца Остромирова Евангелія. Въ древнихъ рукописяхъ правильности правописанія обыкновенно бываетъ больше, и это объясняется отчасти тѣмъ, что для нихъ меньше было случаевъ переписыванія, и слѣдовательно порчи текста; каждая новая переписка вносила въ него что нибудь новое, и въ рукописяхъ сложнаго правописанія, между которыми нѣкоторыя значительно древни, трудно предполагать задуманное исправленіе. Вообще, кажется намъ, объясняя значеніе этихъ различныхъ школъ, нельзя упускать изъ виду того, что очень часто (если не гораздо чаще) измѣненіе первоначальнаго правописанія происходило не по общимъ, установленнымъ правиламъ, а по частнымъ понятіямъ переписчиковъ. Эти послѣдніе, какъ увидимъ, нерѣдко отличались такими особенностями, которыя становятся исключительными явленіями въ исторіи рукописей“. (Уч. Зап. 1856. вып. II. стр. 44).

Къ этому примѣчанію многоуважаемаго ученаго необходимо прибавить, что не одни школы правописанія, но и школы каллиграфіи необходимо существовали — къ какой бы то ни было формѣ. Въ монастыряхъ вошіи производились необходимо подъ наблюденіемъ искуснаго каллиграфа и палеографа. Въ разныхъ монастыряхъ необходимо устанавливалось болѣе или менѣе своеобразное уставное правописаніе. Отступленія отъ этихъ мѣстныхъ уставныхъ правописаній вызывались

весьма различными причинами, каковы: 1) небрежность, 2) сбивчивость на обычный выговоръ, 3) сбивчивость въ-слѣдствіе сохраненія правописанія оригинала, вопреки указаніямъ наставника или заказчика, 4) сбивчивость въ-слѣдствіе привычки списывать съ древнихъ рукописей. имѣвшихъ какія либо отличительныя особенности отъ имѣющагося въ виду оригинала и отъ принятаго въ артели правописанія. 5) Еще большая сбивчивость не могла не происходить въ-слѣдствіе особеннаго правописанія, имѣвшагося въ виду оригинала, розничагося и отъ обычныхъ оригиналовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ принятаго въ монастырѣ правописанія; сверхъ того, всѣ эти разногласія, при постоянной борьбѣ съ мѣстнымъ обычнымъ выговоромъ, приходилось нерѣдко подчинять желанію заказывавшаго копію съ оригинала, съ условіемъ соблюдать правописаніе, указываемое заказчикомъ. 6) Переписывали съ большимъ тщаніемъ люди, не специально занимавшіеся конированіемъ, но по чувству набожности, для проведенія времени въ благочестивомъ занятіи; здѣсь также являлись описки, поправки—удачныя или неудачныя, поправки прямо противорѣчающія другъ другу въ-слѣдствіе колебанія мысли, вызываемаго многоразличными, болѣе или менѣе основательными, соображеніями. Этотъ разрядъ переписчиковъ весьма естественно принадлежитъ къ разряду монастырскихъ писцовъ, учившихся если не въ монастыряхъ, то по правиламъ монастырской каллиграфіи. 7) Другой разрядъ писцовъ, и весьма многочисленный, образовался въ приказныхъ избахъ и судебныхъ мѣстахъ, которыя, въ отношеніи къ каллиграфіи, суть въ прямомъ значеніи опять-таки своего рода школы. Въ самихъ учрежденіяхъ, какъ и въ отдѣльныхъ приказахъ, проявлялись своеобразныя взгляды и преданія на правописаніе. Ученики и вообще писцы въ правительственныхъ учрежденіяхъ и площадные дьячки несомнѣнно зарабатывали себѣ хлѣбъ, въ спеціальныхъ своихъ занятіяхъ, и изготовленіемъ копій духовнаго и свѣтскаго содержанія по заказу и для продажи. Здѣсь необходимо являлась борьба между правописаніемъ дѣловымъ и требованіями набожныхъ чтенцевъ книгъ духовнаго содержанія, и только лишь стенокъ до-

бросовѣстности писцовъ обусловливала численное преобладаніе и въ копіяхъ правильнаго или неправильнаго правописанія. Не можетъ существовать, однако, сомнѣнія, что, по свойству человѣческой натуры, все что правильно — намѣренно, а неправильности суть уклоненія. Преобладаніе неправильнаго правописанія далеко не доказываетъ, что писецъ считалъ оное правильнымъ. Присутствіе незначительнаго процента правильнаго правописанія указываетъ, на оборотъ, что правило было извѣстно писцу, но имъ не соблюдалось по привычкѣ писать согласно какимъ либо другимъ требованіямъ—обычнаго ли произношенія, или привычки копировать съ неправильныхъ или своеобразныхъ оригиналовъ. При десяти процентахъ правильности невозможно уже допустить совершенное невѣдѣніе писца: въ этихъ случаяхъ онъ или обдумывалъ вопросъ, или обращался къ справкѣ. Въ рукописяхъ древнихъ замѣтно, что копіи снимались людьми свѣдущими и не затруднявшими себя рабскимъ подражаніемъ оригиналу.

Даже неправильное и безграмотное позднѣйшее введеніе юсовъ въ Московскую письменность также положительно указываетъ на существованіе школы. Въ-слѣдствіе наплыва въ Москву восточныхъ ученыхъ, Грековъ, Славянъ и Русиновъ, весьма понятно, было усмотрѣно отступленіе отъ древняго правописанія. Учители каллиграфіи и подрядчики для списыванія рукописей взялись исправить дѣло, и юсы посыпались безъ особенной заботы—правильно или неправильно они распредѣляются; но дѣло въ томъ, что требованіе было удовлетворяемо, пока существовалъ спросъ. Старообрядцы и вообще враги книжнаго исправленія, можетъ быть, по враждѣ къ этому нововведенію и называли юсовыя рукописи „гугнивыми“. Впрочемъ самая неправильность нашихъ позднѣйшихъ юсовыхъ рукописей весьма можетъ оказаться сомнительной, такъ какъ рукописи съ этой точки зрѣнія едва ли были обстоятельно изслѣдованы. Процентъ неправильностей въ позднѣйшихъ многочисленнѣйшихъ рукописяхъ долженъ необходимо быть значительнѣе, чѣмъ въ древнихъ драгоценныхъ памятникахъ; но крайне сомнительно, чтобы позднѣйшее юсовое Московское

письмо было совершенно безграмотное и обнаруживало крайнее невѣдѣніе писцовъ. Небрежность и невѣдѣніе суть двѣ вещи, весьма легко отличаемыя въ рукописяхъ. Все, что случалось намъ видѣть, также приводитъ къ подозрѣнію, что и этотъ приговоръ постановленъ не безъ предосудительной поспѣшности. Въ концѣ статьи приводится древняя замѣтка о правописаніи и о гугнивомъ жѣ.

На страницѣ 17, въ томъ же предисловіи, находимъ кратко-опредѣленіе Востоковымъ своей системы для классификаціи рукописей: „Правописаніе Русское, Болгарское и Сербское. Русское есть то, которое мы видимъ въ печатныхъ церковныхъ книгахъ. Въ немъ нѣтъ ѡ, а и ѡ *равнозвучны*. Болгарское отличается употребленіемъ ѡ и а въ значеніи носовыхъ буквъ ѡ и ѡ. Позднѣйшее Болгарское смѣшиваетъ ѡ и а, употребляя одно вмѣсто другаго. Сербское, подобно Русскому, не употребляетъ юсовъ, но отъ Русскаго отличается употребленіемъ Ѣ вмѣстѣ Ъ и Е вмѣсто а.

„Букву Ъ какъ Болгары, такъ и Сербы употребляютъ правильно; но Русскіе писцы позднѣйшаго времени, утратившіе въ языкѣ своемъ различіе звуковъ Ъ и Е, часто ставятъ Е вмѣсто Ъ. „Приведеннымъ, — продолжаетъ редакторъ, — отличія правописанія, правда, немногосложны, но зато несомнѣнны“.

Здѣсь мы видимъ, какъ однимъ почеркомъ пера съ незамаскированнымъ произволомъ Востоковъ характеризуетъ Русское правописаніе рукописей правописаніемъ *печатныхъ* книгъ, хотя правописаніе несомнѣнныхъ Русскихъ рукописей церковнаго и гражданскаго письма значительно и разнообразно отличается отъ нашихъ печатныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не задумываясь называетъ правильное правописаніе Болгарскимъ, хотя у него древнихъ Болгарскихъ рукописей и въ очю не имѣлось, какъ уже весьма давно замѣтилъ Бередниковъ. Для Востокова существовали три основанія для приведенія своихъ положеній: А) отсутствіе древнихъ Болгарскихъ рукописей, В) малое знакомство съ дѣйствительными Болгарскими рукописями, и С) совершенное незнакомство съ современнымъ писмен-

нымъ языкомъ Болгаръ и съ Болгарскими народными нарѣчіями. При отрицательномъ направленіи, тогда господствовавшемъ, теорія его приходилась весьма кстати. При этомъ приходитъ на умъ вопросъ: что же приходилось отрицать, когда и безъ отрицанія въ научномъ отношеніи существовала въ полномъ смыслѣ *tabula rasa*? Неужели вся задача нашей Филологіи была—представить въ лицахъ горькую Русскую пословицу: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай?

Востоковъ опасался, что любители Славяно-Церковныхъ рукописей слишкомъ расположены были видѣть во всѣхъ древнихъ рукописяхъ произведенія Русскихъ писцовъ. Но это опасеніе совершенно несправедливо; едвали онъ не переносилъ съ больной головы да на здоровую. Въ Россіи издревле и постоянно обращались на Аѳонскую гору и въ Константинополь для пріобрѣтенія древнихъ рукописей, которыя могли бы служить оригиналами для провѣрки обращавшихся Русскихъ копій, возбуждавшихъ сомнѣнія относительно ихъ точности въ передачѣ древнѣйшихъ текстовъ.

Историческіе факты, относящіеся до появленія на Руси рукописей съ Аѳонской горы и изъ Царьграда, слишкомъ были общезвѣстны, чтобы они могли ускользнуть отъ вниманія Востокова. Но дѣло въ томъ, что Востокову требовалось или желалось доказать, что Русскіе писцы въ XI столѣтіи не могли участвовать въ разумномъ снятіи копій, а если и переписывали, то переписывали машинально съ древне-Болгарскихъ подлинниковъ; а какъ таковыхъ не дошло до насъ, то и улики противъ опредѣленія опасаться не должно.

Востоковъ, — какъ это ни кажется парадоксально, — при характерѣ его трудовъ, былъ прежде всего и исключительно импровизаторъ, воспользовавшійся довѣріемъ графа Румянцова и настроеніемъ Шишкова. Импровизація Востокова скоро предана была бы забвенію, если бы, при окончаніи его поприща, по случаю юбилея, его замѣтки не приведены были въ систематическій порядокъ; этимъ устранено у насъ было признаніе Славянской филологической школы, вызванной къ жизни усердными стараніями и преданностію Добров-

скаго, и ставшей твердой ногой въ средѣ всемірной науки въ лицѣ Кошитаря и Миклошича. Самообольщеніе не можетъ быть полезно. Тому 30 лѣтъ уже назадъ сомнѣвались въ успѣхѣхъ теоріи, проводимой подъ знаменемъ Востокова и особенно въ пользѣ, которую система эта могла принести Руской наукѣ. Вообще какъ-то трудно укладывается въ Русскій умъ, не подчиненный наносному вліянію, мысль, что Гречь и, кажется, Остенекъ могли быть руководителями Русскихъ людей въ изученіи роднаго языка. Въ „Ложѣ перваго яруса“ Каратыгина 2-го (1838 г.) гостинодворецъ, не доставшій билета въ кассѣ, съ горя уходитъ посмотрѣть какъ нѣмецъ русскимъ языкомъ показывается. Каратыгинъ намекалъ на публичныя лекціи Греча.

На стр. 91 упомянуты были заявленія гг. Пыпина и Срезневскаго какъ слѣдуетъ понимать не подлежащую сомнѣнію систему Востокова. [На стр. 91 ссылка на стр. 77, ошибочно, ви. 97].

„Признавая напротивъ Болгарію отечествомъ языка Старославянскаго, Востоковъ остался вѣренъ и фактамъ литературной исторіи: самое сильное и богатое развитіе литературной дѣятельности Старославянской принадлежало Болгаріи; начиная почти съ IX вѣка, является въ ней преемственность памятниковъ Старославянскаго языка, которая нигдѣ не была такъ обширна. На сторонѣ Востокова и эти связь позднѣйшихъ Болгарскихъ текстовъ съ древнѣйшими по языку и правописанію, до сихъ поръ впрочемъ мало объясненная. Въ тѣхъ памятникахъ, которые Миклошичъ считаетъ истинно Старославянскими, Востоковъ тоже находитъ древнее Старославянское правописаніе, но слегка видоизмѣненное по требованію другого нарѣчія; къ этой разницѣ (не столько кажется значительной, чтобы на ней можно было основать мнѣніе объ иномъ отечествѣ Старославянскаго языка) прибавляется еще темный до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи и значеніи глаголиты, которою писанъ древнѣйшій, истинно Старославянскій по Миклошичу, Glagolita Clozianus. Замѣтимъ (!) впрочемъ, что Востоковъ не выражалъ положительно своего взгляда на эти

памятники, и во всякомъ случаѣ окончательное рѣшеніе вопроса о истинной родинѣ Старославянскаго нарѣчія достигнуто будетъ послѣ новыхъ изслѣдованій, задачей которыхъ, по нашему мнѣнію, должно быть главнымъ образомъ объясненіе исторіи Старославянскаго языка и правописанія, съ древняго періода до того времени, когда Болгарское нарѣчіе уже въ сильной степени обнаружило упадокъ формъ языка. — *Филологическія данныя* и теперь для безпристрастнаго ученаго *могутъ* представить достаточныя доказательства въ пользу системы Востокова: что же касается до фактовъ внѣшней исторіи, которыми хотѣли подкрѣпить мнѣніе о Хорутанскомъ происхожденіи Старославянскаго языка, то и здѣсь опроверженія Шафарика (Древ. и др.) *стоятъ выше* всякаго сомнѣнія“. „Путемъ историческаго изслѣдованія онъ пришелъ къ положительному *убѣжденію*, что Старославянскій языкъ принадлежалъ Задунайскимъ, Греческимъ, Славянамъ, *единоплеменникамъ тѣхъ, которые покорены были Болгарами* и отъ нихъ получили себѣ имя. *Это не было* Сербско-Македонское нарѣчіе Добровскаго, потому что Сербское нарѣчіе уже раньше выдѣлилось изъ массы Славянскаго языка и получило особенныя отъ Старославянскаго свойства; *отличія же этого мѣстнаго нарѣчія* отъ нарѣчія именно Славянъ Болгарскихъ, *если они и были*, то не были такъ сильны, чтобъ его можно было считать отдѣльнымъ отъ нарѣчія Болгарскаго. Въ сравненіи съ *этими выводами Шафарика далеко не выдерживаютъ критики* тѣ историческія основанія, на которыхъ держится Раппопортъ Копитара и старо-Хорутанизмъ Миклошича“ (стр. 18 и 19).

Это подстрочное примѣчаніе А. Н. Пыпина обнаруживаетъ, не смотря на все его искусство, отсутствіе твердаго основанія «*немного-сложной*», но *несомнѣнной* классификаціи Востокова“. Ср. выше, стр. 95. А. Н. Пыпинъ высказываетъ свой весьма правильный взглядъ на теорію Востокова. Но бѣда въ томъ, что правильный взглядъ сглаживается въ редакціи и, въ добавокъ, помѣщенъ въ

подстрочномъ примѣчаніи, а защита системы Востокова рельефно выставлена на видномъ мѣстѣ. Двойственность взгляда объясняется самими условіями, вызвавшими приведеніе г. Пыпинымъ замѣтокъ Востокова въ систематическій порядокъ. Задача, впрочемъ, выполнена блистательно: „волки сыты и овцы цѣлы“; а овцамъ быть сытыми, какъ видно, не полагается и по народной пословицѣ.

Названіе древне-Церковно-Словенскаго языка Паннонскимъ ничего не опредѣляетъ въ отношеніи племени, по безпредѣльности Панноніи на югъ и на сѣверъ отъ Дуная. Панноніей называется въ древнемъ житіи св. Кирилла страна, просвѣщенная его проповѣдію. Здѣсь могли покойно жить прадѣды Сербовъ, Хорватовъ, Болгаръ, Поляковъ и Русскихъ. Названіе „Паннонское“ не палагаетъ тормазу на изслѣдованія и можетъ быть признано развѣ излишнимъ подчиненіемъ общему обычаю придумывать прозвища. Названіе древне-Церковно-Словенскаго языка Болгарскимъ, и признаніе всѣхъ рукописей въ коихъ соблюдено извѣстное правописаніе, Болгарскими совершенно затеняетъ вопросъ и сбиваетъ учащихся съ толку, такъ какъ необходимо до невозможности неусыпное вниманіе, чтобы отдѣлать вымысленный древне-Болгарскій языкъ отъ языка Болгарскаго стараго средняго и современнаго. Это весьма хорошо понялъ И. И. Срезневскій и выразилъ свою мысль въ подстрочной замѣткѣ весьма ясно и опредѣленно; тѣмъ не менѣе расточенны имъ похвалы, по случаю юбилея, распространили въ Россіи, во всѣхъ шеолахъ вѣру въ непогрѣшимость ученія Востокова: подстрочная замѣтка осталась не замѣченной. И. И. Срезневскій вполне сознаетъ существованіе древне-Церковно-Словенскаго языка внѣ всякаго мѣстнаго вліянія Сербскаго, Болгарскаго или Русскаго; но бѣда въ томъ, что несомнѣнный авторитетъ его служить поддержкой ложнымъ основнымъ опредѣленіямъ Востокова. Дѣлать выкладки на основаніи ошибочныхъ данныхъ едвали можетъ быть признано полезнымъ упражненіемъ. Вольтеръ гдѣ-то сказалъ, что въ случаѣ, если бы онъ открылъ самую несомнѣнную истину, для пользы дѣла онъ обнародо-

валъ бы ее не иначе, какъ въ видѣ сомнительнаго вопроса. Но едвали могутъ быть безвредны дипломатическія изощренія въ дѣлѣ науки; здѣсь, кажется, дипломатія такъ же вредна, какъ и на театрѣ войны. Вслѣдъ за оговоркой А. Н. Пыпина, выраженной крайне дипломатически, академикъ Срезневскій счелъ нужнымъ къ подстрочному примѣчанію А. Н. Пыпина прибавить оговорку болѣе откровенную (тамъ же, стр. 19.):

„Кстати здѣсь сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ именно видѣ А. Х. Востоковъ уравниваетъ Старославянское нарѣчіе съ древнимъ Болгарскимъ. Принимая, что Старославянское нарѣчіе было употребляемо въ древней Болгарской письменности, Востоковъ не думаетъ впрочемъ изъ этого вывести заключенія о *тождествѣ* Старославянскаго нарѣчія съ древнимъ Болгарскимъ народнымъ. Древнимъ Болгарскимъ онъ называлъ его *иногда только потому*, что всѣхъ Славянъ Задунайскихъ, жившихъ на востокъ отъ Сербовъ, и онъ съ другими *привыкъ* называть Болгарами. Вѣстѣ съ тѣмъ онъ не сомнѣвается, что родина Старославянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его *можно* назвать и Македонскимъ (какъ *думалъ* и Добровскій); собственно Болгарское нарѣчіе *могло* издревле *отличаться* отъ него очень важными признаками. Такъ А. Х. Востоковъ высказалъ свое мнѣніе въ *одномъ* изъ засѣданій Отдѣленія, въ слѣдствіе вопроса, ему предложеннаго“. Образцы нарѣчія Македонскаго будутъ приведены ниже.

Невозможно опредѣленнѣе выразить несостоятельность теоріи академика Востокова; тѣмъ не менѣе теорія о невозможности Русскаго происхожденія правильныхъ Церковно-Словенскихъ рукописей, преобладаетъ въ Россіи во имя Востокова и его учениковъ, не смотря на заявленія сдѣланныя въ 1856 году. Дѣло въ томъ, что мнѣніямъ придается болѣе вѣса чѣмъ фактамъ, а въ наукѣ мнѣнія большого вѣса не имѣютъ и имѣть не могутъ: все, что основано на мнѣніи, для науки остается фактомъ недостовѣрнымъ и заслуживающимъ лишь мимоходомъ вниманіе. Преобладаніе у насъ отвлеченныхъ взглядовъ, какъ мы усма-

триваемъ изъ приведенныхъ замѣтокъ, высказывается даже въ работахъ палеографическихъ, хотя, казалось бы, именно въ палеографіи они совершенно бесполезны. Пренебреженіе къ фактамъ въ первой половинѣ нашего столѣтія дошло до того, что Көпнень, по поводу статистическихъ официальныхъ данныхъ, противорѣчившихъ его числамъ, провозгласилъ въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“ 1850 г. № 79: „Скажемъ единожды навсегда: для статистика критика данныхъ должна быть важнѣе данныхъ“. Единственное разумное объясненіе теоріи Востокова — это желаніе убѣдить, что на Русской почвѣ правильного правописанія не могло существовать въ XI столѣтіи, такъ какъ оно плохо вяжется съ теоріей о Шведскомъ господствѣ въ Россіи. По крайней мѣрѣ, не смотря на все стараніе, другой цѣли не удалось усмотрѣть. Впрочемъ, эта задушевная мысль высказывалась даже въ теоріяхъ поборниковъ народной Русской науки.

Г. Папловской (Филологическія замѣтки въ связи съ церковнославянскимъ и другими Славянскими нарѣчіями. Ж. М. Н. П. 1854. № 6) выражаетъ свое удивленіе, хотя и признаетъ Древне-Церковно-Словенскій за Болгарскій: „Нынѣшнія славянскія нарѣчія болѣе или менѣе удалились отъ древнѣйшаго изъ письменныхъ славянскихъ діалектовъ — отъ древне-болгарскаго. *Удивительно* однакожь то, что нарѣчіе ново-болгарское именно менѣе всѣхъ другихъ похоже на своего прародителя“.

Ставить мнѣнія, основанныя на маломъ количествѣ не разработанныхъ данныхъ, краеугольнымъ камнемъ для возведенія научнаго зданія не можетъ не имѣть вреднаго дѣйствія на самый ходъ науки. Отношенія Кирилловской письменности къ глаголитской не изслѣдованы; а фактъ существованія древнихъ Кирилловскихъ копій съ рукописей глаголитскихъ существуетъ — этотъ фактъ не могъ не имѣть значительной доли вліянія на разнообразіе въ Кирилловскихъ рукописяхъ. Съ другой стороны, мало изслѣдовано отношеніе древняго правописанія къ мѣстнымъ живымъ, нынѣ существующимъ, Славянскимъ нарѣчіямъ. А вліяніе живыхъ говоровъ не могло не отразиться на древ-

нее правописаніе; и дѣйствительно, весьма много находится различныхъ правописаній одного и того же слова, вполне объясняемыхъ не только мѣстнымъ произношеніемъ, но и различнымъ произношеніемъ и правописаніемъ одного и того же слова однимъ и тѣмъ же лицомъ, напр. всякій и всякій, русскыи и русскій, грибу, грибу; началъ, началъ, началъ; безымянный, безымянный; часъ, часы, часы.

Тождество ѡ = а = ѡ = ѡ = ѡ, по указанію Востокова, составляеть именно признакъ Болгарскаго правописанія. Позволяя себѣ замѣтить касательно несомнѣннаго болгаризма, что и намъ Русскимъ совершенно также свойственно произносить „въ рядахъ“ какъ и „въ редахъ“, „куда“ и „куды“. Въ рукописной грамматикѣ приложенной къ діалектикѣ Іоанна Дамаскина, о ѡѣ сказано: „гугнивь и неопредѣленъ“. Въ нашихъ позднѣйшихъ рукописяхъ встрѣчаются окончанія 3-го лица на ть и ть въ безчисленныхъ вариантахъ. Также точно встрѣчаются и русскіе люди, произносящіе: идетъ, идутъ; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ нельзя сказать, что Русскіе не отличаютъ произношенія ѡ отъ А или Ъ отъ Ъ. Выходить, что и несомнѣнный сербизмъ есть принадлежность Русскаго племени, производная замѣтное колебаніе въ Церковно-Словено-Русскомъ правописаніи въ отношеніи полугласныхъ Ъ и Ъ. Наглядный примѣръ представляетъ надпись на лубочной картинкѣ, изображающей медвѣдя и козу: „медвець скозоу проклажаюца и на мѣзыке свои забавляютьсѡ толстаи медвець шлѡпѸ надевантъ и вдѸтъѸ свою играютъ а каза всараваани переднимъ скачетъ и рогами своими колокольчиками машитъ у ѡабиришныхъ в лошки играть на Ѹчилисъ а медведю гораздо полюбилисъ“.

Писецъ, и весьма искусный, пишетъ: „проклажаюца и забавляютьсѡ, медвець, играть, учились, полюбились“. Единственный выводъ, который можно сдѣлать, это тогъ, что писецъ пренебрегалъ орфографіей; но едвали можно заключить, что онъ не умѣлъ различить Ъ отъ Ъ и звука ца отъ тся, и даже учились отъ учились.

Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, наоборотъ, постоянно повторяется

двойная гипотеза: „Писецъ Четверо-Евангелія XVI в. № 127. Употребляетъ часто Ъ вм. Ь, Ы вмѣсто И и обратно: доказательство, что онъ, какъ *южный* словенинъ не различалъ въ произношеніи *сихъ звуковъ*“.

Степень основательности этого мнѣнія опредѣляется массой Русскихъ документовъ, представляющихъ въ значительномъ размѣрѣ колебаніе въ правописаніи на Ы и И, также какъ на Ъ и Ь. Живой языкъ равно протестуетъ противъ положенія Востокова. Мы говоримъ грибъ и грибъ, всякій и всякій, и тѣмъ не менѣе положительно сохранили способность отличить Ы отъ И. Въ грамотѣ Царя Михаила Федоровича князю С. И. Великаго-Гагину, 22 декабря 1628 г., встрѣчается: писатца и явитися; въ грамотѣ 29 іюня 1630 г., на имя кн. Львова находимъ: „Івана“ „Ываномъ“. Въ грамотѣ 10 Іюня того же года упоминаются „Іванъ Косовскій“ „Ываномъ Огаревомъ“. Въ грамотѣ 25 іюня 1642 г. „и инымъ никакимъ“ „изъ ыныхъ“; весьма часто встрѣчается въ тѣхъ же Воронежскихъ актахъ: „вѣіюле“ и „в ѣіюне“.

Въ строгомъ опредѣленномъ правописаніи французскомъ, для многихъ трудно совладать съ тремя надстрочными акцентами; на сколько затрудненія были многочисленнѣе для древнихъ нашихъ Славянскихъ переписчиковъ, имѣвшихъ не только два знака для обозначенія довольно сбивчивыхъ твердаго и мягкаго окончанія Ъ и Ь, но въ добавокъ: точку, обозначающую какъ одно, такъ и другое окончаніе, наклонныя черточки въ видѣ акцентовъ, черты прямыя и дугообразныя, надстрочные знаки безъ опредѣленнаго значенія или безъ строго выдержанныхъ правилъ, судя по лучшимъ рукописямъ. Сбивчивъ и вынось буквъ, оканчивающихъ слова, надъ строку, безъ обозначенія твердаго или мягкаго окончанія, въ соответствіи словамъ, выписаннымъ сполна то съ твердымъ, то съ мягкимъ окончаніемъ, въ лучшихъ древнѣйшихъ рукописяхъ. Въ добавокъ, въ окружающей средѣ переписчики встрѣчали въ живой рѣчи произношеніе то съ твердымъ, то съ мягкимъ окончаніемъ, и во многихъ случаяхъ сбивчивость эта вполнѣ

соотвѣтствовала, какъ и нынѣ, внутреннему чувству писца. Такъ на-
примѣръ предлогъ „въ“ въ Болонской Псалтири пишется стр.
357—378 у Срезневскаго. 1) въ благо время, 2) въ печалехъ,
3) (толк.) си рѣчь в' в'рѣмѣ печальное, 4) в'вѣкъ (376), 5) в вѣкъ
(376) въ толкованіи находимъ: отъ рода бо и в родъ; в наже; 6) въ
въртепѣ, а также в' вѣрѣ и опять въ вѣкъ. 7) в' множествѣ силы,
8) въ' свѣтѣхъ (365), въ тайныхъ. На стр. 366: 9) въ животь,
въ покой; въ смятеніе; 10) въ' соушѣ. 11) въ' рѣцѣ; а также:
въ себѣ, въ сѣтъ; в' домъ. Всѣ эти варианты 9, 10 и 11. на
одномъ и томъ же 105 листѣ Болонской псалтыри. На листѣ
106 писанномъ другимъ почеркомъ: въ печали, въ сѣрци.

Совершенно подобные же факты встрѣчаются и въ древнѣйшей
глаголитской письменности. Самое постоянство появленій вариан-
товъ во всѣхъ рукописяхъ достаточно указываетъ, что выводы Во-
стокова не имѣютъ твердаго основанія и, во всякомъ случаѣ, прежде-
временны, такъ какъ масса матеріала требуетъ тщательнаго изслѣдова-
нія при содѣйствіи многихъ силъ. Творительный единственнаго числа
мужскаго и средняго рода именъ существительныхъ на „мъ“ встрѣ-
чается въ Клоцѣвой глаголитской рукописи 48 разъ и только три раза
на „мъ“: богомъ, страхомъ, дерзновеньемъ; творительный и мѣстный
падежи единств. числа мужскаго и средняго рода мѣстоименныхъ
склоненій встрѣчается 12 разъ и всегда на: „мъ“; въ сложныхъ
прилагательныхъ изъ пятнадцати разъ только два примѣра на „мъ“:
дъневнѣимъ, въ скрышѣимъ. Въ супральской рукописи Миклошичъ
видитъ слѣды Русскаго исправленія; въ замѣненіи подскобленнаго
Ъера Ёерикомъ, въ окончаніи творительнаго падежа на М. Monum.
linguae Palaeoslov. e cod. Suprasl. 1851. стр. XI: Jnitio codicis
saepissime Ъ instr. Sing. subst. g. masc. et n. erasum et
Ъ scriptum est quod sine dubio in Russia factum est; Слѣдуетъ
сравнить вар. по Таб. I и II, стр. 33 и 36, и преимущественно тѣ
окончанія на „имъ“ и „имь“, которые встрѣчаются въ пѣснѣ о Пѣлѣ
Игоревѣ безъ вариантовъ.

Встрѣчаемое въ Остромирскомъ Евангеліи окончаніе 3-го лица настоящего времени на „ть“ Миклошичъ признаетъ основаніемъ для предпочтенія этого окончанія въ встрѣчающихся по правой сторонѣ Дунайская разнописаній на „ть“ и „тъ“. Чѣмъ больше разсматриваешь этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что писцы напѣренно вводили разнописанія для удовлетворенія всѣхъ произношеній. Разнописаніемъ указывалось чтецу, что произношеніе твердой и мягкой полугласной произвольно, и что слѣдуетъ придерживаться мѣстнаго произношенія, чтобы не производить соблазна въ слушателяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что небрежность играетъ въ разнописаніи не послѣднюю роль; но, съ другой стороны постоянство разнописанія возводитъ оное въ систему: разнообразное правописаніе напоминаетъ чтецу, что онъ долженъ держаться обычнаго произношенія; приведеніе разнообразнаго правописанія къ одному знаменателю едва ли было бы правильно; въ этомъ отношеніи метода принятая академикомъ Срезневскимъ есть несомнѣнно разумнѣйшая. Напрасно Миклошичъ, имѣя въ виду лишь цѣль педагогическую, признаетъ методу Русскихъ палеографовъ педантизмомъ. Не пишутъ ли многіе и въ наше время въ случаяхъ сомнительныхъ одно и тоже слово двоякимъ образомъ? При двойственности правописанія, примѣры тому легко найти въ орфографіи многихъ народовъ въ текущей перепискѣ и даже печати: — напр. у французовъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи писалось *j'aîmois* и *j'aimais*, *Estat* и *Etat*; у насъ одинъ тотъ же человѣкъ напишетъ цловать и цѣловать. Въ печати и письменности случаи разнописанія встрѣчаются весьма часто, и этими данными брезгать не разумно. Въ тѣхъ же простонародныхъ документахъ мы находимъ; сраженіе и страженіе, страмъ и срамъ, ужась и ужасть; а эту послѣднюю форму мы находимъ и въ лѣтописяхъ. Правописаніе ужась вмѣсто ужасть можетъ быть признано за Болгаризмъ и за Болгаризмъ дѣйствительный, такъ какъ Болгаре младость произносятъ — младось. Самымъ положительнымъ Болгаризмомъ долженъ быть признанъ каждый человѣкъ, просящій то стаканъ чая, то ста-

канъ чаю. Въ первомъ случаѣ мы еще не обрусѣвшіе Болгаре—здѣсь проявленіе проавизма; а во второмъ случаѣ, мы люди сбитые съ толку писаніями, сохранившими непонятное намъ Болгарское правописаніе. Русскій человѣкъ можетъ спросить чашку кофѣя или кофѣю и даже крѣпкаго кофію, сказать возъ хворосту, куль сушенанаго гороху, но онъ не можетъ сказать ни куль овсу, ни стаканъ пиву, ни стаканъ воду. Мы говоримъ: горница полна дыма или даже густаго дыму; но не можемъ сказать; горница полна зловонію, — въ комнатѣ много сора или хлама или хламу и даже всякаго хламу но нельзя сказать: много пылѣ, дрянѣ, всякой всячинѣ, воровству. Родительный падежъ прилагательнаго не дозволяетъ предполагать отвлеченную идею о цѣломъ родѣ вещей, какъ это можно предполагать въ выраженіи „продажа ситцу, французскимъ винамъ, крытымъ пролеткамъ“, гдѣ подразумѣвается мысль, что той или другой статьѣ назначается продажа; родительный и дательный падежъ прилагаемыхъ въ томъ и другомъ случаѣ весьма опредѣлительно указываютъ, что въ первомъ случаѣ разногласіе звуковое, а во второмъ логическое. Сами Германскіе филологи уже замѣтили, что выводы, основанные на правописаніи въ древней письменности, не тверды: потому что разногласія происходили часто отъ причинъ случайныхъ, не оставившихъ за собой слѣдовъ, весьма часто искусственныхъ и при томъ основанныхъ на соблаженіяхъ ошибочныхъ. Человѣку стороннему въ дѣлѣ науки и учащемуся кажется, что много ложнаго введено въ науки историческія въ-слѣдствіе неправильнаго распредѣленія труда. Люди, стоящіе въ главѣ науки, занимаются часто мелкими изслѣдованіями и подробностями, которыя полезны для науки, но должны быть предоставлены и вездѣ предоставляемы молодымъ силамъ. Дѣло людей, стоящихъ въ главѣ науки, составлять руководства, обзоры на основаніи изслѣдованій молодыхъ ученыхъ. Въ этомъ заключается именно главная помѣха. Люди, стоящіе въ главѣ науки, занимаясь мелкими изслѣдованіями, перебиваютъ дорогу молодымъ людямъ и, запугивая ихъ устраняютъ съ научнаго

поприща юныя силы. Свобода при изслѣдованіяхъ необходима и не нуждается въ непосредственномъ руководствѣ высшихъ ученыхъ. Дѣло ученыхъ—заносить въ руководства и словари все, что въ наукѣ накапливается достовѣрнаго. Всѣ пригодныя и полезныя изслѣдованія получаютъ этимъ вводомъ право гражданства въ наукѣ. Люди, стоящіе въ главѣ науки, заносятъ тщательно весь добытый и надежный матеріалъ въ науку. Въ случаѣ внесенія въ науку фактовъ недостовѣрныхъ или въ случаѣ пренебреженія новыми достовѣрными открытіями они подлежатъ равно отвѣтственности. Тогда раздѣленіе работы правильно когда при опредѣленномъ кругѣ занятій существуетъ опредѣленная отвѣтственность. Постоянное вмѣшательство главныхъ научныхъ авторитетовъ въ работы, пролагаемыя новыми поколѣніями, подвизающимися на научномъ поприщѣ, можетъ безъ всякой пользы только вредить дѣлу. При недостаткѣ руководствъ и отчетовъ о состояніи наукъ, новыя поколѣнія, лишены указаній чего слѣдуетъ добиваться въ наукѣ, что требуетъ подтвержденія, дополненія или изслѣдованія въ области недостаточно извѣстной.

При подобномъ распредѣленіи труда, какъ оно существуетъ у насъ, т. е. при средоточіи въ тѣсной срдѣѣ наука двигаться не можетъ, потому что при этомъ распредѣленіи не можетъ существовать подготовки людей; второстепеннымъ цѣлямъ придается несоответственная важность, а на главную цѣль науки: систематическое распредѣленіе собранныхъ фактовъ, не остается времени. Состояніе филологіи у насъ не можетъ быть признано нормальнымъ, даже при самомъ скромномъ предположеніи о томъ фазисѣ, въ коемъ наукѣ слѣдуетъ находиться послѣ столѣтняго существованія высшихъ филологическихъ школъ. Кажется, въ этомъ отношеніи вліяніе Восткова было всеильно—обращать все вниманіе на буквы и оставлять содержаніе древнихъ памятниковъ внѣ всякаго вниманія. Послѣдствія—на лице: наука не принимается, а дѣлу, которое могло лишь быть упражненіемъ для молодыхъ силъ и, во всякомъ случаѣ, мимолетнымъ догадкамъ придана первенствующая важность. Свѣдѣнія, собранныя

Востоковымъ и приведенный въ порядокъ А. Н. Пыпинъ не даютъ никакихъ полезныхъ или даже любопытныхъ выводовъ, нѣсколько фальшивыхъ, а сами замѣтки не представляютъ даже матеріала для будущихъ работъ, такъ какъ свѣдѣнія весьма неполны, произвольны, просто подобраны для подведенія извѣстнаго итога. Любопытно было бы знать, что вызвало единогласный восторгъ къ трудамъ, съ коими, впрочемъ, почти вовсе не знакома читающая публика.

Здѣсь приводится нѣсколько примѣровъ начертанія \odot и вслѣдъ за оными объясненіе Востокова, доказывающее — съ какимъ пренебреженіемъ онъ относился вообще къ палеографіи, какъ наукѣ; тутъ узнаемъ мы, что палеографу, заслонившему всѣхъ доморощенныхъ любителей древнихъ рукописей, не встрѣчалось досуга, чтобы справиться съ палеографіей финикійской, греческой и даже византійской, при встрѣчѣ съ неизвѣстнымъ ему начертаніемъ. Онъ предпочелъ объяснить себѣ, что писецъ по тупоумію („вздумалось“) два раза перенесъ словоотдѣлительную точку въ средину первой буквы, но въ третій разъ, по неопредѣленному чувству, перенесъ эту точку въ средину слова. Ходъ мысли ясенъ: Востоковъ, встрѣтивъ въ первый разъ \odot , остроумно объяснилъ, что точки перенесены по ошибкѣ, для отдѣленія слова отъ предъидущаго. Встрѣтивъ въ другой разъ это начертаніе, Востоковъ увидѣлъ, что его остроумная догадка вполнѣ подтверждается. Встрѣтивъ это же начертаніе въ срединѣ слова, онъ, долго не задумываясь, сказалъ себѣ, что тупоумію древняго писца нѣтъ предѣловъ, и неправильно опрокидывать разъ критически постановленное опредѣленіе въ виду глупаго факта. Изъ объясненій по поводу составленнаго къ юбилею, систематическаго изложенія его замѣтокъ, мы узнаемъ, что онъ одобрилъ работу и такимъ образомъ это объясненіе сдѣлалось достояніемъ науки.

По поводу этого начертанія находится краткая замѣтка выше, въ таблицѣ XIII, стр. 57 и 58. Въ рукописномъ Евангеліи XVI столѣтіи, нѣ принадлежащемъ, въ первой части рукописи, писанной заглавными буквами, съ частымъ употребленіемъ большаго Π са вмѣсто

малаго на листѣ 2-мъ встрѣчается широкое **О** отличное отъ **о** и отъ **ш**, но принадлежащее къ послѣднему начертанію, такъ какъ въ основаніи замѣтно раздвоеніе; въ срединѣ начертанія находится точка: єдинорѣднаго **Ѡ** **Ѡ**ца и на страницѣ 4-й на оборотѣ то же начертаніе: **Ѡ** **Ѡ**бою.

На первыхъ листахъ второй части обыкновеннымъ, крупнымъ и четкимъ полууставомъ безъ употребленія **Ѥ**совъ встрѣчается (л. 50) обыкновенное **О** съ точкой посреди начертанія, а равно въ тѣхъ же словахъ это **О** замѣняется **ш**мегой:

„что же видиши соуцѣъ иже въ **Щ**цѣ брата своѣго. бръвноже **Ѣ**же **Ѣ**сѣ въ **щ**цѣ твоѣмъ не чюѣши. или како речеши братѣ твоѣмоу. **Ш**стави да измоу соуцѣъ изъ **Ѡ**чесе твоѣго и се бръвно въ **Ѡ**цѣ твоѣмъ. лицѣмъре. изми первѣе бръвно изъ **Щ**чесе твоѣго. и тогда оуриши изати соуцѣъ изъ **Ѡ**чесе брата твоѣго“ (листъ 50).

Въ той же рукописи, листъ 137:

Рѣ **г**ь свѣтильнѣ тѣлоу **ѣ** **Ѡ**ко, **ѣ**га оубо **Ѡ**ко твоѣ просто боудѣ все тѣло твоѣ свѣтло боудѣ; на оборотѣ 134 листа: **Ѡ** веельзаоулѣ; на оборотѣ листа 154: извѣстно бо бѣ **Ѡ** **Ѡ**аннѣ; листъ 116: **Ѡ** **Ѡ**твѣтѣ; листъ 162: **Ѡ**чи имѣще не видите..... възложи рѣцѣ на **Ѡ**чи **ѣ**го; на оборотѣ: **Ѡ**нѣже обраѣса и възревѣ на оучники свои запрети **Ѡ**трови **г**лѣ...

На оборотѣ 165 листа: и аще **Ѡ**ко твоѣ съблзаетъ тѣ истыкнѣ **ѣ** добръ ти **ѣ** съ єдинѣмъ **Ѡ**комъ вни въ **Ѡ**ръствіе **Ѣ**же неже двѣ **Ѡ**цѣ имѣщѣ въвѣржаноу быти въ гееннѣ **Ѡ**гненоую.

Листъ 171 на об: и **Ѡ**тиде; листъ 182: **Ѡ** **Ѡ**трокъ.

Ѡ **Ѡ**бою на десяте: листъ 184 и 185; на об. листъ 198 соулаще **Ѡ**Ѡба надесѣ колѣнома **Ѡ**ильвама.

Тотъ же писецъ, листъ 204 на оборотѣ, пишетъ:

Вѣ **Ѡ**, поѣ **г**сѣ **Ѡ**банадесѣте и начать **ѣ** **г**лѣти.

Листъ 197: **Ѡ** **Ѡ**баче.

Листъ 217: и **Ѡ**Ѡба **ѣ**сна **Ѣ**зеведнева.

бѣстѣ бо **ѣ** **Ѡ**Ѡчи **Ѡ**тѣгоѣнѣ.

„Ѡба“ пишутся въ той же рукописи обыкновеннымъ **О** и „шмегой“.

Листъ 262, на оборотѣ: ѿ ○, ѿва Іс ○-оба надесѣте оучника своа да имъ вѣла на дѣсѣ нечѣтъ тако да изгойѣ ѿ исцѣлѣти всѣѣ недѣѣ и всѣѣѣ болѣзнь на шбанадесѣ посла Іс.

Здѣсь также весьма явно, что писцы употребляли разныя начертанія для обозначенія принятаго звуковаго различія, нелегко соблюдаемаго при чтеніи.

Въ Псалтири XVI столѣтія, принадлежавшей митрополиту Евгению (южнаго письма, по опредѣленію Востокова, стр. 72): „въ настоящемъ отрывкѣ употреблено исключительно для словъ око, очи, начертаніе Θ“.

„Подобныя очныя, говоритъ Востоковъ, начертанія буквы ○, Θ, ○○ встрѣчаются въ тѣхъ двухъ рукописныхъ Евангеліяхъ И. П. В., въ коихъ я напелъ употребленіе ѣ вмѣсто ѣ и обратно“.

Начертаніе это встрѣчается, по свидѣтельству академика Срезневскаго, въ листкахъ изъ Мануиловской книгѣ Апостольскихъ чтеній: ○билно, ○бещникомъ, ○ва, Тимоѣе○ви.

Одинъ разъ въ Слѣпченской книги Апостольскихъ чтеній (почеркъ первый): ○бразованѣ.

Начертаніе это встрѣчается въ евангельскихъ листкахъ Ундольскаго въ началѣ словъ и срединѣ: фарисе○мъ.

Въ Дечанскомъ Евангеліи начертаніе это встрѣчается, по замѣчанію И. И. Срезневскаго, очень часто, особенно въ первой половинѣ рукописи вмѣсто простаго о: мн○а-и, ѣак○, вышнѣаг○, въ паг○боу, и пр.

Объясненіе происхожденія этого начертанія находимъ въ описаніи Востоковыми Евгеньевскихъ рукописей:

„Кромѣ ѡ встрѣчается тутъ ○ въ началѣ слоговъ, какъ то: ○бращаетъ, ○дина, и○сифъ. Сія точка посреди буквы О должна быть слоγοотдѣлительнымъ знакомъ, который писцу вздумалось перемѣстить изъ подстрочія въ средину буквы. Но нѣкоторые позднѣйшіе писцы (XV и XVI столѣтій), *упустивъ конечно изъ виду первоначальное употребленіе сего начертанія ○, дали оному другое странное*

назначеніе, и именно пишутъ оное только въ словахъ Око, Очи и проч.“ (Оп. рук. Вост. стр. 68).

Догадка Востокова, какъ вообще всѣ догадки, оказывается при повѣркѣ лишенною всякого основанія. Весьма странно, какъ уже замѣчено выше, что отецъ русской Палеографіи не обратилъ никакого вниманія на три значительнѣйшія письменности для всѣхъ Европейскихъ народовъ: у Финикіянъ О, антъ, значило око и обозначало гласную О.—Тоже самое въ древнѣйшихъ греческихъ надписяхъ; это же финикійское начертаніе въ греческихъ надписяхъ позже обозначаетъ Оиту, ср. Gesenius. Въ византійскихъ рукописяхъ начертаніе это обозначаетъ кругъ, солнце, въ сочиненіяхъ астрономическихъ; кинноваръ въ химическихъ; и глазъ, οφθαλμοςъ въ двухъ рукописяхъ, цитуемыхъ Дюванжемъ въ его *Glossarium med. et inf. graecitatis*.

Можно ли не ставить въ вину палеографу пренебреженіе Палеографіей Финикійской, Греческой и Византійской, лежащей въ основаніи Европейской цивилизаціи. Послѣдствіе, съ какой дѣлаются приговоры не основанные на положительныхъ данныхъ, много вредитъ дѣлу. Трудно не видѣть въ упущеніи Востокова намѣреннаго и систематическаго отрицанія всякой связи между Славянскими народами и древнимъ міромъ; а для достиженія этой цѣли необходимо было поставить науку особнякомъ въ заколдованный кругъ. Кругъ, издревле обозначавшій солнце и око, сдѣлался, по мнѣнію Востокова, знакомъ раздѣлительнымъ, знакомъ отгороживанія реченій другъ отъ друга, хотя изъ трехъ примѣровъ, приведенныхъ Востоковымъ, одинъ находится въ серединѣ слова. Замѣтки Востокова, вызываемыя его положительными наблюденіями, во всякомъ случаѣ, драгоценны: онѣ даже могутъ въ данномъ случаѣ имѣть основаніе, но неправильно изъ данныхъ случаевъ извлекать общіе выводы, и возводить драгоценныя, наскоро записываемыя, замѣтки въ непреложныя истины. Весьма можетъ быть, что писецъ дѣйствительно ничего другаго не имѣлъ въ виду, какъ обозначать въ извѣстномъ случаѣ болѣе

наглядно отдѣленіе буквы и воспользовался своимъ палеографическимъ запасомъ. Такъ, въ вышеприводимыхъ выпискахъ изъ недѣльнаго Евангелія, угровлахійскаго письма, весьма явно, что писецъ архаически обозначалъ этимъ начертаніемъ слово „очеса“ и „око“; „оба“ весьма можетъ быть на основаніи того же хода мысли, которое высказывается въ русскомъ выраженіи: „смотри въ оба“. Обаче также могло по созвучію съ „оба“ и „бачить“ припомнить писцу съ замѣтнымъ архаистическимъ направленіемъ, начертаніе . Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе отличить слово самимъ начертаніемъ, выражается при написаніи мѣстоименія Онъ, когда это мѣстоименіе относится къ Спасителю.—Тоже мѣстоименіе постоянно пишется съ обычнымъ О. Дюгакъ Востокова можетъ быть отчасти примѣнена къ случаямъ, гдѣ встрѣчаются нѣсколько словъ на О. Въ рукописяхъ церковныхъ весьма замѣтно, что писцы изощрялись отмѣчать логическое удареніе даже для отдѣльной буквы, относя его надъ строку или подъ титло. и на оборотъ, при соприкосновеніи одной и той же согласной, встрѣчающейся въ концѣ одного слова и началѣ другаго, обозначать букву единой, когда при чтеніи не требовалось произносить ту же букву одну, отдѣльно отъ другой.—Всѣ эти тонкости, постановляемыя на видъ писцамъ, несомнѣнно содѣйствовали сбивчивости въ правописаніи.

Въ томъ же рукописномъ Евангеліи встрѣчаемъ:

 штвѣтъ, и на оборотъ:

 отрокъ, ца.

Сопоставленіе нѣсколькихъ гласныхъ, безъ отличія другъ отъ друга, могло казаться сбивчивымъ для читателя, привычнаго къ повторенію гласныхъ въ текстахъ, назначенныхъ для пѣнія и просто для обозначенія болѣе протяжнаго произношенія.

Написаніе предлога О съ точкой въ срединѣ могло быть вызвано значеніемъ окружности около, т. е. въ предѣлѣ районовъ видѣнія.

Въ этой же рукописи встрѣчаемъ начертаніе Окрестъ съ крестомъ въ срединѣ.

Примѣръ этого начертанія ясно показываетъ, какъ произвольно, несистематично, развлеченія ради, каллиграфы употребляли разные начертанія для обозначенія одного и того же звука. Но вѣстѣ съ тѣмъ нельзя согласиться съ объясненіемъ Востокова, что писцы не понимали значенія архаическихъ начертаній. Здѣсь опять Востоковъ сваливаетъ съ больной головы да на здоровую. Начертаніе было въ бѣльшемъ употребленіи между Славянскими писцами, чѣмъ между Византійскими.

Весьма замѣтная свобода, съ коею лучшіе, древнѣйшіе писцы относились къ правописанію, крайне затрудняетъ систематизацію различныхъ вариантовъ и ихъ объясненіе различіемъ произношенія, свойственнаго писцамъ по ихъ племенному происхожденію. До какой степени звуковая система Востокова имѣла мало основанія, замѣтно уже на первыхъ шагахъ при первыхъ палеографическихъ работахъ Востокова.

Опредѣленіе рукописей Востоковымъ представляетъ образецъ изумительнаго произвола. Беру на удачу описаніе Евгеніевской рукописи: „X. начало Псалтири по 13-й Псаломъ. Тетрадь на бумагѣ въ малую 8-ку, южнаго письма, съ ѡсами, XVI вѣка“.

„Что писецъ не Великороссіанинъ, видно“:

„во 1-хъ, по удареніямъ, несвойственнымъ Русскому произношенію, напр. на пѣти не стѣ, сѣдалищи, ѿ лица сѣго ради, въ кѡнецъ, и пр.“ Востоковъ при этомъ находитъ излишнимъ сообщить, что знаки эти едвали всѣ обозначаютъ ударенія, впрочемъ, конецъ произношеніе Новгородское: „когда брюхо сыто концы играютъ“;

„во 2-хъ, по употребленію кое-гдѣ Ъ-ря вѣсто Ъ-ра: въ пѣснехъ, двѣвъ“.

„Въ 3-хъ, Ъ вѣсто Я въ заглавіи, писанномъ длинными связными буквами: Давида пророка и царѣ пѣснь каѡнзма; далѣе: вѣлѣ вѣсто (воля) его, всѣ (всѣ) елика“;

„въ 4-хъ, по сохраненію звукосочетанія кы, гы, которое Русскіе начали уже съ XIV вѣка превращать въ ки, ги; здѣсь, напротивъ, вездѣ: погыбнеть, морьскыя, и пр.“

„и наконецъ въ 5-хъ, по правильному во многихъ мѣстахъ употребленію ѡса, которое здѣсь заступаетъ также мѣсто дwoегласнаго древняго ѡъ, напр. несѡщѸ избавлѣѡщюу ниже спасаѡщюу. Такимъ же образомъ ѡ въ началѣ слова заступаетъ мѣсто дwoегласнаго древняго ѡа, напр. въ словѣ ѡзыкъ (польск. język), которое въ Острог. Евангеліи имѣетъ ѡа“.

„У позднѣйшихъ писцовъ *вовсе* утрачено сіе различіе между ѡ и ѡа. Они пишутъ уже: ѡзыкъ. Русскіе же и издревле такъ писали, не имѣвъ носоваго изглашенія Поляковъ и Болгаръ“.

Начиная съ послѣдней замѣтки, всѣ приводимые пункты совершенно произвольны. Польскихъ рукописей, ни Кирилловскихъ, ни глаголитскихъ не существуетъ. Востоковъ не имѣлъ никакихъ данныхъ, чтобы судить существовали ли ринезмы у древнихъ Поляковъ и у древнихъ Болгаръ. Болонская псалтирь XII столѣтія наглядно опровергаетъ теорію, находясь въ согласіи съ нынѣшнимъ произношеніемъ Болгаръ. Нельзя также сказать, чтобы русскіе писцы не отличали ѡа отъ ѡ. Небрежность замѣтна сильная въ русскихъ рукописяхъ; но съ другой стороны весьма замѣтно полное знакомство со значеніемъ ѡса и еще болѣе ѡ. Колебаніе правилъ относительно произношенія ѡ и ѡа необходимо должно было вліять на сбивчивость въ правописаніи. Мы произносимъ Ярославъ и Іерославъ, яровое и іеровое, языкъ и іезыкъ, ягозить и іегозить, ягненокъ и іегнокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ невозможно произнести слово ягода — іегода, или якорь, іекорь. Весьма понятно, что руководители писцовъ предпочли однообразное упрощенное правописаніе, правописанію обнаруживавшему общее невѣдѣніе орфографіи. Востоковъ, при сравненіи рѣдкихъ южныхъ рукописей съ многочисленными Русскими, совершенно упустилъ изъ виду, что съ юга Европы привозились рукописи цѣльныя, образцовыя, а большинство Русскихъ рукописей писалось людьми безграмотными, не понимавшими не только Болгаризмовъ, но и весьма обыденныхъ выраженій. Чтобы помочь дѣлу, необходимо вошло въ обычай упростить правописаніе; что было совершенно

правильно и практично при прекращеніи миссіонерскаго распространенія рукописей. Какъ скоро рукописи изготовлялись для извѣстной мѣстности, то неопредѣленные знаки, весьма понятно, замѣнены были начертаніями, соответствующими дѣйствительному мѣстному произношенію или обычаю. Наши древніе книжники знали, что ѡ „гугнивѣ и неопредѣленѣ“. Изъ этого явствуетъ, что книжникамъ знакомо было и Польское и Болгарское произношеніе ѡса. Они отъ него отказались за бесполезностію для облегченія учащихся грамотѣ. Подобно тому признано предпочитать опущеніе акцента въ французскихъ или греческихъ словахъ ошибочному обозначенію акцента. Большая отчетливость весьма замѣтна въ составленіи славянскихъ азбукъ; но самая эта дробная отчетливость, сохранивъ драгоцѣнные для потомства слѣды древняго правописанія и произношенія, сближающаго славянскій языкъ съ древнѣйшими памятниками Индо-Европейскихъ языковъ, несомнѣнно вліяла на сбивчивость въ правописаніи писцовъ какъ скоро копированіе древнихъ памятниковъ вышло изъ рукъ филологовъ и становилось ремесломъ. Болгарская сбивчивость въ употребленіи обоихъ носовыхъ знаковъ одного вмѣсто другого и вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣсто А и Ъ и даже Ъ прямо указываетъ, что произношеніе Болгарское было уже издревле тоже самое, что и нынѣ: Ѣ произносится аѣ съ замѣтной наклонностію къ исчезновенію; произношеніе ѡса весьма часто приближается къ произношенію Англичанъ въ словѣ but. ѡ также произносится между А и Е съ переходомъ въ Ъ. Различное произношеніе въ Болгарской землѣ и тѣмъ наче въ Монастыряхъ весьма понятно привело къ неразборчивому употребленію знаковъ Ѣ, Ѣ, Ъ и Ъ, такъ какъ члены одной общины, не смотря на различіе и древнюю опредѣленность знаковъ, произносили слово по своему. Тоже самое, но несравненно въ большей мѣрѣ, относится къ безразличному употребленію полугласныхъ Ъ и Ъ или исключительно одного изъ этихъ двухъ знаковъ. Только исключительное въ Сербскихъ рукописяхъ и для Сербовъ употребленіе Ъ происходило несомнѣнно отъ племенного произношенія; для Русскихъ оно могло происходить

только отъ школьнаго вліянія и существовало какъ мода, а потому мы видимъ постоянное и сильное колебаніе въ употребленіи обоихъ полугласныхъ. Что касается до перваго пункта, указываемаго Востоковымъ, то ссылка на значеніе этихъ акцентовъ весьма сомнительна. Едвали можетъ быть и рѣчь о племенномъ значеніи ударенія въ древнихъ рукописяхъ. У Востокова взглядъ на русскую письменность установился весьма замѣтно на печатныхъ церковныхъ текстахъ. Удивляться этому невозможно, такъ какъ эта точка зрѣнія была общая его времени; удивительно только что ближайшее ознакомленіе съ положительными данными не повліяло на утвердившейся у него взглядъ. Факты ничего не значатъ въ сравненіи съ критикой, говорилъ его пріятель Кеппенъ по поводу разногласія между официальными вѣдомостями о народонаселеніи и изданными имъ, Кеппеномъ, таблицами на основаніи критическихъ соображеній. Сравнительно неудовлетворительный составъ Румянцовскаго Музея, на который указываетъ А. О. Вычковъ въ обстоятельной статьѣ (Москвитини 1843. № 4 и 5), не могъ доставить Востокову данныхъ для правильнаго распредѣленія рукописей. Востоковъ судилъ о древнемъ правописаніи подъ преобладающимъ впечатлѣніемъ печатныхъ книгъ и рукописей Московскихъ и Бѣлорусскихъ.

Во 2 пунктѣ: о употребленіи кое-гдѣ Ъ вмѣсто Ъ: „въ пѣсняхъ, Давидовъ“, можно найти отвѣтъ въ христоматіи Буслаева или въ памятникахъ изданныхъ Тихонравовымъ. Тамъ уже не кое-гдѣ женское Ъ замѣняетъ Ъ. Какъ шатко у насъ до сего дня отношеніе Ърика къ Ъеру указываетъ возможность измѣненія Гречемъ въ XIX столѣтіи правописанія отчества.

Въ 3-мъ: Ъ вмѣсто Я въ заглавіи связными буквами: „Давида пророка и Царѣ“ почти не слѣдовало бы брать въ расчетъ, потому что писецъ, изошрясь въ заглавіи, болѣе занятъ живописнымъ искусствомъ чѣмъ правописаніемъ, всѣ елика вмѣсто „вса“ есть именно весьма свойственная русскому человѣку ошибка. Остается „вѣлѣ“ вмѣсто воля. Это единственное указаніе Востокова, которое могло

бы быть принято въ расчетъ для опредѣленія мѣста происхожденія рукописи, если бы именно въ Остромировомъ Евангеліи не встрѣчалось часто Ъ, вмѣсто Я послѣ Л и Р, такъ капль вмѣсто капля, крыплѣашесѣ помышлѣете, раздѣлѣнше, творѣшѣ, Самарѣнинѣ вмѣсто Самаріанинѣ и даже вѣвѣкѣ вмѣсто вѣсакѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что даже царѣ подходитъ подъ правило, соблюдаемое Новгородскимъ писцомъ, а Болгарскихъ рукописей для сравненія не существуетъ. Въ Глаголитской азбукѣ ѿ обозначаетъ Кириловскій ѣ и ѿ.

Всѣ остальные признаки указываютъ, что рукопись не Сербская и не Болгарская, а потому она и названа неопредѣленно южной, чтобы поддержать гипотезу о невозможности правильного употребленія большого и малаго ѿса въ церковно-славянскихъ рукописяхъ русскаго письма, что высказывается въ 5 пунктѣ. Что касается до замѣтки Востокова относительно іотированнаго ѿа, то необозначеніе іотированія отнюдь не указываетъ на племенное происхожденіе, но единственно на сбереженіе чернилъ или мѣста.

Въ 4 пунктѣ: „по сохраненію звукосочетаній кѣ и гѣ, такъ какъ Русскіе писцы уже съ XIV вѣка кѣ и гѣ превращали въ кѣ и гѣ.“ Здѣсь высказывается таже основная мысль, что Русскій не могъ сохранить въ XVI столѣтіи древняго правильнаго склоненія на кѣ и гѣ, противъ чего протестуютъ факты и здравый смыслъ. Присутствіе правильныхъ древнихъ формъ въ позднѣйшихъ документахъ есть фактъ весьма естественный. Уваженіе къ древнимъ рукописямъ всегда сохранялось, а потому весьма естественно, что писцы часто обращались къ древнимъ рукописямъ и этимъ самымъ постоянно находились подъ вліяніемъ древняго правильнаго правописанія. Кромѣ того, окончанія на ѣ свойственно многимъ Русскимъ говорамъ.

Мысль, руководившая Востокова, была не ясная. Онъ открылъ, что рукописи Русскія суть копіи съ Сербскихъ или Болгарскихъ рукописей, и упустилъ изъ виду, что рукописи, сохранившіяся въ Россіи, были прежде всего копіи съ рукописей древне-церковно-словен-

скихъ, доставляемыхъ въ Россію съ Аѳонской горы и изъ Константинополя, и потому весьма понятно, что правописаніе этихъ рукописей носило болѣе или менѣе слѣдовъ южнаго вліянія. Вникая въ измышленія Востокова, приходится предполагать, что онъ ожидалъ русскихъ рукописей Священнаго Писанія по переводу св. Кирилла и Меѳодія помимо Сербскихъ или Болгарскихъ писцовъ или вообще Паннонскихъ. Но несомнѣнно было и для Востокова существованіе въ древней Россіи рукописей, не носившихъ слѣдовъ того или другого вліянія; тѣмъ не менѣе увлеченный своимъ открытіемъ, онъ этотъ преобладающій фактъ упускаетъ изъ виду и проводитъ теорію о древне-болгарской письменности, не смотря на то, что древнихъ памятниковъ Болгарскихъ не существуетъ, а существуютъ позднѣйшія Болгарскія рукописи древне-церковно-словенскаго языка съ примѣсью болгаризмовъ въ Болгаріи,—а въ Россіи и Сербіи таже древне-церковно-словенская письменность подчинилась мѣстнымъ вліяніямъ и требованіямъ покупателей. Указаніе на нѣкоторые примѣры мѣстныхъ разногласій въ правописаніи ничего не доказываетъ относительно мѣстонаписанія документа. Чтобы постановить опредѣленіе мало-мальски достовѣрное, необходимо пересчитать всѣ разногласія, недоумѣнія, и едвали стоитъ на это терять много времени. Выводъ изъ подобнаго изслѣдованія можетъ быть интересенъ лишь въ статистическомъ отношеніи, доставляя приблизительныя свѣдѣнія о численномъ взаимномъ отношеніи писцовъ Сербскихъ, Болгарскихъ и Русскихъ, при неизвѣстномъ процентѣ оболгарившихся Русскихъ, осербившихся Болгаръ, Угровлахійскихъ Словаковъ, Русиновъ и въ числѣ ихъ издавна попадавшихъ къ нимъ Полочанъ, Суздальцевъ и Кіевлянъ.

Задумевшую мысль Востокова высказываетъ А. Н. Пыпинъ. „Не восхищаясь,—говоритъ Пыпинъ по поводу Святославова Изборника,—какъ дѣлали это другіе ученые, именемъ Святослава, Востоковъ не выводилъ изъ него никакихъ особенныхъ и блестящихъ заключеній, и какъ *будто предугадывая обнаруженную*

послѣ уловку Русскаго писца, показаль, что Сборникъ и составленъ не Словяниномъ и переведенъ не Русскимъ“.

Востокъ не выводилъ блестящихъ заключеній относительно письменности Русской потому, что онъ того не желалъ: выдавать за непреложную истину весьма легкомысленныя догадки, ему ничего не стоило. По поводу той же Псалтири онъ заключаетъ: „у позднѣйшихъ писцовъ вовсе утрачено сіе различіе между ѡ и ѡа. Они пишутъ уже ѡазыкъ. Русскіе же издревле такъ писали, не имѣя носоваго изглашенія Поляковъ и Болгаровъ“.—Здѣсь выходитъ, что Востокъ зналъ, что у Болгаръ существовали и даже существуютъ ринезмы, не смотря на то, что о произношеніи ни о правописаніи древнихъ Поляковъ и Болгаръ онъ ничего не зналъ.

Въ томъ то и бѣда, что Востокъ враждебно относился къ вопросу и отрицалъ, не изучивъ документовъ.—Не таковъ естественный ходъ науки.—Сначала необходимъ уходъ материнскій, уходъ внимательнаго и любящаго воспитателя и затѣмъ строгія школьныя и научныя требованія изощреннаго свептицизма. У насъ выходитъ наоборотъ: около новорожденной Славянской Филологіи хлопочетъ мачиха съ семьєю няньками, и дитя безъ глаза. Лицо, занявшееся изготовленіемъ Святославова Изборника, былъ или Русскій книжникъ или подрядчикъ, взявшійся представить заказанный ему Сборникъ. Воспользовался ли онъ Болгарскимъ Сборникомъ безъ всякаго съ своей стороны труда, кромѣ приданія редакціи Русскаго оттѣнка, для того, чтобы сборникъ былъ вразумителенъ для лица заказавшаго, или онъ, примѣняясь къ требованію заказавшаго, измѣнялъ Болгарскіе тексты—это вопросъ пока, сколько мнѣ извѣстно, не изслѣдованный. Обвинять Русскаго составителя сборника въ уловкѣ—совершенно произвольно; онъ исполнилъ свою задачу весьма правильно. Задача его состояла въ собраніи статей по вопросамъ, интересовавшимъ его современниковъ. Если онъ могъ воспользоваться таковымъ сборникомъ Болгарскимъ, то онъ совершенно практически и добросовѣстно исправилъ правописаніе подлинника,

съ цѣлью сдѣлать его доступнымъ для Русскаго человѣка. Совершенно такъ поступаютъ и нынѣ литераторы, получающіе заказы отъ издателей. На сколько Русскій Редакторъ XI столѣтія поступилъ правильно и практически, уже видно изъ того, что Сборникъ уцѣлѣлъ до нашего времени. — Напрасно Г. Пыпинъ видитъ здѣсь уловку, т. е. подлогъ. Весьма вѣроятно, Царь Болгарскій передалъ Греческій Сборникъ для перевода его на Церковно Словенскій языкъ, если только фактъ существованія такого Греческаго Сборника существуетъ. Въ противномъ случаѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, указаны были Греческія статьи, которыя желалось имѣть. Русскій князь или получилъ Царскій Болгарскій Сборникъ, или копію съ него, оказавшуюся для него неудобной въ-слѣдствіе Болгаризмовъ, а потому и поручилъ передѣлать Сборникъ на обычный въ Россіи языкъ. Подобные Сборники дѣлались по заказу, такъ какъ соответствовали требованіямъ одного лица. Едва ли существуютъ Сборники въ нѣсколькихъ экземплярахъ, съ одними и тѣми же статьями. Подобныя повторенія необходимо дошли бы до насъ, если бы сборники изготовлялись для продажи. Встрѣчающіеся въ большемъ количествѣ старообрядческіе Сборники подъ именемъ Цвѣтниковъ и Криницъ съ опредѣленнымъ набожнымъ, назидательнымъ, поучительнымъ и полемическимъ содержаніемъ, назначенные для среды весьма однородной, болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга, хотя и содержатъ однѣ и тѣже статьи, повторяющіяся въ множествѣ экземпляровъ.

Обращая вниманіе на постепенно измѣнявшееся правописаніе въ-слѣдствіе мѣстныхъ требованій и мѣстнаго безсознательнаго вліянія, Востоковъ прибѣгнулъ къ готовой гипотезѣ о Болгарствѣ древнихъ рукописей. Эта гипотеза Шафарика, имѣющая историческое основаніе довольно небрежно филологически обставленная Востоковымъ, сдѣлалась на долгое время основнымъ положеніемъ для послѣдователей его. Къ убѣжденію, что все, что можно найти въ средневѣковой нашей Словесности, или нелѣпо или переводъ съ Греческаго, присоединилось

еще убѣжденіе, что и жалкая Литтература не носитъ въ себѣ слѣдовъ Русской мысли, но представляетъ лишь плохія, безсмысленныя копии съ Болгарскихъ рукописей. Ученіе это конечно не способствовало къ возбужденію желанія заниматься изученіемъ нашего умственного развитія. Не смотря на все уваженіе къ свободѣ мнѣній, невозможно согласиться, чтобы враждебное настроеніе къ самому предмету науки ея должностныхъ представителей могло быть правильнымъ.

Нельзя не сожалѣть, что лица, какъ Востоковъ, прочно утвердились на мѣстахъ, которыя по самому существу дѣла принадлежали именно Русскимъ любителямъ церковной письменности, противъ коихъ Кругъ предостерегалъ графа Румянцова; о запискахъ Круга упоминается обстоятельно ниже стр. 136 и сл. Напрасно усиліе выставить Востокова за Славянскаго Филолога и даже за патріарха Славянской Филологіи. Труды г-на Востокова на лицо, и по мѣрѣ того, какъ у насъ болѣе и болѣе будетъ развиваться изученіе исторіи родного языка, неосновательность его теоріи не можетъ не обнаружиться во всей своей силѣ, или правильнѣе, немощи. Мнѣніе издателей высказывается въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; самъ Востоковъ въ одномъ изъ засѣданій Академіи, по свидѣтельству И. И. Срезневскаго, отказался отъ своей теоріи. Уваженіе и любовь къ учителю одержали верхъ; непомѣрныя похвалы гг. Срезневскаго и Пыпина, энергически выраженное торжество Востокова надъ его противниками перенесли въ массу обще-распространенныхъ свѣдѣній убѣжденіе въ болгарствѣ древнихъ рукописей. Самъ Востоковъ, если вникнуть въ разныя статьи его описанія рукописей, сознавалъ, что система его не имѣетъ основанія. Противорѣчія у него постоянны. Но этого мало: самая основная аргументація поражаетъ своей нелогичностью; Русскія юсовыя рукописи смѣшиваютъ часто ѣ съ оу и ѡ съ ѡа, не смотря на то, что ѣ и ѡ соотвѣтствуютъ знакомымъ въ Бѣлороссіи и Малороссіи, Польскимъ носовымъ звукамъ. Болгарскія рукописи не

представляют этой сбивчивости, а употребляют ѡ вмѣсто а, ѡ, ѣ, з и ы; изъ этого выводять Востоковъ, что Русскіе писцы, замѣнявшіе ѡ съ Ѹкомъ и наоборотъ, копировали безсознательно Болгарскія рукописи, не смѣшивавшія между собою ѡ и Ѹ, ѡа и а, но ѡ съ гласной а, двогласнымъ ѣтемъ и полугласнымъ зеромъ. Первичныхъ и вообще древнихъ Болгарскихъ рукописей Востоковъ не видалъ. Болонская псалтирь, писанная Болгариномъ въ XII столѣтіи, содержитъ уже въ себѣ признаки Болгарской положительной письменности, т. е. употребленія обоихъ носовыхъ гласныхъ одной вмѣсто другой и даже ѡса вмѣсто ы: сѡй вмѣсто сый, стѡмъ богородицѡ вмѣсто Святѡмъ Богородицы. Древнѣйшія и позднѣйшія Болгарскія рукописи и живыя Болгарскія нарѣчія прямо находятся въ противорѣчіи съ теоріей Востокова. Русскія несомнѣнныя рукописи находятся въ прямой связи съ древнѣйшимъ правильнымъ Церковно-Словенскимъ правописаніемъ, которое хотя и согласно съ правописаніемъ Польскимъ, тѣмъ не менѣе уже содержитъ въ себѣ смѣшеніе ѡса съ Ѹкомъ и ѡ съ ѡа.

Такъ, въ Супрасльской рукописи, отличающейся строгою правильностію, встрѣчаются:

кажоуштоу вмѣсто кажѡштоу, гонезноути вмѣсто гонезнѡти и дѡшѡ вмѣсто доушѡ.

Русское Церковно-Словенское юсовое правописаніе, какъ мы видимъ, находится въ полной и непосредственной связи съ образцовой Супрасльской рукописью, и на оборотъ правописаніе Супрасльской рукописи въ отношеніи ѡсовъ рѣзко отличается отъ Болонской, положительной, древне Болгарской. Изъ сравненія, сдѣланнаго А. О. Бычковымъ Евангелія св. Іоанна по Остромировой рукописи, оказывается, что и эта рукопись въ правописаніи своемъ менѣе отличается отъ правильного Церковно-Словенскаго правописанія, чѣмъ казалось по изданію Востокова. Число погрѣшностей Востокова, выписанныхъ А. О. Бычковымъ по одному Евангелію св. Іоанна, довольно значительно. Списокъ ихъ изданъ Лескиеномъ въ Веймарѣ

въ 1871 году въ его превосходной Граматикѣ: *Handbuch der altbulgarischen* (съ необходимымъ поясненіемъ въ скобкахъ: *altkirchenslavischen*) *Sprache*: изъ 36 погрешностей три опечатки; варианты: морѧ вм. морѧ, ѡко вм. ѡко, близъ вм. близъ, въжаждеть вм. въжаждеть, въсѧ вм. въсѧ, жатвѣ вм. жѧтвѣ, собою вм. собоѡъ суть характеристическіе признаки, служившіе Востокову для распредѣленія правописанія по племенамъ.

О Супрасльской рукописи Миклошичъ говоритъ положительно (ср. выше, стр. 104), что онъ признаетъ въ ней исправленія Русскія въ окончаніи „мъ“. По поводу окончанія „тъ“ Миклошичъ говоритъ вообще, что исправленія замѣтны въ рукописи. Весь вопросъ, значить, состоитъ въ изслѣдованіи—какія исправленія дѣйствительно замѣтны въ рукописи, совпадаютъ ли они съ проявляющимися въ оной Руссизмами, и нѣтъ ли въ оной Руссизмовъ, не носящихъ слѣдовъ позднѣйшихъ поправокъ или приписокъ (ср. по этому вопросу историко-филологическое изслѣдованіе о Супрасльской рукописи А. Бема, Воронежъ. 1869. и Miklosich, *Vergleichende Lautlehre* §§ 77, 78, переведенное студентомъ Лавренкой въ Кіев. Унив. извѣстіяхъ 1865 года. Ученіе о звукахъ. Статьи о гласныхъ ѧ, ѡ, Ъ и Ь.) Болѣе всѣхъ держался мнѣнія о Болгарствѣ древне-церковно-Словенскаго языка Бодянский, восторженно объявившій о находкѣ имъ весьма поздняго свидѣтельства или правильнѣе мнѣнія писца, что Священное Писаніе переведено съ Греческаго на Болгарскій языкъ. Въ журн. М. Н. Пр. 1843, № 6, въ статьѣ: о древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть Славяно-Болгарскій, Бодянский говоритъ: „Новѣйшее открытіе мое, изложенное выше, кажется вполне удовлетворяетъ собою всѣмъ этимъ справедливымъ требованіямъ, заключаетъ всѣ свойства неопровержимости и положительности, ясно и прямо говоритъ намъ, что языкъ предложенія Божественнаго Писанія Греческихъ книгъ есть Словенскій-Болгарскій, иначе Славяно-Булгарскій, Булгаро-Славянскій, т. е. Славянъ въ Болгаріи или прежней Мизіи, части Фракіи и Македоніи: Сіаждѣ

прѣложила все Бжѣтнѣное писаніе греческихъ книгъ на Словенскій языкъ на Българскы. Больше требовать нельзя и не имѣемъ уже никакого права. Здѣсь самое точное и полное опредѣленіе языка Кирилло-Методіевскаго перевода. *Дѣло наконецъ покончено и завершено.*“

Изъ этой же статьи мы узнаемъ, что Шафарикъ этому открытію весьма обрадовался, какъ подтверждающее его приговоръ: „Послѣ всего сказаннаго нами теперь ясно, что доискиваться современнаго сказанія о переводѣ Божественныхъ книгъ съ Греческаго на Славянскій рѣшительно напрасно и неисполнимо, это значить, повторяемъ, желать невозможнаго, неосуществимаго. Слѣдовательно, надобно удовольствоваться нѣсколько позднѣйшими свидѣтельствами. Такихъ позднѣйшихъ показаній, какъ мы видѣли, оставленныхъ намъ иноземными и туземными жителями на иностранныхъ языкахъ, имѣется *довольно*. Правда, ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчается столь полнаго и опредѣленнаго указанія на языкъ церковныхъ книгъ, чтобы каждый читатель могъ сказать: а, такъ вотъ какому Славянскому народу этотъ языкъ свой, родной. Однакоже, сносъ упомянутыя показанія одиѣ съ другими и соображая ихъ между собою и прочими обстоятельствами, Шафарикъ, какъ уже мы выше казали, рѣшилъ окончательно этотъ—столько головоломный и сложный—вопросъ въ пользу Славянъ Българскихъ. Истина такого его *приговора* подтвердилась первоначально съ отрицательной стороны моей (Водянскаго) находкой—Переяславскимъ Евангеліемъ. Помню живость нашего несравненнаго Славяновѣдца, обнаруженную имъ при сообщеніи ему мною лично извѣстія объ этомъ открытіи. Но еще больше радовался и доволенъ былъ онъ, когда я, воротясь изъ путешествія по Лужицамъ, предсталъ предъ него съ своей Вратиславской находкой, блистательно оправдывавшей, уже положительно прямо и ясно, правду и точность его историческихъ разысканій“. Даже еслибы переводъ былъ сдѣланъ въ Болгаріи и въ современномъ о томъ свидѣтельствѣ языкъ древне - церковно - Словенскій былъ

названъ Болгарскимъ, то это было тоже самое, что названіе языка Вульгаты Италіанскимъ. Языкъ древне-Церковно-Словенскій могъ быть называемъ Болгарскимъ, Сербскимъ, Русскимъ, по мѣсту жительства писателя. Парижская Глагольская азбука X—XII столѣтія названа *abescapagium Bulgaricum*. Продолжатель Константина Порфиророднаго называетъ Кириллицу Русской азбукой.

Изобиліе благороднѣйшихъ чувствъ, выражаемыхъ учениками Шафарика и Востокова, несомнѣнно дѣлаетъ имъ честь. Жаль, что наука не только мало отъ этого выигрывала, но, къ прискорбію, видимъ, что сама наука приносилась въ жертву передъ кумирами; это приношеніе въ жертву самой науки особенно поразительно выдается при празднованіи юбилея Востокова. Мы протестуемъ не противъ признанія заслугъ Востокова, которыя сами говорятъ за себя въ его изданіяхъ; заслуги его какъ хранителя Музея были, безъ сомнѣнія, еще плодотворнѣе для круга людей, занимавшихся въ Музее и обращавшихся къ нему за указаніями. Эти заслуги цѣнятся вездѣ весьма высоко; но нельзя не протестовать противъ прославленія ошибочной системы, какія бы ни были чувства, побуждавшія къ тому.

Оставляя пока вопросъ о мечтательномъ Болгарствѣ древнѣйшихъ рукописей, полезно обратить вниманіе на отношеніе дѣйствительныхъ Болгаризмовъ къ положительному Русскому правописанію. Въ Русскихъ рукописяхъ церковно-Словенскихъ, при несомнѣнномъ даже присутствіи положительныхъ Болгаризмовъ, все-таки никакъ нельзя признать отсутствіе разумной системы правописанія, примѣненнаго къ обычному выговору. Описки, объясняемыя недоумѣніемъ писца, болѣею части описки механическія, весьма понятныя при большемъ количествѣ разнообразныхъ начертаній, имѣвшихся въ виду у писца по профессіи, не говоря о разнообразіи, замѣчаемомъ во всѣхъ и каждомъ изъ лучшихъ древнѣйшихъ списковъ, дошедшихъ до насъ. Свобода древнѣйшихъ писцовъ такъ велика, что они видимо не только не держались подлиннаго правописанія, но даже видимо во время переписыванія замѣняли одни выраженія другими по личному сооб-

раженію. Встрѣчаемыя нами нынѣ затрудненія относительно гласныхъ Ъ и Е для древнихъ писцовъ существовали въ несравненно большемъ размѣрѣ. Древніе писцы имѣли передъ глазами три, шесть и даже болѣе различныхъ начертаній гласныхъ буквъ; эта сбивчивость увеличивалась большимъ числомъ разныхъ надстрочныхъ знаковъ, то имѣвшихъ, то вовсе не имѣвшихъ, по крайней мѣрѣ, точнаго, опредѣленнаго, видимого, значенія, судя даже по одной и той же рукописи.

Нѣтъ сомнѣній, что для рѣшенія или, правильнѣе, изслѣдованія сути дѣла, необходимо сравнительное изученіе древняго правописанія въ разныхъ его фазисахъ съ современнымъ произношеніемъ тѣхъ словъ и ихъ измѣненій, которыя заключаютъ въ себѣ неопредѣленные буквы. По этому вопросу крайне полезно справиться съ статьями И. И. Срезневскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1841 года, № 9: О нарѣчіяхъ Славянскихъ; 1845 года, № 12: Обзорѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ Славянскихъ; 1848. № 7: Древнія письма Славянскія. Этими статьями И. И. Срезневскій положилъ начало у насъ положительному изученію исторіи Славянскаго языка. Можно только сѣтовать, что у насъ мало воспользовались собраннымъ имъ въ теченіи 35 лѣтъ обильнымъ и надежнымъ запасомъ и слишкомъ мало обращали вниманія на современное состояніе Славянскихъ нарѣчій и говоровъ для уясненія себѣ древняго правописанія и его отличій. Нельзя однако не сѣтовать, что И. И. Срезневскій не выразилъ съ достаточной опредѣленностію и настойчивостію своего мнѣнія относительно крайнихъ гипотезъ Востокова, долго державшихся какъ будто подъ его покровомъ, тогда какъ при его положительномъ и вѣрномъ методѣ изслѣдованія никакъ нельзя и предполагать, чтобы онъ когда либо смотрѣлъ серьезно на гаданія Востокова. Дѣйствительно, мы находимъ въ послѣдней изъ поименованныхъ статей знаменитаго нашего палеографа, мнѣніе, высказанное имъ всякой примѣси предвзятой теоріи и оставляющее открытымъ поле для изслѣдованій. По

поводу Рыльского списка найденнаго В. И. Григоровичемъ („Каз. Вѣдомости“ 1848. № 20) И. И. Срезневскій говоритъ:

„Не смотря на сомнѣнія, выраженные проф. Горскимъ, мы позволяемъ себѣ думать, что нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ справедливости сказанія о Русскомъ переводѣ нѣкоторыхъ Бого-служебныхъ книгъ въ IX вѣкѣ, до Кирилла и Меѳодія. Иначе можно сомнѣваться и въ сказаніи Черноризца Храбра, что Славяне, „крестившесѣ Римскими и Грьчьскими письмены наждахъсѣ“ и во многомъ другомъ. Имя Россовъ останавливать едвали кого можетъ: Росы (Rhos) извѣстны были и въ Византіи, и на Западѣ въ началѣ IX вѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Пруденцій Тройскій подъ 839 годомъ (Пертца Monum. Germ. Hist. I. 434). Важнѣе, можетъ быть, сомнѣніе тѣхъ, которые, желая видѣть подъ именемъ Россовъ-Руссовъ IX—X в. исключительно однихъ норманновъ не захотятъ въ Еванг. и Псалт., Росьскими письменами писанныхъ, видѣть памятника Славянскаго, но это сомнѣніе поддержать довольно трудно. Сказаніе утверждаетъ, что Кириллъ говорилъ съ Росомъ, и стараясь понять его и быть понятымъ, приноравлялъ къ его языку свой собственный, измѣняя буквы гласныя и согласныя; это можно было сказать только о двухъ сродныхъ нарѣчіяхъ языка Славянскаго, а не Норманнскаго, который, сколько извѣстно, не былъ знакомъ Кириллу, ни тѣмъ болѣе не могъ назваться его языкомъ. Предполагать, что это сказаніе вставлено въ житіе позже какимъ нибудь Русскимъ, тѣмъ менѣе возможно, потому что на Святыхъ братіевъ Кирилла и Меѳодія глядѣли у насъ постоянно, какъ на Грековъ, и слѣдовательно не могли назвать роднымъ языкомъ ихъ языка Славянскаго. Въ дополненіе къ этому сказанію нельзя не припомнить сказанія одного изъ хронографовъ Русскихъ XV вѣка (Рум. М. № 353, л. 446: „се же боуди вѣдомо всѣми языки и всѣми людьми, яко Роуской языкъ ни откуду же пріа святыхъ вѣры сіа, и грамота Роускаа никимъ же яавлена, но токмо самѣмъ Богомъ Вседержителемъ, Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Володимеру

Святый Духъ вдохнулъ вѣроу прияти; а крещеніе отъ Грекъ и прочій нарядъ церковный. И грамота Руская гавилася Богомъ дана въ Корсунѣ Русину; отъ неѣ же научися философъ Костантинъ отъ туду, сложивъ написавъ книги Русскимъ гласомъ; и Евреистѣй грамотѣ тогда же извыче отъ Соморана въ Корсунѣ. Тоже моужь Русинъ бысть благовѣренъ постомъ и добродѣтелью въ честнѣй вѣрѣ, единъ уединився и тѣй единъ отъ Руска языка гавися прежде крестыаннѣй и невѣдомъ никимъ же, откуда есть былъ. Той же бысть въ дни Михаила царя и Ирины Благовѣрныя и потомъ живъ бысть еще. Посланъ бысть Костантинъ въ Мораву... и книги имъ написа Русскимъ гласомъ "... Въ Паннонскомъ житіи св. Константина философа говорится о Евангеліи и псалтири писанныхъ по Русски найденныхъ св. Кирилломъ въ Херсонѣ: „и обрѣте же ту Евангеліе и Псалтири Росѣкы письмены писаны и челоувѣка обрѣте глаголюща тою бесѣдою, бесѣдовавъ съ нимъ, и силу рѣчи приеъмъ своей бесѣдѣ прикладая различна письмена гласная и съгласная... и вскорѣ начать чести и сказати.“ Безымянный продолжатель Константина Порфиророднаго говорить, что ученнѣйшіе мужи не могли приладить 24 Греческія буквы и исчисляеть 35 Русскихъ буквъ, (των Ρωσων) Штритеръ Мет. Рор. Т. IV. подъ г. 867—886.

Оба сказанія весьма важны, подтверждаютъ другъ друга и во всякомъ случаѣ, достовѣрнѣе легенды о переводѣ книгъ Священнаго Писанія въ нашей лѣтописи. Вопросъ, впрочемъ, еще болѣе филологическій, чѣмъ историческій, и долженъ быть рѣшенъ тщательнымъ изслѣдованіемъ о сродствѣ языка древняго текста съ живыми нарѣчіями всѣхъ Словенскихъ племенъ съ точнымъ опредѣленіемъ, что принадлежитъ каждому порознь и что обще всѣмъ племенамъ. Свидѣтельства Паннонскаго житія и Русскаго хронографа важны особенно тѣмъ, что они указываютъ на сравнительный методъ, употребленный для согласованія древняго Русскаго текста псалтири съ Славянскими, Придунайскими и Полабскими нарѣчіями. Что письмен

ность древне-Церковно-Словенская носит слѣды подобнаго тщательнаго согласованія произношенія, въ этомъ сомнѣваться трудно, на основаніи именно ѡсовъ, соотвѣтствующихъ въ то же время 1) носовому произношенію Поляковъ, Хорутанъ, Полабскихъ Славянъ, Болгаръ, не имѣющихъ ринезмовъ и произносящихъ оба ѡса своеобразно, и вмѣстѣ съ тѣмъ 2) произношенію Сербскому и Русскому, отождествляющимъ ѡ и оу. Фактъ существованія книгъ Священнаго Писанія на Русскомъ языкѣ до св. Кирилла не имѣетъ ничего неправдоподобнаго, такъ какъ христіанство было распространено по берегамъ Чернаго моря и существовали издавна епархіи въ Молдавіи и въ Крыму; кромѣ того, книги Священнаго Писанія могли быть распространены и въ средѣ Русскихъ языческихъ и жидовствующихъ теозофовъ. Господствующій фактъ во всемъ этомъ вопросѣ и вполне подтверждающій свидѣтельства Житія и Хронографа, это то соображеніе, что даже еслибы св. Кириллъ и не призналъ нужнымъ отыскивать въ Корсунѣ человѣка, имѣвшаго Русскій текстъ нѣкоторыхъ книгъ Священнаго Писанія, то тѣмъ не менѣе ему, первой задачей, предстояло войти въ сношеніе съ Русскими христіанами, представителями великаго, хотя тогда и разрозненнаго народа; не можетъ быть сомнѣнія, что введеніе Славянскаго языка въ церковную службу, при содѣйствіи Византійскаго императора, не могло имѣть другой цѣли, какъ приготовить отпоръ противъ союза монархіи Карла Великаго съ Римскимъ Папой. То же самое повторилось во время реформаціи, когда протестантскіе реформаторы вступили въ тѣсный союзъ съ Славянами, и протестантскія державы, Англія и Голландія, старались вывести Россію изъ ея одиночества, чтобы привлечь новыя силы для борьбы противъ Франціи и папизма. Свидѣтельства Житія и Хронографа несравненно важнѣе показанія Русскаго лѣтописца, коему совершенно неизвѣстны были соображенія Солунскихъ братьевъ, Византійскаго Двора и сношенія ихъ съ Русскими христіанами, не вошедшими, можетъ быть, даже и въ составъ епархіи, учрежденной во время Владиміра. Въ средѣ Русскаго на-

рода сохранилось слишком сильное убѣжденіе въ независимости древней Русской церкви, чтобы возможно было отвергать не только существованіе христіанскихъ общинъ въ Россіи, но и сильное развитіе ихъ въ Русской средѣ до св. Владиміра. Подъ Русскими христіанами, до Владиміра упоминаемыми въ нашихъ лѣтописяхъ, конечно, прежде всего слѣдуетъ думать о латинскихъ Варяго-Руссахъ; но древнія показанія Русскія и Германскія о Руссахъ христіанахъ и о латинствѣ Варяговъ не исключаютъ вовсе факта о крещеніи многихъ Руссовъ и Варяговъ въ самомъ Царьградѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ историческихъ свидѣтельствъ, не должно упускать изъ виду, что Россія въ первыя 9 столѣтій по Р. Х. была убѣжищемъ для всѣхъ сектъ, гонимыхъ въ Имперіи, о чемъ положительно свидѣлствуетъ одинъ отецъ церкви, говоря, что земля Скивовъ кипитъ еретиками. Самое имя учителя Манеса, Скиванъ, какъ бы оно ни было неопредѣленно, также подтверждаетъ весьма естественный фактъ, указываемый отцомъ церкви.

Галицкая Русь, и въ-особенности Русь Угровлахійская, содержатъ въ себѣ донинѣ Русскіе элементы, которые нетрудно отыскать и въ болѣе отдаленныя времена, имѣвшіяся въ виду и у Святослава, когда онъ говорилъ, что Дунай составляетъ среду его земли, т. е. земли Русской.

Чтобы разъяснить себѣ немного связь, существующую между Болгарскими, Угровлахійскими и Русскими рукописями, не бесполезно поближе присмотрѣться къ сути самого вопроса.

Въ рукописномъ Евангеліи XVI вѣка, кажущемся, по мнѣнію г. Викторова, Угровлахійскаго письма, встрѣчается явный болгаризмъ, т. е. смѣшеніе обоихъ ясовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнные признаки Русскаго произношенія яса на Ѹ. Евангеліе это, писанное въ листъ, заключаетъ въ себѣ, относительно письма, три отдѣла. Первый отдѣлъ писанъ нетвердой рукой, крупными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жидкими унциальными буквами, схожими, напримѣръ, съ заглавіемъ лѣтописи Константина Манассіи, писанной попомъ Филиппомъ для

*

Ⲯ старѣцъ—листъ 204 на оборотѣ; идущема на село—листъ 252 на об.; ничѣсже Ѡвѣщѣвааше—листъ 220.

Повтореніе гласной а весьма часто въ этой третьей части, что указываетъ на признаніе іотированія безполезнымъ, а въ иныхъ случаяхъ обозначаетъ для чтеца долготу произношенія гласной. Въ рукописи главное различіе заключается въ правописаніи; начертаніе же буквъ совершенно согласно со второй частью, и въ третьей части на многихъ страницахъ повторяется твердый и ровный почеркъ второй части, такъ что возбуждается сомнѣніе, не отъ утомленія ли происходитъ различіе въ почеркѣ второй и третьей части. Впрочемъ, различіе въ почеркѣ на оборотѣ листа 194 и на 195 листѣ такъ явно, что кажется какъ-будто съ 195 листа началъ писать ученикъ. Много словъ повторяется съ постоянно тѣмъ же правильнымъ правописаніемъ, напримѣръ: рѣгати, дрѣгъ, хотя на оборотѣ 223 листа встрѣчается дрѣдрѣга; сѣдъ, осяжденіе, пѣть постоянно правильно, хотя рядомъ на страницѣ 224 встрѣчается: пѣвѣсте, како можѣ пѣть вѣдаѣ, азъ есмь пѣть истинна и живѣтъ; въ этой части рукописи, хотя и встрѣчается обычное употребленіе ѡса вмѣсто ѡка и наоборотъ, но правописаніе Русское соблюдается правильно. Весьма рѣдко встрѣчаются ошибки для насъ не обычныя на оборотѣ стр. 223, напр.: заповѣдъ новѣѡ даю вамъ. Здѣсь невозможно, по рѣдкости случая, признать этотъ положительный болгаризмъ за недоразумѣніе писца: кажется, описка очевидна. Въ первой части такое же правописаніе, наоборотъ, объясняется рабскимъ подражаніемъ оригиналу. Такъ, мы находимъ на первой страницѣ имѡ ємѡ ѡѡѡ, а на второй имѡ; на первой же страницѣ грѣдѡѡ^{го}, на второй грѣдѡѡѡ, а на 7-й грѣдѡѡѡѡѡ. Въ грѣдѡѡѡѡѡѡѡ едва ли позволительно признать ѡ, какъ нѣчто отличное отъ ѡѡ, такъ какъ это ѡ съ соединительнымъ знакомъ есть не что иное, какъ іотированное ѡ. На вліяніе положительнаго Болгарскаго правописанія указываютъ мѣстоименія: мѡѡ, сѡѡ, пишущіяся иногда и мѡѡ, сѡѡ, напримѣръ на стр. 1, 3 и 7. Совершенно согласно съ Русскимъ правописаніемъ

встрѣчаются на 8 листѣ: руку, рукѣ; на оборотѣ того же листа: руцѣ, рѣку, но также и рѣкѣ; на пятой страницѣ двнѣ вмѣсто Остромирова доунѣ (Іоан. XX, 22). Ученицы постоянно, но иногда ѡчѣнны. Встрѣчаются формы „несѣть“ и „суть“. Вмѣсто оу въ первой части рукописи встрѣчается постоянно ѡ и у, замѣняемое иногда ѡсомѣ, напр. ѡчѣнны, к несѣмѣ.

Въ „Сборникѣ 12 мѣсяцевъ сказуя главы коемуждо Евангелію избраннымъ святымъ и праздникомъ владычнымъ“, начинающемся съ мѣсяца Сентября, значитса; Іюля 24 день, святыхъ мученикѣ Бориса и Глѣба; 15-го: успѣніе Великаго Князя Владимира; декабря 21, иже въ стѣшѣца нашѣ Петра мѣтрополита роука; Октября 19 день, преп. о. Іоана Рыльского; іюля 28 день, иже во свѣхъ о. нашего Арсенія учителя Сербскаго. На нижней доскѣ переплета надпись: Снѣ книга глаголемаѣ Геванліе села Гездѣвскаго попа Іоанѣ Іоанѣова с причетники, а пописалъ поновъ сынѣ Івѣ Ивановъ своею рѣкою апреля 4 дня 1746^г года.

Восходя отъ позднѣйшихъ рукописей до древнѣйшихъ, не можетъ быть сомнѣнія, что въ древнѣйшихъ нашихъ рукописяхъ ѡсн были архаизмами и соотвѣтствовали Польскому Q и e и Болгарскому положительному аѡ, и Русскому ѡ сближающемуся на Е, какъ доселѣ въ словахъ: начелѣ, началѣ, языкѣ и ѣзыкѣ, часѣ, часѣ, чесы, янтарѣ, и іентарѣ. Появленіе архаизмовъ замѣтно и въ позднѣйшей современной письменности; оно обнаружилось въ появленіи въ современной гражданской азбукѣ обратнаго Э. Не пишется ли „это“ съ обратнымъ э на основаніи той же причины, почему въ устахъ народа „это“ звучитъ іенто и ефто, также ѣфто, іентомѣ и ефтомѣ. Такимъ образомъ обратному э соотвѣтствуетъ звукъ ев и іевѣ или еф. Это въ древнихъ памятникахъ писалось ѣто (см. Слов. Миклошича). Э въ древнихъ рукописяхъ означало іотированіе: въ Дечанской рукописи соотвѣтствовало въ концѣ словъ нашему іе и писано надѣ строкой

надъ і. Оно было тождественно съ начертаніями—ѣ, ѥ, ѧ, є опускающемуся иногда почти незамѣтно ниже строки для отличія отъ простаго є. — Такимъ образомъ, вотъ 6 начертаній для одной и той же буквы въ древнихъ рукописяхъ, обращающихся въ средѣ писцовъ въ видѣ подлинниковъ. Нерѣдко нѣсколько этихъ начертаній встрѣчается въ одной и той же рукописи, и на этомъ основаніи могли бы и этими начертаніями приписывать различные звуковые оттѣнки. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что простое, неіотированное є, замѣняло іотированное, по небрежности писца, по большей же части за излишествомъ, такъ какъ є въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ іотировалось въ древнихъ рукописяхъ и іотируется; кромѣ того є часто іотировалось послѣ н, л, р, ч и другихъ іотирующихъ гласныхъ; такъ мы и нынѣ слышимъ: зелѣный, тежелый, желтый, чеботы, чѣлокъ, о немъ, черствый, черный, щеголь, чѣлнъ; въ Туровской книгѣ Евангельскихъ чтеній XI вѣка: на немъ, ослабленъ; въ Чудовской толковой Псалтыри того же вѣка: нѣго Въ современномъ произношеніи: въ немъ, надежда и надѣжа, одежда и одѣжа, летать и полѣтъ, клѣнъ и кленовый.

Если мы видимъ въ рукописяхъ, что гласная Ё соответствуетъ іотированному О, то мы встрѣчаемъ, на оборотъ, что въ живой Русской рѣчи а, и замѣняютъ другъ друга, напр.: куда, куды, въ Псковскомъ нарѣчій: кудѣ. Подобныя же замѣщенія одной гласной другою, полагаю, были бы приняты въ рукописяхъ за болгаризмы. Трудно не настаивать на этомъ предметѣ, потому что вопросъ тѣсно связанъ съ значеніемъ и пониманіемъ Слова о Плъку Игоревѣ. Вопросъ этотъ, въ добавокъ, находится въ тѣсной связи съ исторіей умственного развитія въ Россіи въ эпоху уничтоженія преподаванія Греческаго и Латинскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и учрежденія въ нашихъ университетахъ кафедръ древне-Церковно-Словенскаго и Славянскихъ языковъ.

Умозаключенія и выводы современной филологической школы вообще неосновательны, сбивчивы, противорѣчащи и — неудачны. Я

никогда не позволилъ бы себѣ выразить столь жесткаго порицанія ученыхъ лингвистовъ, еслибы это строгое заключеніе надъ стоящими въ главѣ науки Нѣмецкими лингвистами не было произнесено такимъ судьей, какъ Whitney.

Профессоръ Славянскихъ языковъ въ Лейпцигскомъ университетѣ Лескіенъ перевелъ сочиненіе Вейтнея явившееся въ 1875 г. на Нѣмецк. языкъ подъ заглавіемъ: *Leben und Wachsthum der Sprache*. Leipzig. 1846.—Взглядъ на дѣло этихъ двухъ профессоровъ достаточно доказываетъ, что наступила необходимость говорить откровенно объ уклоненіи самой важной и самой существенной науки для человѣческаго образованія. Сообщаемыя здѣсь двѣ выписки въ Русскомъ переводѣ, и въ переводѣ Лескіена, для большей достовѣрности, излагаютъ заключеніе Вейтнея о состояніи и значеніи словесной науки:

„Въ подтвержденіе, что это дѣйствительно такъ, можно было бы указать на такіе удивительные образчики изъ среды людей современнаго намъ поколѣнія, пользующихся большими значеніемъ въ качествѣ представителей сравнительной грамматики; эти же люди, какъ скоро они пытаются коснуться самыхъ общихъ истинъ языковѣдѣнія, впадаютъ въ противорѣчія и несообразности, или при менѣе осязательныхъ предметахъ обнаруживаютъ недостатокъ прочнаго и надежнаго теоретическаго основанія“ (стр. 338).

„Хотя Германія — родина сравнительной грамматики, Германскіе ученые, какъ уже замѣчено было выше, гораздо менѣе отличились по части, которую мы назвали языковѣдѣніемъ. Роанъ въ отношеніи къ основнымъ вопросамъ, невѣрность наблюденія, недостатокъ послѣдовательности преобладали не менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и между ними; такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи о Германскомъ языковѣдѣніи, какъ о чемъ-то завершенномъ. А такъ какъ міръ привыкъ ждать указаній изъ Германіи по всѣмъ предметамъ до сего относящимся, то тамъ необходимо напередъ достигнуть нѣкотораго единства, чтобы возможно было утверждать, будто суще-

ствуется обобщенная наука. Между тѣмъ, при современномъ состояніи изслѣдованій, совершенныхъ въ области языковѣдѣнія съ одной стороны, и Антропологій съ другой, хаотическое состояніе очень долго продолжаться не можетъ. Когда люди начнутъ прилагать къ уясненію себѣ тѣхъ явленій жизни и роста языка, которые имъ всего ближе, тогда они несомнѣнно придутъ къ послѣдовательнымъ и разумнымъ воззрѣніямъ на исторію, происхожденіе и самую суть этого древнѣйшаго, драгоценнаго общительнаго учрежденія человѣческаго рода“ (стр. 340, 341).

«Zum Belege, dass es sich so verhält liessen sich leicht aus der jetzigen Generation merkwürdige Beispiele von Männern anführen, die als vergleichende Grammatiker hohes Ansehen genossen und sobald sie versuchen, die allgemeineren Wahrheiten der Sprachwissenschaft zu behandeln, in Widersprüche und Ungereimtheiten verfallen, oder bei weniger eingreifenden Dingen den Mangel einer gesunden und haltbaren theoretischen Grundlage verrathen“ (стр. 338).

Ссылаясь на эти слова, Whitney произноситъ свой приговоръ и указываетъ правильный и надежный путь.

«Aber während Deutschland die Heimat der vergleichenden Grammatik ist, haben die Gelehrten dieses Landes, wie schon oben angedeutet, sich viel weniger in dem ausgezeichnet was wir Sprachwissenschaft genannt haben. Uneinigkeit in Betreff der Grundfragen, Unsicherheit der Anschauung, Mangel an Folgerichtigkeit herrschte unter ihnen nicht minder wie anderswo, so dass man von einer deutschen Sprachwissenschaft als von etwas gewissermassen fertigem noch nicht reden kann; und nachdem die Welt gewohnt ist, in allen hierher gehörigen Dingen die Führung von Deutschland zu erwarten, muss mann dort erst zu einer gewissen Einigkeit gelangt sein, ehe sich behaupten lässt, es gebe eine Gesamtwissenschaft. Indess kann bei dem gegenwärtigen Zustand der Sprachforschung auf der einen, der

Anthropologie auf der andern Seite die Zeit des Chaos unmöglich viel länger dauern; wenn die Menschen anfangen werden, diejenigen Erscheinungen des Lebens und Wachsthums der Sprache, *die ihnen am nächsten liegen*, begreifen zu lernen, dann werden sie sicherlich zu *consequenten* und *vernünftigen* Ansichten über Geschichte, Ursprung und Wesen dieser ältesten und werthvollsten, gesellschaftlichen Einrichtung des Menschengeschlechts kommen“ (стр. 340, 341).

Этимъ мудрымъ указаніемъ на большое мѣсто и на цѣлебное средство Whitney завершаетъ свой трактатъ о жизни и ростѣ языка. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, языковѣдѣніе находится въ болѣзненномъ состояніи и страдаетъ недугомъ наноснымъ. Изученіе собственной нашей живой рѣчи, сродственныхъ намъ нарѣчій Вѣлорускаго и Малороссійскаго, нарѣчій Литовскихъ при изученіи письменныхъ памятниковъ древне-Церковно-Словенскаго языка съ примѣсами живой Русской, Болгарской и Сербской рѣчи не можетъ не дать полезныхъ результатовъ.

При запоздалости и скудости научныхъ филологическихъ изслѣдованій, нигдѣ не слышится болѣе педантическихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма неопредѣленныхъ требованій касательно научныхъ приѣмовъ, примѣненія строгой критической методы, какъ у насъ; нигдѣ не слышится столько фразъ, отуманивающихъ публику и отталкивающихъ людей, непосвященныхъ въ таинственную научную фразеологию. Съ какими цѣлями ни опутывалось изученіе роднаго слова свѣтъ — результатъ одинъ и тотъ же. Наука, вращаясь въ атмосферѣ искусственной, не вызываетъ участія въ образованной и жаждущей образованія средѣ; и образованная и учащаяся масса все болѣе и болѣе теряетъ довѣріе и уваженіе къ добываемымъ результатамъ. Замѣтно становится даже враждебное настроеніе къ филологіи. Изслѣдованія филологическія могутъ являться на свѣтъ только съ помощью правительственныхъ субсидій; въ-слѣдствіе чего интересы самаго общества все болѣе и болѣе теряются изъ виду. Сознаніе

этого факта самими корифеями науки выражено у нас издавна. Академикъ Куникъ сообщилъ въ 1848 году, въ изданныхъ имъ изслѣдованіяхъ Круга, записку, представленную этимъ академикомъ въ 1813 году тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому.

Кругъ, предостерегавшій съ успѣхомъ графа Румянцева противъ Русскихъ любителей церковныхъ древностей для составленія описанія преимущественно церковныхъ книгъ и рукописей и ихъ хранения, — самъ сознается передъ министромъ, что сочиненія его не приносятъ рѣшительно никакой пользы:

„Воспользовался ли кто нибудь моими изслѣдованіями, хотя они или прямо относятся къ этой странѣ, или имѣютъ къ ней близкое отношеніе? Скажутъ, можетъ быть, что это произошло отъ того, что онѣ написаны пока не на русскомъ. Но мое первое сочиненіе еще въ 1807 году переведено на русскій; а знаетъ ли кто объ немъ, и кто читалъ его? Нѣтъ, здѣсь еще нѣтъ публики для такихъ сочиненій.“

Замѣчательно, что въ этомъ аргументѣ Кругъ видѣлъ подтвержденіе мысли о необходимости сосредоточивать разработку отечествовѣдѣнія въ рукахъ чужеземцевъ. Въ той же запискѣ указывается на дилемму въ академическомъ Регламентѣ, характеристично изображающую положеніе дѣла:

„Какъ же исполнится теперь патріотическое желаніе, и по крайней мѣрѣ относительно Русской Исторіи, — желаніе естественное, выраженное въ нашемъ Регламентѣ, занять ученныя мѣста въ Академіи природными Русскими. Нынѣ, можетъ быть, и есть между Русскими занимающіеся исторіей своего отечества; но нѣтъ ни одного, который бы обратилъ на себя вниманіе замѣчательнымъ ученымъ сочиненіемъ и о комъ Академія могла бы подумать при избраніи адъюнкта. При нынѣшнемъ положеніи вещей, она должна была бы избирать людей, которые способны, можетъ быть, во всему другому,

только не къ учености; но какъ чрезъ это Академія мало по малу лишилась бы вовсе своей заслуженной славы, то ей остается избирать опять однихъ иностранцевъ.“

Упомянувъ вскользь о статьяхъ Регламента, составляющихъ будто безвыходную дилемму, Кругъ возвращается къ статьѣ, упрочившей славу Академіи: „А что приобрѣтеніе этой славы есть одно изъ желаній Высочайшей воли въ разсужденіи Академіи, это ясно говорить § 24 нашего Регламента.“

Настойчивость Круга по этому вопросу, конечно, не можетъ удивлять, какъ бы ни былъ грустенъ фактъ, судя по его послѣдствіямъ. Не менѣе важно было своими послѣдствіями вліяніе Круга на графа Румянцева, какъ можно судить по свидѣтельству академика Кунника: „Когда оказалась надобность составить описаніе Церковно-Славянскимъ рукописямъ, канцлеръ спрашивалъ мнѣнія Круга на счетъ тѣхъ, кому можно было поручить этотъ трудъ. Кругъ старался предостеречь его отъ безусловнаго довѣрія къ любителямъ церковной литературы, отдавая въ числѣ ихъ преимущество г. Востокову. Самъ канцлеръ въ этомъ былъ увѣренъ и поручалъ сему славянину важныя работы“ (Изъ біографіи Круга, написанной г. Кунникомъ и составляющей введеніе къ сочиненіямъ Круга, изданнымъ И. А. Н. *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands*. Журналъ М. Н. П. 1850. № 1).

Все что я здѣсь говорю можетъ быть весьма похоже на сплетни; вникая въ историческій ходъ дѣла, трудно не сѣтовать, хотя и скрѣпя сердце. Все какъ нарочно клонится во вредъ пауки. Самыя лучшія и благородныя чувства содѣйствуютъ къ распространенію ложной и, слѣдственно, вредной теоріи. По поводу юбилея Востокова, разбросанныя имъ замѣтки были собраны А. Н. Пыпинымъ и много содѣйствовали къ распространенію въ Россіи теоріи, уже лишенной основанія въ глазахъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Востокова; уваженіе къ заслугамъ достойнаго и трудолюбиваго учителя отодвинуло на задній планъ положительныя и весьма существенныя интересы: самостоятельное

развитіе науки среди самаго общества и основательную, серіозную подготовку учащагося юношества, для многоразличныхъ поприщъ. Факты, самая суть дѣла, систематически жертвовались во имя критики, критики крайней, произвольной и тенденціозной. Завѣтъ, передаваемый въ теченіи полутора ста лѣтъ, заключался въ томъ, чтобы, подъ предлогомъ выспренной критики, вынуть изъ-подъ научнаго зданія не только родную, но и всякую положительную почву, и перенести науку въ міръ отвлеченный. Результатомъ этого послѣдовательнаго маневра было внесеніе въ основаніе всѣхъ человѣческихъ знаній, въ науку роднаго слова, полнаго простора легкомыслію и произволу. Маневръ этотъ оказался тѣмъ болѣе успѣшнымъ, что противникамъ предоставляли безотрадное поприще подвизаться противъ вѣтряныхъ мельницъ.

Въ выше упомянутомъ подстрочномъ примѣчаніи академика Срезневскаго мы узнали, какъ понималъ Востоковъ свою теорію и на какіе факты ссылался въ концѣ своего поприща для исправленія проводимаго имъ ошибочнаго взгляда: „Древнимъ Болгарскимъ онъ называлъ его *иногда* только потому, что всѣхъ Славянъ Задунайскихъ, жившихъ на востокъ отъ Сербовъ, и онъ съ *другими* привыкъ называть Болгарами. Вѣстъ съ тѣмъ онъ *не сомнѣвается*, что родина *Старославянскаго* нарѣчія есть *Македонія*, а потому его можно назвать и Македонскимъ.“

И такъ, мы видимъ, что одна гипотеза замѣняется мимоходомъ другою. Востоковъ зналъ или не зналъ, о чемъ онъ говорить. Если Востоковъ до конца жизни ничего не зналъ о Задунайскихъ Славянахъ, то невидно и основательной причины замѣнять одинъ ошибочный и произвольный взглядъ другимъ. Если же Востоковъ зналъ, о чемъ онъ говорить, то есть, озаботился собраніемъ *нѣкоторыхъ* данныхъ, то еще менѣе понятно, какимъ образомъ онъ могъ указывать на Македонское происхожденіе языка. За отвѣтомъ на его гадательное указаніе неужно ходить далеко. Въ Трудахъ Московскаго Этнографическаго Отдѣла Общ. Люб. Ест. Антр. и Этнографіи,

Кн. III, выпускъ 2-й, 1874 года, находитъ письмо извѣстнаго собирателя Болгарскихъ писемъ Верховича, писанное на Болгарскомъ Мървацкомъ нарѣчїи, сохранившемъ прозвище древнихъ муравьевцовъ, Мирмидоновъ, какъ Болгаре названы въ хроникѣ Малалы. Приводитъ начало этого письма для нагляднаго сужденія о степени близости сродства современныхъ Славянскихъ нарѣчїй съ древне-Церковно-Словенскимъ. Для уясненія себѣ вопроса не худо припомнить себѣ живую рѣчь Русскую, Бѣлорусскую, взять любую Польскую книгу, Хорватскую, Болгарскую и Сербскую.

Г. Верховичъ пишетъ Н. А. Попову:

„Я-зи-ка-на кату живовамъ удомаенъ во градъ Сяръ на *Солунски* та областъ; и са занимавамъ со старинарство, сумъ билъ ималъ сгода да са приближамъ най близу ду селски-утъ животъ и да вникнамъ найдубоку у народни-те чюства и обичаи; за то трачамъ (ми са чине) да сумъ въ состояние да садамъ найбезпристрастно за забуравени-утъ вой народъ, за кои обаче Гарци-те не престанувать-утъ да Туркаты сякавка сгода во своя полза. Утъ какъ вашему високоблагородию изложихъ ся причине-те, утъ кои-ту сумъ побуденъ за сочинение-то на настояще-то ми писмо, я-зи-ка-наса гадатъ да вярувамъ, що ваша милость ќе опростите дулгозбурвание-ту ми, какъ и употребени-ту на частну-ту *Марвацку наречие*, кое содуржава на полну лепотия-та на *Кирилски*-утъ языкъ, и значителну са разликува утъ друзи-те Бугарски наречия пу Македония во гласопроизношения-та и окончание-та некои речи; особенну пакъ любопитное зарли голяму употребување на буква-та *Я!* на примѣръ: дате, дява, дялъ, танка, бяло, прясно, прямо, дрянъ и пр. на място: дете, дева, делъ, тенко, бело, пресно, премно, дренъ и проче.“

Духовные Болгарскіе стихи, изданные Безсоновымъ въ собраніи пѣсенъ калѣкъ переходящихъ, по своему происхожденію, принадлежать, въ значительной мѣрѣ, языку Церковно-Словенскому. Но и

по письму Верховича, и по духовнымъ стихамъ можно судить, до какой степени теорія Востокова не ладитъ съ дѣйствительностью.

Въ Болгарской пѣсни, доставленной Верховичемъ и напечатанной въ „Вългарски народни пѣсни“. (Auguste Dozon. Paris. 1875. стр. 128), находимъ довольно характеристическіе ясы:

Њнчо(=Енчо) ли гди младу Њнчо,
Ярочулъ съ Њнчо отъ край ду край зѣмѣ-та
Колѣа за нѣгуву юнасту
Още толку чи ималъ златни криля,
Златни криля пудъ мишница.
Сички мисляха чи сѣнчо витякъ,
Витякъ отъ зѣмѣй породѣнъ,
Та съ съ нѣгу никой ни фашаше
Ниту не гурешъ ниту на камѣнь фѣрлеше.
Си изляли на Вѣликъ-дѣнъ(=Великъ день) сички юнаци...

По поводу правописанія Вѣликъ дѣнъ, вмѣсто Великъ день, можно замѣтить, что подобное правописаніе находитъ оправданіе въ въ Сербо-Лужицкомъ языкѣ. Слово Wulki встрѣчается нѣсколько разъ въ письмѣ Михаила Френкеля, писаннаго въ 1697 году къ Петру Великому: Khježor, a Wulke Knjezj; также Wulki Car a Wulki Knjez. (ст. И. И. Срезневскаго въ Ж. М. Н. П. 1844. № 7. Ист. оч. Сербо-Лужицкой лит.). Въ приведенныхъ стихахъ ѡ передаетъ звуки є и ѣ, соотвѣтствующіе въ разныхъ Болгарскихъ нарѣчіяхъ звукамъ а, аў, єў, переходящимъ въ з приближающимся къ ы, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ ѡ.

Изъ приведенныхъ Болгарскихъ стиховъ и письма Верховича можно судить, есть ли какое правдоподобіе, что древній Церковно-Словенскій языкъ есть древній видъ языка Македонскихъ Болгаръ. Любопытно также знать научныя основанія, почему въ языкѣ Македонскихъ Болгаръ, или даже вообще Болгаръ, сохранилось большое согласіе съ правописаніемъ Остромирова Евангелія, Супрасльской Мартовской Четин Минен и даже съ Болонской Псалтырю, чѣмъ

правописаніе Сербовъ, Поляковъ и Русскихъ. Въ народной Бѣлорусской рѣчи, на оборотъ, звучитъ досадѣ древнее склоненіе и нигдѣ не могло правильнѣе установиться соотвѣтствіе древняго правописанія къ ринезмамъ. Присутствіе Болгарскаго элемента несомнѣнно и даже весьма замѣтно въ древнѣйшихъ Церковно-Словенскихъ рукописяхъ; но вопросъ въ томъ, которыя изъ ошибокъ являются чаще въ древнихъ рукописяхъ, Русское смѣшеніе ѣ съ оу, или Болгарское съ а, ѣ и ѣ. — Кромѣ вопроса о начертаніи буквъ, есть еще вопросъ грамматическій и синтаксическій, который несравненно важнѣе; на эту именно рѣшающую сторону вопроса Востоковъ призналъ излишнимъ обратить вниманіе. Значенію ѣса въ Болгарскомъ нарѣчій соотвѣтствуетъ въ Русской рѣчи произношеніе гласной а въ словъ: „началъ, началъ, началъ, началъ и началъ“. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что ѣ въ современной Болгарской письменности не имѣетъ этимологическаго значенія, такъ какъ онъ употребляется не на основаніи древняго церковнаго правописанія. — Весьма замѣтно, что въ старинныхъ Болгарскихъ рукописяхъ ѣ тождественъ съ Балгарскомъ ѣ, а въ новѣйшемъ правописаніи ѣ гласной ѣ замѣняетъ ѣ; возвратное мѣстоименіе ся, которое произносится въ современныхъ нарѣчійхъ Болгарскихъ ся, са и се и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему произношенію сѣ въ возвратныхъ глаголахъ: обратиться, обратится, обратится, обратится. Многимъ покажется страннымъ, какъ Востоковъ могъ приписывать Болгарамъ происхожденіе Церковно-Словенскаго языка, или, правильнѣе, правописанія, хотя правописаніе Болгарское находится въ прямой противоположности съ древнѣйшимъ правописаніемъ, склоннымъ къ смѣшенію ѣса и ѣка, тогда какъ въ Болгарской письменности весьма явно соотвѣтствіе ѣса звукамъ а, аѣ, е, еѣ, и, ѣ, относящимся къ носовымъ Польскимъ совершенно такъ же, какъ Русское ѣ и я въ тѣхъ случаяхъ, когда въ древне-Церковно-Словенскомъ находится ѣ и ѣ. Напримѣръ рѣка = гека = роука = Болгарскому = река, и рѣка, бѣдѣ = буду = бѣде = бѣдѣ (бѣ

или бда); иѣжъ Болгаре произносятъ мѣжъ и межъ. Нигдѣ не замѣтно въ дѣйствительныхъ Болгарскихъ древнихъ рукописяхъ, чтобы у Болгаръ существовала склонность писать ѣ вмѣсто оу, и на оборотъ; склонность болгарскихъ писцовъ писать мѣ, сѣ, мѣ, сѣ, вполне объясняется современнымъ произношеніемъ тѣхъ словъ древне-Церковно-Словенскаго, въ коихъ находятся буквы ѣ и ѣ. Объясненіе Востоковымъ, что онъ, приписывая Болгарамъ принадлежность древне-Церковно-Болгарскаго языка, имѣлъ въ виду Македонскихъ Болгаръ, находится въ прямомъ противорѣчій съ дѣйствительностію, и позднее заявленіе его было столь же произвольно, какъ и первое его положеніе. Прозаическая Македонская сказка, сообщенная Верховичемъ и напечатанная въ томъ же Сборникѣ, изданномъ въ Парижѣ Дозономъ, можетъ дать наглядное понятіе, до какой степени гаданія Востокова принадлежали міру дѣйствительному. Правописаніе сохранено по списку доставленному г-мъ Верховичемъ.

„Фѣ ѣдна гора ималуждни многу убави сарая утѣ голу злату изградяни, и въ тѣхъ сѣдяла ду три сѣстри ламни много гуляни, котри още отъ малички са крили тамъ, защо имали брате дуръ осѣмъ пмѣлюва и ги тѣрали да ги у трапатъ, и чунки майка хми ни могла да ги крие, зградила хми въ тѣзи гора златни сарая, и ги уставила тамъ да сѣдѣтъ. Тѣзи три ламни слявали на пѣтвотъ, и лю кой заминувалъ гу изявали и испивали фратъ ѣзаро-гу, утѣ котро подилу вода на царскио градъ, и тѣй кюли запустѣтъ градъ тѣ! Иарьотъ са чудилъ какъ да утрѣпе тѣзи ламни, и пратилъ на сѣваде фѣрманъ, лю кой наямне да утрѣпе тѣзи ламни, на нѣгу да са и тѣхни-те златни сапая, и язъ кю му дамъ за ѣяна моя-та си дѣщере, и кю царюва заѣдну съ мѣне“.

Въ изслѣдованіи Биларскаго о средне-Болгарскомъ вокализмѣ по Патріаршему списку лѣтописи Манассіи, слишкомъ много представлено мѣста гадательному Болгарскому произношенію, въ древнія времена, той или другой гласной и полугласной. Все, что можно вывести изъ Болгарскаго памятника, это то, что большой ѣсъ употреб-

ляемъ былъ часто вѣсто малаго, и наоборотъ. Это совершенно согласно съ нынѣшнимъ произношеніемъ Болгарами тѣхъ словъ, гдѣ въ древне-Церковно-Словянскомъ языкѣ находился одинъ изъ обихъ ѡсовъ: а, я, е, и, ѣ. Можно предполагать, что оба ѡса для Болгаръ, соотвѣствуя звукамъ Аѣ, Еѣ, Е, съ переходомъ въ Ъ и даже Ы не соотвѣтствовали древнему правописанію, почему они и не придавали значенія, основаніемъ или вершиной треугольникъ помѣщенъ на трехъ ножкахъ (ММ). Еще болѣе предположеніе это оправдывается относительно полугласныхъ Ъ и Ы. Болгаре, согласуясь съ древнимъ правописаніемъ, пишутъ дѣждь, младость, а произносятъ дѣждь, младость. При этомъ отношеніи племенныхъ нарѣчій къ древне-церковному, весьма понятно, что Ъ и Ы неправильно замѣняютъ другъ друга въ рукописяхъ или избирается одинъ изъ нихъ не потому, что въ произношеніи существуетъ исключительно одно или другое, но именно потому и признается двойскій знакъ излишнимъ, что двойственность сбивчива и часто находится въ прямомъ противорѣчій съ мѣстнымъ обычаемъ. Это затрудненіе было причиною частаго замѣненія ѣ-ра и ѣ-рика надстрочнымъ знакомъ.

Полякъ читаетъ рѣка, ренка, Русскій рука, а Болгаринъ рѣка, рака и рока; также точно пѣть, мѣжь, мѣка, голѣбъ произносятся на А, на О и на Ъ; ѡ въ нынѣшнемъ правописаніи соотвѣтствуетъ въ турецкихъ словахъ звуку Ы; а въ разныхъ прочихъ соотвѣтствуетъ звуку а и е. Окончаніе глаголовъ идѣ, могѣ, катѣ произносятся ида, мога, ката. Мѣ, сѣ, равно какъ и мѣ, сѣ произносятся Болгарами ма, мя, ме, са, ся, се.

Точно также мы Русскіе произносимъ куда и куды, Псковитяне кудѣ. Въ древней письменности встрѣчаются кѣда, куды, кудѣ, кѣди, коудоу, кѣдоу. Можно предполагать, что варіація эта есть не что иное, какъ правильное склоненіе, но дѣло въ томъ, что въ памятникахъ варіація эта встрѣчается наперекоръ предлогамъ.

Какъ мало ѡ въ Болгаріи имѣлъ носовое произношеніе, видно изъ Валахскаго правописанія, заимствованнаго отъ Болгаровъ. Ва-

лахи для обозначенія ринезма приставляютъ къ ѡ согласную -и. Гъсь по-Валлахски гънскъ; ослѣдъ, осужденіе; мѣтъ, рука; main, manus; сѣтъ, суть, sunt, sind, французское sont. Произношеніе гласной приближается къ ѣ-ру, т. е. къ Болгарскому произношенію ѡса съ необходимымъ прибавленіемъ къ оному и, что было бы излишне, еслибы ѡ имѣлъ носовое произношеніе въ Болгарскомъ. Ср. Фонетика Болгарскаго нарѣчія Ф. Миклошича и примѣчанія переводчика статьи, Петровича. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1852, № 10.

Уклоненія эти о болгарствѣ вызываются, кромѣ важности вопроса о правописаніи по отношенію къ настоящему буквенному изслѣдованію, еще тѣмъ побужденіемъ, что Пѣвецъ нашъ былъ заподозриваемъ, на основаніи теоріи Востокова, и въ Сербскомъ и въ Болгарскомъ происхожденіи. Надеждинъ видѣлъ въ немъ Карпато-Русса и говоритъ, что онъ собралъ въ Галиціи много комментаріевъ для объясненіи пѣсни, оставшихся доселѣ неизвѣстными. Безсоновъ признаетъ не безъ основанія отечествомъ Пѣвца Игорева Бѣлоруссію. Весьма можетъ быть, что всѣ эти взгляды и впечатлѣнія имѣютъ до извѣстной степени основаніе. Сочетаніе всѣхъ этихъ различныхъ оттѣнковъ вполне объясняется связью Пѣвца Игорева съ Черниговской областью. Здѣсь, на рубежѣ Могилевской губерніи, живутъ смѣшанно Бѣлоруссы, Малороссы и Великоруссы и въ народныхъ устахъ слышится доселѣ въ высшей степени поэтичная и художественная рѣчь съ весьма замѣтнымъ архаическимъ оттѣнкомъ.

Какъ бы оно ни казалось страннымъ, но дѣло въ томъ, что для занимающихся спеціальными изслѣдованіями въ 1875 году, по вопросамъ Русскимъ историческимъ и филологическимъ, чувствуется еще запутанность, внесенная въ науку Востоковымъ, и потому немудрено, что стройнаго научнаго зданія не воздвигается.

Весьма понятно, что ложное опредѣленіе, положенное Востоковымъ въ основаніе науки и распространенное его учениками изъ уваженія къ учителю, могло произвести и произвело разочарованіе.

Сознаніе современной наукой, что цѣль ея не преслѣдованіе призраковъ въ вымышленномъ мірѣ, необходимо ведетъ къ рѣшимости замѣнить призраки положительными данными, а данныя эти для филологін, какъ весьма давно извѣстно, суть: древніе документы, памятники, устные преданія, молитвы, заговоры, пѣсни и—прежде и болѣе всего—живая и безыскусственная народная рѣчь. Для этой работы всегда найдется много призванныхъ, и самыя ошибки изслѣдователей теряютъ свою злостворную силу, потому что дѣйствительность постоянно указываетъ, когда дѣло не ладно. Положительная наука не можетъ не примирить общества съ наукой, въ-слѣдствіе чего можно ожидать и притока матеріальныхъ средствъ, необходимаго для жизни науки; направленіе науки путями недоступными обществу къ цѣлямъ, покрытымъ таинственнымъ и туманнымъ покровомъ, не можетъ не вести уже къ замѣтному оскудѣнію матеріальныхъ средствъ. Схоластическая мудрость оказывается безусловно плохимъ служеніемъ дѣлу и плохимъ расчетомъ по мѣрѣ размноженія числа людей, посвящающихъ себя изученію жизни роднаго языка. Чтобы филологія подвигалась въ Россіи, въ нашъ вѣкъ необходимо много силъ для спеціального разработыванія многосложнаго дѣла—дѣло уже не можетъ сосредоточиваться въ однихъ рукахъ. Тому пятьдесятъ лѣтъ, Востоковъ рѣшалъ вопросы не вникая глубоко въ дѣло. При раздѣленіи труда и при болѣе успѣшномъ ходѣ дѣла, нѣтъ основанія опасаться, чтобы число пользующихся учеными трудами также бы не возрастало весьма быстро. Гдѣ нѣтъ предложенія, тамъ нѣтъ и спроса.

Вліяніе ученыхъ отвлеченныхъ изслѣдованій не можетъ не отражаться на школахъ, не смотря на всѣ заботы учителей устранять все загадочное и сомнительное. Покойный Перевлѣскій, въ своей превосходной грамматикѣ древняго Церковнаго Словенскаго языка, по слѣдамъ Востокова и его учениковъ, необходимо долженъ былъ признать древній Церковно-Словенскій языкъ Болгарскимъ Македонскимъ, принадлежавшимъ, —говоритъ Перевлѣскій съ оговоркой, — „тѣмъ Славянамъ, которые покорены были Болгарами“. Такимъ

образомъ *опредѣленіе* Востокова восходитъ къ понятію вполне загадочному и, въ добавокъ, крайне сбивчивому. Названіе „Паннонское“, наоборотъ, имѣетъ весьма солидное историческое основаніе и устраняетъ всякую запутанность по совершенной неопредѣленности племенъ, обитавшихъ въ Панноніи, и еще болѣе въ совершенной неизвѣстности на какомъ языкѣ молились, писали и говорили образованные классы людей въ главныхъ Паннонскихъ городахъ, и не былъ ли этотъ языкъ общимъ Солуню, Корсуню, Вендскимъ городамъ и Новгороду.

Названіе Церковно-Словенскаго языка Паннонскимъ оправдывается самымъ названіемъ житія Меоодія — Паннонскимъ. Въ похвальномъ словѣ нашимъ первоучителямъ по списку Московскаго Успенскаго собора XII столѣтія, страны, гдѣ начался разсвѣтъ Словенской церкви, названы Паннонскими и Моравскими: „ти чисто црѣво и свѣтообразно жито предаста въ западныхъ же странахъ Паноньстѣхъ и Моравьскахъ странахъ яко сїнца всьнявъша.“

Въ службахъ Словенскимъ первоучителямъ, изданныхъ въ Кирилло-Меоодіевскомъ Сборникѣ въ 1865 г., по Болгарской рукописи, хранившейся при больницѣ Зографскаго монастыря, находимъ, стр. 254, § 18: Истѣй настолникъ славнаго Андроника славне яви-ся. украся прѣстоль сїня црѣве пононскѣмъ мудре. Стр. 255, §§ 28: А ваоу сїаа хвалится славно градъ Солоунскѣи, Куріе сїе и Меоодіе. мисіа и паноніа и моравьскаа блѣне земѣ. Стр. 256, § 36: Тя блжене поетъ земѣ моравьскаа, честно твое тѣло имѣщи и паноньскаа стѣю просвѣщена тобоѣ. и людиіе ею съшедшесѣ празднуѣтъ твоѣ памѣть.

Въ случаѣ, если уже такъ было нужно дать названіе церковному языку, принадлежащее Болгарской мѣстности, то съ нѣкоторымъ основаніемъ можно было бы назвать его Солунскимъ, ссылаясь на слова императора Михаила, передаваемые въ Паннонскомъ житіи св. Меоодія: „вы бо еста Селунянина: да Селунянине все чисто Словен-

ски бесѣдуютъ“. Названіе языка Солунскимъ, равно какъ и Паннонскимъ не запутывало бы дѣла, подобно названію Болгарскій и Болгаро-Македонскій. — Солунскій языкъ этотъ, языкъ литературный Солунскихъ горожанъ, былъ близокъ къ языку Русскихъ Корсунянъ, что видно изъ житія св. Кирилла: „обрѣте же ту (въ Корсунѣ) Евангеліе и Псалтирь Русскими письмами писано, и человека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ и силу рѣчи приимъ“. Сіе сказаніе, — говоритъ А. В. Горскій, (Кирило - Меодійскій Сборникъ. Москва. 1865, стр. 10), — отъ слова до слова согласно съ выпискою, помѣщенною изъ Хронографа XV ст. при переводѣ сочиненія Добровскаго: Кирилль и Меодій, стр. 118, 119: „пришедъ вои“ Латинскіи въ Мораву, и въ Чехи, въ Ляхи, разрушиша вѣру правовѣрную, и Русскую грамоту отверже. А. В. Горскій исправляетъ „Вѣйтѣхъ Латинскій“ вмѣсто „вои Латинстѣи“. Войцѣхъ, епископъ Пражскій, тоже лице, что Адалбертъ, убитый въ землѣ Пруссовъ и Руссовъ, по Германскимъ хроникамъ. Показаніе хронографа о присутствіи Русскаго элемента среди Чеховъ, Ляховъ и Моравовъ, весьма важно и находится въ полномъ согласіи съ Нѣмецкой и Латинской Славянской хроникой, упоминающей о выводѣ остатковъ Руссовъ и Пруссовъ въ Польшу Болеславомъ. Латинскій хроникеръ употребляетъ выраженіе *reliquias* не упоминая вовсе объ Адалбертѣ и перенесеніи его мощей, что, по Библейскому значенію этого слова, относится къ остаткамъ народа такъ-же, какъ и къ браннымъ остаткамъ умершаго. — Въ *chronicon parochi Suselensis* p. I. c. II читаемъ: *Int iar unses heren M und I dat is in deme ende des rikes des III Ottonis in der tijd Bilislaus eyn konyngk van Pálen syk vorbunden hadde mit dem III. Keiser Otto alle wendesche lant welke auer der Ader synt auerlang under den tribut weren ghebracht. Unde uth Russen und Prussen reliquien hadden transferet in Pálen*“. Адамъ Бременскій говоритъ о мощахъ Св. Адалберта. У Гельмольда, повторяющаго слова схолиаста Адама Бременскаго: *Sed*

et Ruciam et Prusos, a quibus passus est Adelbertus Episcopus (Воицѣхъ), cujus reliquias tunc Bolislaus transtulit in Poloniam.

Въ Сузленской Славянской хроникѣ (стр. 27), какъ и въ Нѣмецкомъ переводѣ: et Rutziae ac Prutziae reliquias in Poloniam transtulisset. — Какъ видно, все дѣло въ томъ, что у Гельмольда въ единств. числѣ мѣстоименіе, cujus. Не находится ли въ рукоп. quogum? Впрочемъ разногласіе это не имѣетъ значенія относительно вопроса о присутствіи Русскаго элемента и гоненія на него въ Моравіи, Чехии и Польшѣ. Въ хроникѣ Гильдесгеймской, подъ годомъ 960, также говорится, что Оттонъ послалъ Адальберта къ Руссамъ по ихъ просьбѣ; а въ письмѣ Оттона, въ 968 году, упоминается о посылкѣ Адальберта къ Ругіямъ, тѣмъ же Руссамъ.

* *

Е. В. Барсовъ, въ статьѣ Ж. М. Н. П. 1876 г. за сентябрь мѣсяцъ, сообщаетъ нѣсколько данныхъ для исторіи интерпретации Слова о Пльку Игоревѣ. Мы узнаемъ изъ этой статьи, что Тимковскій затруднялся только объясненіемъ словъ: зегзица, ортна, папорози стрікусы, тлековины, харалужный, шерениры. Слова эти и донныѣ остались безъ достовѣрнаго объясненія, за исключеніемъ слова „тлѣковины“—бродячія племена по Лаврантьевской Лѣтописи, и слова „зегзица“, нигдѣ не встрѣчающагося, но однако вполне понятнаго по созвучію съ Бѣлорусскимъ зязюля, зязюличка—кукушка. Всего ближе къ зегзицѣ Латышское названіе молодой кукушки: Dseguseni. Dseggus-en (a)-s. (Die Lettische Sprache von A. Bielenstein. I Theil. Berlin. 1863. стр. 330).

Графъ Румянцевъ отвергалъ древность слова „женчугъ“ и замѣтилъ, что „въ Словенскихъ книгахъ жемчугомъ называется *бисеръ маргаритъ*“.—Кажется, понимать слѣдуетъ на оборотъ, что жемчугъ назывался бисеромъ маргаритомъ. Въ Лѣтописяхъ слово „женчугъ“ и „жемчугъ“ встрѣчается нерѣдко при описаніи иконъ и разныхъ церковныхъ и домашнихъ утварей. Про-

тивъ древности титула „салтанъ“, графъ Румянцевъ выписывалъ изъ Дегиныя, что султаномъ первый названъ былъ Махмудъ Талекъ, царь Газневидовъ. Турецкая династія, царствовавшая въ Газнѣ, въ Кабулистанѣ, получила отъ Калифа Багдадскаго титулъ султанскій въ царствованіе Махмуда (отъ 997 по 1030). Династія эта, исчезнувшая въ 1189 г., владѣла отъ Персидскаго залива до Каспійскаго моря, и потому должна была быть извѣстна и въ Россіи. Кромѣ султановъ Газневидовъ не могли не быть извѣстны Русскимъ султаны Иконійскіе, въ концѣ XI и первой половинѣ XII столѣтія: Солиманъ, Килидж Арсланъ, Зайсанъ, Массудъ; въ то же время были весьма извѣстны султаны Алеппскіе и Дамасскіе (ср. Зам. на С. о П. Иг. стр. 292). Гр. Румянцевъ, справившись у Дегиныя, что и слѣдовало сдѣлать, обратилъ вниманіе лишь на послѣдняго Газневиды, убитаго и схороненнаго въ Газнѣ, въ концѣ XII столѣтія. Русскіе князья были даже въ родственныхъ связяхъ въ Иконійскими султанами. — По поводу сомнѣній гр. Румянцева относительно Пирогощей иконы Божіей Матери, Карамзинъ уже указалъ, что гр. Румянцевъ смѣшивалъ Пирогощую икону съ иковой, писанной Св. Евангелистомъ Лукой, перенесенной во Владиміръ дѣйствительно въ 1160 г. На это гр. Румянцевъ возражалъ, что икона Св. Луки писана масляными красками, а живопись маслянными красками изобрѣтена позже. Какое отношеніе вопросъ о времени употребленія масляныхъ красокъ въ живописи имѣетъ къ Слову о Плѣку Игоревѣ не было заявлено. Сомнительнымъ казалось гр. Румянцеву упоминаніе Венедицъ, что довольно странно по той господствующей роли, которую Венедицы играли въ Константинополѣ до 1185 года.

Изъ найденныхъ г. Барсовымъ „Замѣтокъ Малиновскаго“, мы узнаемъ, что онъ выписывалъ изъ Слова о Плѣку Игоревѣ слова, стараясь передать древнее правописаніе, какъ видно изъ его поправокъ: 1) Уже бо бѣди его пасеть птицъ; 2) И рассушѣ стрѣлами по полю; 3) Орѣтъ-нами. Этотъ третій варіантъ едва ли могъ

находиться въ рукописи (ср. выше вар. 59); 4) Строужіе; 5) Земля тоутнетъ; 6) Харалоужини; 7) Шелоны оварьскія; 8) Тоже звонъ слыша; 9) На казатиноу. Этотъ вариантъ къ слову „канину“, находящемуся въ Пушкинскомъ Изданіи и Архивской копіи, заставляетъ предполагать, что Малиновскій выписывалъ слова для справокъ. Чтеніе гр. Мусина-Пушкина было отъѣнно правильное: трудно усумниться, чтобы слово „канину“ въ древней рукописи не было написано ^ккнпоу что весьма правильно прочтено „каниноу“. Малиновскій предполагалъ въ этомъ начертаніи монограмму „азат“, а гр. Мусинъ-Пушкинъ сохранилъ въ печатномъ текстѣ чтеніе, принятое при снятіи копіи для императрицы Екатерины. Слово „канину“, судя по переводу, принималось въ значеніи „копской, копиной“, что совершенно согласуется съ значеніемъ слова „паполома“, попола. — Малиновскій видимо былъ наведенъ на эту догадку существованіемъ мѣстности Казатино — пунктъ соединенія желѣзныхъ дорогъ, идущихъ изъ Житомира и Кіева на югъ. Борисъ Вячеславичъ былъ убитъ на Нѣжатиной Нивѣ, откуда перевезенъ по Дѣбпру въ городецъ насупротивъ Кіева. Еслибы Казатино соответствовало Нѣжатиной Нивѣ, то оказалось бы, что Малиновскій разобралъ правильно вязью писанное слово. Мнѣ кажется, что ближе всего, при свойственномъ древнему Русскому языку а вмѣсто о, принять догадку Вельтиана о сближеніи „канину“ съ значеніемъ „коньну“, то есть „конскую“ и „конечную“. Ср. Зам. на Сл. о П. Иг. стр. 175, 176, и въ указателѣ подъ словомъ „канину“. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, записанной М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова и напечатанной въ Памятникахъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи Е. В. Барсовымъ:

Убилъ то тутъ всѣхъ разбойничковъ

Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;

И привязалъ то одного разбойника къ оторокамъ кониннымъ,

И поѣхалъ въ путь-дороженьку широкую отъ силы убитой
(стр. 24).

Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто
 Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ,
 И вышебъ Соловья Рахманаго
 Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
 И привязалъ то старой казакъ Илья Муромецъ Соловья Рахманаго
 Къ этиниъ къ оторокамъ коннымъ (стр. 27).

10) Кивахоуть; 11) На уедіе; 12) Ничить трава; 13) въ стунилъ двою на землю Трояню въсплескала лебедиными крылы, на синѣи море, оудоноу плещоучи; 14) потрепати; 15) излоуку моря; 16) Кають кн. Игоря, иже погроузи жиръ; 17) Тѣщии тоулы поганыхъ тлѣковинъ. Всѣ эти слова помѣчены были Малиновскимъ для памяти, чтобы на досугѣ о нихъ пометать.

Кромѣ того, г. Барсовъ приводитъ еще два варианта, помѣченные на особомъ листѣ въ ряду другихъ выписокъ:

18) грояхнууть въѣсто гряяхуть; 19) а галицы свою рѣчь говоря, хуты хотять полетѣти на уедіе.

Г. Барсовъ не сообщаетъ, какой характеръ имѣли выписки Малиновскаго, между конми встрѣчаются двѣ послѣднія: несуществующее „грояхнууть“ ни въ печатномъ текстѣ, ни въ копіи сдѣланной для императрицы; это весьма могло быть предположеніемъ Малиновскаго, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозривать издателей въ исправленіяхъ; они могли плохо понимать начертаніе, неправильно раскрывать титла, но исправленій положительно не замѣтно: хотя въ этомъ данномъ случаѣ они совершенно правильно замѣнили бы „грояхнууть“ весьма извѣстнымъ и понятнымъ „гряяхуть“. Нѣтъ никакого основанія придавать какую либо важность черновымъ замѣткамъ Малиновскаго, сдѣланнымъ имъ съ неизвѣстною намъ цѣлю; напр. могло быть грояхнуть, записано имъ какъ догадка, подъ вліяніемъ не подходящаго глагола грохнуть. Въ виду придаваемого г. Барсовымъ значенія бумагамъ Малиновскаго, кажется, первымъ дѣломъ было бы посвятить читающую публику въ чѣмъ состоятъ эти бумаги, —

въ какой библіотекѣ и за какимъ № онъ хранится, и съ какой видимою цѣлью замѣтки были заносимы Малиновскимъ на бумагу. — Что Малиновскій обращалъ вниманіе на правописаніе, въ этомъ сомнѣваться не слѣдуетъ, имѣя въ виду поправки¹сдѣланныя имъ, напр. замѣненіе гражданскаго добра церковнымъ (д). Но самый фактъ поправокъ, съ другой стороны, убѣждаетъ насъ, что слова записываемы были не съ особою тщательностію, именно для палеографическихъ соображеній. Все, что можно заключить изъ двухъ поправокъ Малиновскаго съ нѣкоторой достовѣрностію, это то, что слово „синѣмъ“ было дѣйствительно написано съ Ъ; на основаніи же Архивскаго варианта можно предположить, что оно написано было съ іотированнымъ ѣ, ге, неизвѣстнымъ Малиновскому. 19-я выписка положительно сдѣлана не съ цѣлію отличить правописаніе, а единственно для сохраненія мимо-летней догадки: рѣчь говоря, хуты хотять. Сомнительно, чтобы это была точная копія; едва ли находилась въ рукописи запятая посреди слова „говоряхуть“; все, что можно допустить, это то, что говоря хоуть было написано съ двумя надстрочными знаками въ видѣ акцентовъ, опущенныхъ достаточно низко, чтобы ихъ можно было, съ грѣхомъ пополамъ, принять за запятую и за приставку къ ѣ-рику. Выписка съ раздѣленіемъ глагола на причастіе и „хуты“ скорѣе заставляетъ предполагать, что Малиновскому „хуты“ представлялись въ образѣ какихъ-то хищныхъ наѣздниковъ или хищныхъ птицъ, о коихъ слѣдовало справиться. Исправленіе буквы Д въ словѣ „уедіе“ никакимъ образомъ не намекаетъ на намѣреніе отиѣтить эту букву съ палеографической или орфографической цѣлію, такъ какъ это начертаніе не представляетъ никакого интереса; и при выпискахъ, сообщенныхъ г. Варсовымъ, вовсе не замѣтно, чтобы Малиновскій вообще сохранялъ древнее начертаніе буквъ. Малиновскій, видимо, не понималъ всей фразы. Слово „уедіе“, неизвѣстно почему, казалось ему особенно сомнительнымъ, и онъ отиѣтилъ церковное начертаніе добра (д), такъ какъ подобное начертаніе могло обозначить и другую букву и въ полууставной рукописи, и въ скорописной. Вообще

замѣтно по вариантамъ, что начертанія буквъ казались первымъ издателямъ сбивчивыми и загадочными.

Изъ представленной ниже сравнительной таблицы нельзя не убѣдиться, что первые издатели дѣйствовали добросовѣстно и читали правильно; транскрипція Малиновскаго подтверждаетъ вполне первое изданіе. Заслуга г. Барсова въ этомъ отношеніи несомнѣнна. Не смотря однако на мою твердую вѣру въ совокупную правдивость гр. Мусина-Пушкина, Малиновскаго, Бантишъ-Каменскаго, Карамзина и Ермолаева, не могу не замѣтить, что свидѣтельство Малиновскаго было бы недостаточно, еслибы сомнѣнія на счетъ правописанія были существенныя. Малиновскій принималъ значительное участіе въ изданіи, и потому, весьма понятно, существуетъ согласіе между его выписками и печатнымъ текстомъ. Тѣмъ не менѣе, сообщеніе, сдѣланное г. Барсовымъ, весьма важно, такъ какъ оно захватываетъ самый процессъ изданія знаменитаго памятника въ его черновомъ, не подготовленномъ видѣ.

Если я позволяю себѣ здѣсь оспаривать тезисъ г. Барсова, то это лишь единственно на томъ основаніи, что онъ подтверждаетъ тезисъ г. Тихонравова, будто бы рукопись была писана скорописью, что прямо возводитъ тяжкое обвиненіе въ сознательномъ подлогѣ и укрывательствѣ всѣхъ причастныхъ лицъ къ первому появленію въ свѣтъ излюбленнаго памятника. Съ моей точки зрѣнія, я не вижу важности — принадлежала ли рукопись къ памятникамъ конца XIV столѣтія, къ XV столѣтію или къ XVI столѣтію. Нѣтъ даже важности, еслибы и доказано было, что полууставъ, кониъ была написана пѣснь, переходилъ въ скоропись. Едва ли переходъ, не въ скоропись, а къ скорописи, не составляетъ существеннѣйшаго отличія полуустава отъ устава.

Что касается до настоящаго изслѣдованія, то оно существенно расходится съ предположеніемъ Н. С. Тихонравова касательно лишь вопроса о скорописи, и я вполне убѣжденъ, что Н. С. Тихонравовъ, углубленный въ свое изслѣдованіе, упустилъ изъ виду, что недостаточно одной остроумной догадки, чтобы опровергнуть соглас-

ныя показанія нѣсколькихъ честныхъ людей. Самое вѣсское основаніе, по коему утраченную рукопись слѣдуетъ считать принадлежащею къ XIV столѣтію, это причисленіе оной академикомъ Срезневскимъ къ этому столѣтію. Орфографія и словосочиненіе въ текстѣ даютъ достаточныя данныя нашему знаменитому палеографу, чтобы опредѣлить эпоху написанія рукописи, не выдавъ ея. — Едва ли есть рукописи не священнаго писанія, писанныя въ XVI столѣтіи, которыя не носили бы слѣдовъ своей эпохи, даже если вовсе не обращать вниманіе на почеркъ.

Взглядъ г. Барсова на важность записанныхъ Малиновскимъ словъ для опредѣленія вѣка и почерка рукописи, изложенъ имъ на стр. 19-й статьи его въ Сентабрской книжкѣ Ж. М. Н. П. текущаго года. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ ссылается на опытность самаго Малиновскаго, бывшаго директоромъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ и на изслѣдованія г. Тихонравова. Г. Тихонравовъ, въ изданіи своемъ, приводитъ, для поясненія своего взгляда, образцы самой неуставной скорописи, способной отбить всякую охоту у учениковъ, ближе ознакомиться съ нашими древними дѣловыми бумагами XVI и даже XVII столѣтій. Не бесполезно, для ближайшаго ознакомленія съ обстановкой палеографическаго вопроса, представить читателю слова много уважаемаго собирателя народныхъ пѣсенъ и драгоценныхъ причтаній Олонецкаго края. „Извѣстно, что Н. С. Тихонравовъ, сравнивая первое изданіе Слова съ Архивскимъ его спискомъ, дошелъ до весьма важныхъ палеографическихъ особенностей, отличавшихъ подлинную рукопись, и на основаніи ихъ опредѣлилъ тотъ самый вѣкъ, который указанъ Малиновскимъ. Къ тѣмъ же выводамъ пришли и мы, основываясь на данныхъ, найденныхъ нами въ бумагахъ А. О. Малиновскаго, о чемъ и было нами доложено на III-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, въ 1874 г.“

Для наглядности прилагаю здѣсь таблицу 64 словъ, выписанныхъ Малиновскимъ, вполне подтверждающихъ правильность пер-

ваго изданія 1800 года, съ соответствующимъ правописаніемъ по 1-му изданію и по Архивскому списку и съ предполагаемымъ правописаніемъ утраченной рукописи. Въ столбцахъ вездѣ, гдѣ слово не написано и замѣнено чертой, значить, что правописаніе совершенно согласно съ Малиновскимъ. Черта въ 4-мъ столбцѣ обозначаетъ что правописаніе въ древней рукописи предполагается тождественнымъ съ Малиновскимъ. Пропущены въ таб. слова: зелену наполюмоу.

Малин.	Пушк.	Архивск.	?
1. уже	—	—	оуже
2. бо	—	—	—
3. бѣды	—	—	—
4. его	—	—	—
5. пасеть	пасеть	—	пасѣ (46)
6. птицъ	—	—	—
7. и	—	—	—
8. рассушѣ	рассушася	рассушася	рассушѣ (58)
9. стрѣлами	—	—	—
10. по	—	—	—
11. полю	—	—	—
12. орьтъ-нами	орьтънами	орьтънами	орѣтънами (59, 60)
13. строужіе	стружіе	стружіе	—
14. земля	—	—	—
15. тоутнеть	тутнеть	тутнеть	—
16. харалоуж- ными	харалужными	харалужными	—
17. шеломы	—	—	—
18. оварьскыя	—	—	—
19. тоже	—	—	—
20. звонъ	—	—	—
21. слыша	—	—	—
22. на	—	—	—
23. казатиноу	канину	канину	каниноу, каниноу
24. кибакхоуть	кибакхуть	—	—
25. усадкѣ	—	—	оусадкѣ

Малин.	Пушк.	Архивск.	?
26. ничить	—	—	—
27. встоупилъ	вступилъ	вступилъ	—
28. двою	дѣвою	дѣвою	дѣвою
29. на	—	—	—
30. землю	—	—	—
31. Трояню	—	—	—
32. въсплескала	—	—	—
33. лебедиными	—	—	—
34. крылы	крылы	крылы	кѣлы (122)
35. на	—	—	—
36. синѣмъ	—	синемъ	синѣмъ (123)
37. море	—	морѣ	морѣ (125)
38. оу	у	у	—
39. доноу	дону	дону	—
40. плещуочи	плещуци	плещуци	—
41. потрепати	—	—	—
42. изъ	изъ	изъ	изъ
43. лоукоу	луку	луку	—
44. моря	—	—	—
45. каютъ	каютъ	каютъ	каю
46. Кя	князя	Князя	Князя, Кн (едва можно предположить въ концѣ строки)
47. Игоря	—	—	—
48. иже	—	—	—
49. погроузи	погроузи	погроузи	—
50. жиръ	—	—	—
51. тѣщия	—	—	—
52. тоулы	тулы	тулы	—
53. поганыхъ	—	—	—
54. тлъковинъ	тлъковинъ	тлъковинъ	тлъковинъ (165)
55. грояхноуть	гряяхуть	гряяхуть	гряяхоуть
56. а	—	—	—
57. галици	—	—	—
58. свою	—	—	—
59. рѣчь	—	—	—
60. говоря, хуты	говоряхуть	говоряхуть	говоря' хоуть'
61. полетети	полѣтѣти	полѣтѣти	полѣти (110)
62. постла	—	—	—

„Какъ бы то ни было“, — говоритъ Е. В. Барсовъ, — „всѣ намѣченные нами особенности подлинной рукописи указываютъ на то, что она дѣйствительно была писана, *какъ свидѣтельствуемъ самъ Малиновскій*, полууставомъ, переходящимъ въ скорописъ, и *притомъ именно* въ XVI вѣкѣ, но *никакъ* не ранѣе.“

Весьма затруднительно и часто весьма спорно опредѣленіе рукописи, когда она на лицѣ. Весьма сомнительно, чтобы состязаніе о вѣкѣ рукописи, за неимѣніемъ данныхъ на лицѣ, могло привести къ положительному результату. Въ предисловіи къ печатному тексту вѣкъ рукописи опредѣленъ концомъ XIV, или началомъ XV столѣтія. Ермолаевъ говоритъ, что она писана полууставомъ XV вѣка (Сахаровъ, Пѣсни Русск. народа, V. 172). Г. Барсовъ говоритъ, что самъ Малиновскій свидѣтельствуемъ, что рукопись писана полууставомъ, переходящимъ въ скорописъ, и притомъ именно въ XVI вѣкѣ. Но это свидѣтельство не самаго Малиновскаго, а записка Калайдовича, назойливо преслѣдовавшаго издателей. Если бы Калайдовичъ и былъ правъ, что рукопись была писана въ XVI вѣкѣ, полууставомъ, переходящимъ въ скорописъ: то это рѣшительно не имѣло бы никакого значенія въ отношеніи къ самому памятнику, носящему несомнѣнные признаки древняго удѣльнаго періода.

Задонщина, по Кирилловскому списку XV ст., изд. И. И. Срезневскимъ, достаточно показываетъ, какъ въ XV столѣтіи плохо понимали пѣснь XII вѣка. Г. Барсовъ приводитъ, что слова „не шеломенемъ еси“ передаются Московскимъ подражателямъ: „О, Русская земле! уже ты не за царемъ Соломономъ!“ и весьма основательно видитъ въ этомъ признакъ, какъ уже въ XV вѣкѣ въ Москвѣ плохо понимали памятникъ, подвергавшійся, по его мнѣнію, поправкамъ переписчиковъ даже въ XVI столѣтіи. „Шоломи“ въ Ермолаевскомъ списокѣ переходитъ въ „Соломлю“. „По шоломени оминуша“ Ипат. лѣтописи, въ Хлѣбниковскомъ списокѣ: „по солъмине оминуша“, переходитъ въ Ермолаевскомъ списокѣ въ „посолю омину“ и наконецъ у Карамзина (III. пр. 68): „посолю мнѣ“. —

Замѣчательно, какъ эта областная или архангелская форма слова „холмъ“, „шлемъ“, могла быть непонятна при ясности повѣствованія летописца: „Наворопниши же перешедше хорожъ, взидоша на шолома, глядающе гдѣ узрять ѿ. Кончакъ же стоялъ у лузѣ, его же ѿдуше по шоломени, оминуша иные въ гаты, узрѣвше удариха на нихъ“. Кончаковъ посолъ „Оминоу“ напоминаетъ автора Задонщины, видѣвшаго въ словѣ „Шеломянемъ“ царя Соломона. Несмотря на полемическое настроеніе, возбужденное тезисомъ г. Варсова, нельзя не сознаться, что его основная отвлеченная мысль совершенно правильна и согласна съ результатами, добытыми современной наукой, на основаніи конхъ, во многихъ отношеніяхъ, живая рѣчь представляетъ болѣе достовѣрные данныя, чѣмъ письменныя памятники. Въ еще большей мѣрѣ это относится къ преданіямъ изустнымъ, оберегающимъ поэтическіе памятники отъ искаженія книжниковъ. „Что стало съ былинной объ Ильѣ Муромцѣ“, — говоритъ г. Варсовъ, — „или съ былинной о семи богатыряхъ, какъ скоро перепыли они въ рукописи и стали достояніемъ книжниковъ“? Былъ ли Калайдовичъ руководимъ чистосердечнымъ желаніемъ опредѣлять точнѣе вѣкъ рукописи, или онъ руководимъ былъ личнымъ желаніемъ подгадить издателямъ, — дѣло въ томъ, какъ весьма основательно замѣчаетъ Дубенскій, Калайдовичъ не справлялся о рукописи до пожара 12-го года, а началъ преслѣдовать гр. Мусина-Пушкина, когда удостовѣрился, что рукопись сгорѣла. Хладнокровный любитель древностей дѣйствительно могъ отлагать ближайшее знакомство съ рукописью, въ томъ упокоительномъ убѣжденіи, что можно во всякое время имѣть къ ней доступъ; но едвали возможно признать Калайдовича такимъ апатическимъ любителемъ древностей; по призванію своему, онъ даже не имѣлъ права откладывать ближайшее знакомство съ рукописью гр. Мусина-Пушкина и вообще съ его собраніемъ. Калайдовичъ, наоборотъ, обращается къ гр. Мусину-Пушкину съ запросомъ отъ 30 октября 1813 года: „на чемъ какъ и когда она писана? Гдѣ найдена? Кто былъ участ-

никонъ въ изданіи? Сколько экземпляровъ напечатано? Также и о первыхъ ея переводахъ, о коихъ я слышалъ отъ А. Θ. Малиновскаго». Не давая положительныхъ отвѣтовъ, — говоритъ г. Барсовъ, — на эти вопросы, Мусинъ-Пушкинъ, какъ видно, только жаловался ему на зложелательныхъ людей, кои не вѣрили ему и даже подозрѣвали его въ литературномъ подлогѣ. „Я самъ знаю“, — отвѣчалъ ему Калайдовичъ, — „сколь языкъ неблагонамѣренный можетъ огорчать каждого изъ насъ; но что значать сіи притупленные невѣжествомъ и клеветой стрѣлы? Кто вѣрить словамъ завистниковъ, держащихъ говорить, что пѣснь Игорева поддѣлана? Кто могъ съ такими познаніями въ исторіи и языкѣ не сдѣлать анахронизмовъ, живши въ XVIII вѣкѣ, и кто опять отказался бы отъ чести сочиненія такого памятника, которому удивляются отличные знатоки въ семъ дѣлѣ, не видя настоящей ему основы“.

„Мусинъ Пушкинъ, какъ видно, недоумѣвалъ и о томъ, зачѣмъ требуются отъ него подробности свѣдѣнія, и потому Калайдовичъ прибавлялъ ему: „Желаю успокоить легковѣрныхъ, утвердить благомыслящихъ и притупить жало неблагонамѣренныхъ, а хотѣлъ бы имѣть подробнѣйшее извѣстіе о пѣснѣ Игоревой, къ которой можно бы приобщить извѣстіе о всѣхъ пьесахъ, съ нею вмѣстѣ помѣщенныхъ. Мы все сіе желаемъ сдѣлать *нѣкоторымъ актомъ*, засвидѣтельствованнымъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, Н. М. Карамзинимъ и А. Θ. Малиновскимъ, — назовите, которыхъ вы знаете, и положимъ для утвержденія въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ“. Живая вѣра въ судьбу науки и собственныя открытія Калайдовича не позволяли ему ни на минуту усумниться въ подлинности Слова, и онъ каждымъ своимъ розысканіемъ спѣшилъ успокоивать графа, который, какъ видно, не зналъ, какъ себя оправдать отъ напраснаго нареканія. „Я увѣренъ“, — писалъ онъ, — „что время, отъ коего зависитъ скрывать и открывать, явитъ намъ неоспоримыя свѣдѣтельства его достовѣрности, подобно одному, найденному мною въ Апостолѣ 1307 года, гдѣ игуменъ Пантелеймонова монастыря Зосима,

описавъ гибельную войну князей Михаила и Юрія, такъ заключаетъ: „при сихъ князѣхъ сѣяшется и ростане убоищани, гниане жизнь наша въ князѣхъ которы *) и вѣцы скоротинася члкомъ“. Вы изволите усмотрѣть изъ сравненія; сіе любопытное мѣсто столь сродно одно съ другимъ, что, кажется, игуменъ Зосима нигдѣ предъ собою пѣснь Игореву, не задолго предъ симъ сочиненную“.

„На такое горячее и настойчивое письмо Мусинъ-Пушкинъ уже не могъ не отвѣчать. Отъ 31-го декабря тогоже года, онъ сообщилъ Калайдовичу слѣдующее: „До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ, управлялъ онымъ архимандритъ Іонилъ, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата остался онъ въ томъ монастырѣ до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю комиссіонеръ мой купилъ у него всѣ Русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ Хронографъ, въ концѣ найдено слово о полку Игоревѣ. Рукопись эта писана на лощеннѣй бумагѣ, *въ концѣ лѣтотиси*, довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣковъ. Во время службы моей въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оной пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя *довольно яснымъ характеромъ* была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего должно было раздѣлить на періоды и потомъ добираться до смысла, что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я не былъ переложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать ошибки, подобной Щербатову, который, разбирая грамоту

*) Въ статьѣ Е. В. Барсова им. которы напечатано к отцм.

„Новгородцевъ къ Ярославу (что, надѣюсь, вамъ извѣстно), напечаталъ: почто отъялъ еси поле, Заячь и Миловцы“ *) (заячьими ловцы).

„Изъ сего письма видно только, что рукопись Слова была написана яснымъ характеромъ, что правописаніе и строчные знаки ея не отвѣчали нынѣ принятымъ, и что слова въ ней писаны въ сплошную строку“. Но не такіа неопредѣленныя свѣдѣнія требовались Калайдовичу. Онъ снова обратился къ Мусину-Пушкину съ просьбою точнѣе опредѣлить характеръ письма и поименовать особъ, видѣвшихъ подлинникъ пѣсни Игоревой, для утвержденія сей драгоценности. Но отвѣта не было. Мусину-Пушкину видимо были непріятны всѣ эти запросы: „Послѣдняго письма моего (отъ 3-го января 1814 г.) ваше сіятельство получить еще не изволили, въ которомъ я просилъ наименовать особъ, видѣвшихъ подлинникъ пѣсни Игоревой.“

„Но снѣтъ не кончились испытанія Мусина-Пушкина. Профессоръ Тимковскій съ такою же ревностію изучавшій Слово, просилъ Калайдовича (13-го февраля 1814 г.) разузнать отъ графа: „Чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игоревой и почему такъ, а не иначе переводилъ нѣкоторыя слова? Вѣрно ли напечатана рукопись, и не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописанія? Какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? Почему слово „Олегъ“ поставлено въ скобкахъ и пр. Но всѣ эти вопросы едва ли могли имѣть какой либо успѣхъ. Мусинъ-Пушкинъ не могъ отвѣтить на нихъ больше, чѣмъ онъ уже отвѣтилъ“.

Преслѣдованія Калайдовича были несомнѣнно нарушеніемъ приличія и личной свободы издателя гр. Мусина-Пушкина. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, весьма можетъ быть, въ 1813 году и не могъ дать отчета объ изданной имъ рукописи въ 1800 году. Но весьма можетъ быть, что онъ и не желалъ давать отчета Калайдовичу, сом-

*) Труды Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. 1824. ч. I. стр. 85.

нѣваясь въ его чистосердечіи и предполагая, не безъ основанія, заднюю мысль у Калайдовича сдѣлать нѣчто пріятное графу Румянцеву, относившемуся враждебно или, по крайней мѣрѣ, скептически къ изданію и къ самой рукописи. Г. Барсовъ приводитъ письмо Машиновскаго къ гр. Н. П. Румянцеву безъ числа, безъ указанія — гдѣ письмо хранится, и даже безъ упоминанія — подлинное ли оно. Письмо это есть не что иное, какъ учтивый отвѣтъ на докучливые запросы гр. Румянцева и Калайдовича. Рукопись сгорѣла и потому доказательства ея подлинности на лицо нѣтъ. Въ этомъ письмѣ Машиновскій безъ обиняковъ и оговорокъ говоритъ, что изданіе сдѣлано *съ рукописи XVI вѣка* (это у г. Барсова напечатано курсивомъ). По поводу этого письма г. Барсовъ замѣчаетъ: „и такъ, по словамъ Машиновскаго, подлинная рукопись Слова была писана въ XVI в. Если человекъ не только видѣлъ ее, но и изучалъ и издавалъ — и не возводитъ ее ранѣе этого времени, то мы не имѣемъ права не вѣрить ему, тѣмъ болѣе, что, много лѣтъ служа въ архивѣ иностранной коллегіи, онъ имѣлъ достаточно навыка опредѣлять характеръ письма, соответствующій XV и XVI вѣку. Наконецъ, это свидѣтельство его подтверждается новѣйшими изысканіями. Извѣстно, что Н. С. Тихонравовъ, сравнивая первое изданіе Слова съ архивскимъ его спискомъ, дошелъ до весьма важныхъ палеографическихъ особенностей, отличавшихъ подлинную рукопись, и на основаніи ихъ опредѣлилъ тотъ самый вѣкъ, который указанъ Машиновскимъ. Къ тѣмъ же выводамъ пришли и мы, основываясь на данныхъ, найденныхъ нами въ бумагахъ А. Θ. Машиновскаго, о чемъ и было нами доложено на III-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ 1874 году.“

Чтобы взвѣсить вышеизложенныя соображенія и показанія, желательно было бы видѣть самый довлѣдъ Археологическому съѣзду. Е. В. Барсовъ успокоиваетъ законное нетерпѣніе, сообщая въ Ж. М. Н. П. записку, особенно важную въ настоящемъ вопросѣ. Всѣ, написанныя Машиновскимъ слова, приводимыя Е. В. Барсовымъ, уже

приведены выше. Трудно понять, почему они могутъ опредѣлять вѣкъ рукописи.

По замѣчанію г. Барсова, изъ нихъ видно: 1) что „синемъ“ написано было сперва съ буквою Е, замѣненной потомъ гласной Ъ, что указываетъ на колебаніе Малиновскаго при чтеніи этой буквы; весьма можетъ быть, что въ рукописи находилось начертаніе ꙗ ли ꙗ, что противорѣчило палеографическимъ свѣдѣніямъ Малиновскаго; 2) въ словахъ, списанныхъ Малиновскимъ, встрѣчаются для обозначенія гласной у начертанія оу и Ѹ; 3) буква а; 4) буква з, 5) ѡ; 6) встрѣчается также запятая послѣ слова „крылы“, точка послѣ слова „море“ и опять точка послѣ слова „плещоучи“. Что касается до запятой посреди слова „говоряхуть“ и отдѣленіе слова „хуты“, то это не что другое, какъ для памяти записанная догадка, что „хуты“ на пр. могутъ означать какое либо хищное племя или птицу. Вариантъ ѡ въ этомъ словѣ не можетъ имѣть значенія, такъ какъ въ обоихъ текстахъ правильно „говоряхуть“ (ср. выше стр. 158 вар. 60).

Положительно непонятно, почему это правописаніе указываетъ именно на полууставъ, переходящій въ скорописъ, и именно XVI вѣка. Заключение г. Барсова тѣмъ болѣе непонятно, что онъ становится на поправкѣ Малиновскаго буквы а въ словѣ „уедіе“, и самъ называетъ исправленное а полууставнымъ; это а не только полууставное, но оно даже не полууставное переходящее въ уставное, а именно уставное. Начертаніе ѡ также не служитъ очевиднымъ подтвержденіемъ скорописи XVI вѣка. Помѣщеніе Ъ въ словѣ „тщии“ послѣ первой буквы ни въ какомъ случаѣ не способствуетъ къ подтвержденію позднѣйшаго происхожденія рукописи. Вообще, основательное замѣчаніе Тихонравова, что текстъ Слова о Плѣку Игоревѣ подчиняется тѣмъ же правиламъ, что и текстъ Остромира Евангелія, служитъ малымъ подтвержденіемъ позднѣйшаго происхожденія рукописи, такъ какъ съ каждымъ вѣкомъ, вмѣстѣ съ почеркомъ, измѣнялось и правописаніе. Вообще вопросъ объ опредѣленіи вѣка рукописи совершенно не существуетъ, такъ какъ

нѣтъ на лицо рукописи. Все дѣло въ правописаніи: если правописание древне, то и на позднѣйшую рукопись должно смотрѣть какъ на facsimile древняго подлинника. Мы, съ своей стороны, можемъ только сердечно благодарить г. Барсова за сообщеніе выписокъ Малиновскаго, вполне подтверждающихъ правильность чтенія и изданія первыхъ издателей. Г. Барсовъ замѣчаетъ, что у первыхъ издателей не встрѣчается ни Ѹ, ни ѡ, ни оу, не смотря на то, что они объявляютъ, что издають древній текстъ буква въ букву. Первое изданіе напечатано гражданскимъ курсивнымъ шрифтомъ, не имѣющимъ ни Ѹ, ни ѡ, а оу замѣняется въ ономъ начертаніемъ у. Совершенно непонятно — какими образомъ ихъ можно упрекать въ неисполненіи программы. Выписанныя слова блистательно подтверждаютъ, что первые издатели мастерски прочли рукопись. Упрекъ въ переименованіи словъ при выводѣ изъ-подъ титлъ не опирается на положительныя данныя, такъ какъ, судя по сообщенію г. Барсова, Малиновскій ни одного слова не выписалъ съ титломъ, чтобы можно было судить — правильно или неправильно выведены слова первыми издателями изъ-подъ титлъ. Причастіе рассушѣ правильно въ Пушкинскомъ и Архивскомъ текстахъ прочтено рассушась. Слова „Кн. Игоря“, если Кнъ только было такъ сокращенно написано, что весьма сомнительно, правильно прочтены Князя, и издатели безъ зазрѣнія совѣсти могли въ этомъ мѣстѣ отступить отъ программы; если же Кнъ приходилось въ концѣ строки и надъ этими буквами находилась надстрочная черта, то они даже не нарушили программы. Варіантъ Казатиноу есть не что иное, какъ слѣдствіе недоумѣнія Малиновскаго во время приготовления его работы до изданія. Слогъ „ан“ Ѧ или написанной вязью надъ строкой, или просто безъ вязи к^тноу имѣ прочтенъ казатиноу. Подобныя надстрочныя азы встрѣчаются въ древнихъ уставныхъ рукописяхъ, напримѣръ; въ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку; встрѣчаемъ ихъ и въ позднѣйшей скорописи, напримѣръ въ образцахъ скорописей, изданныхъ Есиповымъ, встрѣ-

часть сродни съ этимъ начертаніемъ писаннымъ вязью *ар* и *ах* въ словахъ бархатъ и ахметъ.

„Какъ бы то ни было“, — говоритъ г. Барсовъ, — „всѣ намѣченныя нами особенности подлинной рукописи указываютъ на то, что она действительно была писана, какъ свидѣлствуетъ самъ Малиновскій, полууставомъ, переходящимъ въ скорописъ, и притомъ именно въ XVI вѣкѣ, *но никакъ не ранне*. Нѣтъ сомнѣнія, что многія ошибки какъ въ текстѣ, такъ и въ переводѣ 1-го изданія, допущены въ-слѣдствіе именно незнакомства съ палеографіей, какъ, напримѣръ: къ мети; сице и рати; мужа имѣ ся и т. п.“

Позволю себѣ замѣтить, что палеографія здѣсь введена вовсе не кстати, но единственно для того, чтобы *per fas et nefas* перенести вопросъ на эту почву. Чтенія къ мети, сице и рати, доказываютъ незнаніе древняго языка (къ мети — слуги); сице и рати — оплошность въ-слѣдствіе позднѣйшаго принятія перваго слова въ смыслѣ нарѣчія „вотъ“; крайне странная оплошность чтенія весьма понятнаго и общаго: „мужанинъ ся“ единственно можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія палеографической: начертаніе подобное *ѣ* = *н*, встрѣчаемое въ Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку, изд. facsimile Археографической Комиссіей въ 1875 г., на стр. 65 и 132, могло быть неправильно принято за *ѣ*. Слово это разстановлено: въ 1-мъ изданіи — мужа имѣся, въ Арх. копін — мужа имѣся, въ выпискѣ Малиновскаго — мужа имѣ ся. Изъ всѣхъ этихъ чтеній весьма ясно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издатели не замѣтили, что они имѣютъ дѣло съ 1 лицомъ двойственного числа повелительнаго наклоненія глагола: мужанинъ какъ оно написано въ Радзивилловскомъ спискѣ и спискѣ Московской Духовной Академіи, а въ Лаврентьевской лѣтописи: мужанинъся, сравн. выше табл. XI. стр. 51.

Самый вопросъ о вѣкѣ написанія рукописи, по отношенію къ разсматриваемому тексту, не имѣетъ вовсе значенія. Между скорописью и полууставомъ также нѣтъ существенной разницы: потому

что такое имень и тѣже правила, которыя замѣтимъ въ уставныхъ рукописяхъ, встрѣчаются и въ скорописи, относительно титлъ, сокращеній и знаменъ, замѣняющихъ буквы. Скоропись, несомнѣнно, доставила бы болѣе обильную добычу для всевозможныхъ гадательныхъ поправокъ въ слѣдствіе изобилія самыхъ разнообразныхъ, встрѣчаемыхъ въ ней, монограммъ. Должно отдать справедливость г. Тихонравову, что онъ этихъ мало воспользовался, и что почти всѣ его объясненія точно также относятся къ скорописи, какъ и къ полууставу. Существенная разница, хотя и весьма незначительная, между чтеніемъ г. Тихонравова и предлагаемымъ въ настоящемъ трудѣ заключается въ томъ, что г. Тихонравовъ вмѣсто начертанія Ѣ предполагаетъ начертаніе Ѥ, которое могло быть прочтено Ъ и Ь. Въ случаѣ, еслибы начертаніе Ѥ обозначало въ рукописи Ъ и, принято было бы за Ъ, то эта ошибка повторялась бы неоднократно. Въ тѣхъ документахъ, гдѣ Ъ пишется Ѥ, полугласная Ь приближается къ начертанію Ѥ-рица. Возможность подобнаго сбивчиваго начертанія скорѣе встрѣтится въ полууставныхъ древнихъ рукописяхъ, чѣмъ въ позднѣйшихъ; напримѣръ, при маломъ или невнимательномъ обращеніи съ письменными памятниками Ѥ можетъ быть принятъ за Ѣ по сходству съ современными начертаніемъ. Весь вопросъ, поднятый Калайдовичемъ и продолжающійся до сегодня, рѣшительно не имѣетъ важности по отношенію къ Слову о Шлѣку Игоревѣ; совершенно непонятно, почему онъ можетъ такъ долго тянуться, послѣ того какъ заинтересованныя въ ономъ лица давно сошли въ могилу: графъ Мусинъ-Пушкинъ и Малиновскій — съ одной стороны, графъ Румянцевъ съ Калайдовичемъ — съ другой. Г. Барсовъ ссылается на письмо Малиновскаго къ гр. Румянцеву, въ коемъ будто Малиновскій говоритъ, что рукопись писана была въ XVI столѣтіи полууставомъ, переходящимъ въ скоропись. До какой степени наивно это достовѣрно — не видно изъ статьи г. Барсова; не видно также, что бы въ немъ упоминалось о переходѣ въ скоропись. Это, сомнительное пока, показаніе Малиновскаго находится въ прямомъ противорѣчій съ

его же показаніемъ незадолго до его смерти. Дубенскій, въ словахъ коего сомнѣваться не имѣемъ права, говорить: „изъ издателей А. Ѳ. Малиновскій утвердилъ мнѣніе, Мусининъ-Пушкинымъ свѣту сообщенное—именно, что подлинная рукопись, съ которой печатали первое изданіе буква въ букву, принадлежала къ концу XIV вѣка“. Къ этимъ словамъ Дубенскій, въ подотрочномъ примѣчаніи, присовокупляетъ: „Редакторъ“ (т. е. самъ Дубенскій), незадолго до кончины незабвеннаго любителя нашихъ древностей, не бывши еще членомъ Общества и ему лично извѣстнымъ, имѣлъ счастье быть у перваго редактора Слова о П. Иг. А. Ѳ. Малиновскаго; съ чувствомъ истиннаго уваженія говорилъ онъ объ этомъ твореніи, горько жаловался на критиковъ и завѣщалъ (такъ случилось!) выставить этотъ самый вѣкъ подлинной рукописи“. Последнія слова покойнаго Дубенскаго имѣ совершенно непонятны, о какомъ подтвержденіи мнѣнія Малиновскаго говоритъ здѣсь Дубенскій. Въ случаѣ, еслибы дѣйствительно существовало подлинное письмо Малиновскаго къ гр. Румянцеву, то оно, въ виду его постоянного мнѣнія, навлекавшаго ему и его сотруднику графу Мусину-Пушкину навязчивые и назойливые допросы гр. Румянцева и Калайдовича, не могло имѣть другаго значенія, кромѣ желанія превратить переписку. Весьма можетъ быть, что Малиновскій считалъ приличнымъ, въ качествѣ директора Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, подчиниться, получивъ непосредственный запросъ отъ лица, носившаго титулъ канцлера, хотя съ 1802 г. дѣлами коллегіи иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцевъ уже не завѣдывалъ. Письмо это звучитъ какъ-то сомнительно. Въ самомъ же фактѣ колебанія между концемъ XIV и XVI-мъ вѣкомъ ничего ни удивительнаго, ни сомнительнаго нѣтъ.

Весьма можетъ быть, что для палеографовъ, при внимательномъ наблюденіи, найдутся признаки полууставнаго почерка XVI столѣтія, переходящаго даже въ скоропись. Подобное открытіе нисколько не поколебало бы довѣрія къ свидѣтельству издателей и Ермолова.

Не видимъ ли мы и въ наше время весьма колеблющіяся опредѣленія вѣка Реймского Евангелія? Для опредѣленія вѣка этого Евангелія болѣе всего придано вѣса правописанію. Во время Малиновскаго на этотъ предметъ не было обращено серьезнаго вниманія; да едвали можно было этого и требовать, такъ какъ тогда мы даже не имѣли Грамматикъ Добровскаго, ясно указывающей—какъ мало вопросъ о древнемъ правописаніи былъ доступенъ до появленія Грамматики Копитара, при изданной имъ Глаголитѣ Ключевой. Въ Россіи ознакомленію съ этимъ вопросомъ мы обязаны неутомимымъ трудамъ академика И. И. Срезневскаго. Весьма могло быть, что Калайдовичъ чутьемъ болѣе вѣрно опредѣлилъ вѣкъ рукописи, чѣмъ издатели; но и для этого предположенія работы Калайдовича далеко не представляютъ надежныхъ данныхъ.—Е. В. Барсовъ ведетъ свой тезисъ къ тому, чтобы придти къ заключенію, впрочемъ почти безъ протеста, господствующему въ литературномъ нашемъ мірѣ: текстъ испорченъ. „Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Слово о полку Игоря, подвергалась перепискѣ многочисленныхъ книжниковъ, и притомъ въ разныхъ мѣстахъ, не могло не терпѣть и многочисленныхъ поправокъ въ отношеніи языка. Сравните житіе Бориса и Глѣба въ Лѣтописи и въ спискѣ XII в. Сличите Задонщину въ спискахъ XV и XVI вѣка. Посмотрите, что стало съ былинной обѣ Ильѣ Муромцѣ или съ былинной о семи богатыряхъ, какъ скоро перешли онѣ въ рукопись и стали достояніемъ книжниковъ? Вездѣ сказывается трость книжника-списателя.“ Вездѣ сказывается задушевная мысль многоуважаемаго собирателя памятниковъ, сохранившихъ въ памяти народа. Нельзя не согласиться въ принципѣ съ этимъ мнѣніемъ: все, что уцѣлѣло отъ глубокой древности въ памяти народа, заслуживало этой чести и, благодаря ретиву, не только подверглось исправленіямъ и портѣ лжесудруствующихъ грамотѣевъ. Но въ данномъ случаѣ, т. е. въ примѣненіи высказываемой несомнѣнной истины къ существующему тексту Слова о Плѣку Игоревѣ, нѣтъ никакой возможности признать, чтобы редакція, до насъ дошедшая, подвергалась исправленіямъ въ XV и

XVI столѣтіяхъ; едвали найдутся въ спискахъ XVI вѣка другіе тексты стольже архаическіе. Нельзя не припомнить здѣсь замѣтку Востокова, сдѣланную имъ еще въ 1820 году по вопросу, ему весьма близко знакомому: „замѣчавшіе большую разность между древнимъ Русскимъ языкомъ, коего остатки находятъ въ Русской правдѣ, въ Словѣ о Плѣку Игоревѣ и пр., и между Церковно-Славянскимъ, разумѣли конечно подъ сими послѣднимъ языкомъ печатныхъ церковныхъ книгъ.“ Далѣе въ томъ же разсужденіи (Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. XVII) Востоковъ замѣчаетъ: „Русскіе начали, кажется, уже въ XIII вѣкѣ замѣнять въ таковыхъ словахъ Ъ гласною е, а ѣ — о, сперва только въ производныхъ слогахъ, на пр. словомъ вм. словѣмъ, огнемъ вм. огнѣмъ; потомъ и въ самыхъ корняхъ, напр. торгъ вм. трѣгъ, волкъ вм. влѣкъ“....

Въ словахъ Востокова необходимо прибавить краткое, но многозначущее наблюденіе академика И. И. Срезневскаго по поводу древнихъ Славянскихъ памятниковъ юсоваго письма, относящихся къ XI, XII, XIII и частию XIV вѣку, отмѣченное въ указателѣ употребленія буквъ и звуковъ, въ изд. 1868 года: „е вм. ѣ и о вм. ѡ во *всѣхъ* памятникахъ“. Едвали можно указать въ текстѣ Слова о Плѣку Игоревѣ какое либо другое, также сомнительное, новшество.

Неоднократно у насъ повторялось *мнѣніе* о портѣ въ текстѣ Слова о Плѣку Игоревѣ. Пора бы, кажется, указать на испорченныя мѣста и грамматическія неправильности. Сильнѣе и опредѣленнѣе высказываетъ свое мнѣніе Е. В. Барсовъ. Мнѣнію его можно противоположить мнѣніе человѣка, имѣвшаго много дѣла съ древними памятниками, — мнѣніе тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно исходитъ отъ человѣка, не мудрствовавшаго лукаво. Берединовъ, въ отчетѣ объ изданіи Дубенскаго, по поводу присужденія Демидовскихъ премій въ 1845 г., говоритъ:... „языкъ древній сдѣлался для насъ чуждымъ, невразумительнымъ и даже сочтенъ неправильнымъ, не грамматическимъ. Тогда явилось въ свѣтъ Слово о Полку Игоревомъ въ своей формѣ *первобытной*, неподдѣльной, съ *правописаніемъ*

и *языкомъ вѣка*; критика, отвыкшая отъ этихъ формъ, встрѣтила его съ недоувѣрчивостію и *смыло запятнала* клеймомъ отверженія. Начались *вопросы, толки, недоразумѣнія*, отъ которыхъ такъ мало выигрывала истина. До сихъ поръ было десять изданій безсмертнаго творенія; въ нихъ судили о силѣ словъ только ошущью, на угадъ; а, между тѣмъ, ни одинъ издатель не обратилъ вниманія на грамматическія отношенія словъ Пѣсни Игоровой, анализу которыхъ аподиктически должна была рѣшиться задача ея подлинности, несомнѣнность чтенія“....

Также отнюдь незамѣтно употребленіе въ пѣсни XII вѣка какихъ либо выраженій, вошедшихъ въ Русскій языкъ во время Монгольскаго ига и въ Московскій періодъ, каковы, напримѣръ: *колчанъ, сайдакъ, копые мурзамѣцкое, артамакъ*, хотя всѣ эти слова могли быть въ ходу у насъ и въ XII столѣтіи, въ-слѣдствіе постоянныхъ столкновеній Русскихъ съ племенами Тюркскими, Персидскими и Татарскими. Наоборотъ, въ причитаніяхъ, записанныхъ въ Олонецкомъ краѣ, мы встрѣчаемъ: *сарафаны новомодныя, mode; сережки брилліантовныя, brillant; платочки левантеровныя, levantine*—восточная шелковая матерія, получавшаяся чрезъ Марсель; *тамбуръ, broderie au tambour; панталоны, pantalon; персонъ, personne*. Не слѣдуетъ видѣть въ этихъ французскихъ выраженіяхъ, зашедшихъ къ намъ въ XVIII столѣтіи, какихъ либо признаковъ порчи языка; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это небольшое число позднѣйшихъ иностранныхъ выраженій ясно указываетъ, что причитальщицы неособенно озабочивались сохраненіемъ древнихъ формъ и, наоборотъ, примѣнялись къ требованіямъ времени и даже къ семейной обстановкѣ умершаго. Значительная доля импровизацій вызывалась здѣсь несравненно въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ пѣсняхъ былевыхъ, и даже свадебныхъ. Въ виду многочисленныхъ и весьма разнообразныхъ вариантовъ на причитанья не можетъ быть и разговора о сохраненіи древнихъ редакцій. Причитанья наши—прототипъ трагедій—разыгрывали въ лицахъ несчастіе, поразившее цѣлое семейство; а по-

тому и невозможно предполагать, чтобы сценическое представление не соответствовало действительности въ каждомъ данномъ случаѣ. Непонятно, почему Е. В. Барсовъ вторить почти забытымъ скептическимъ нападкамъ на нашу пѣснь XII вѣка, даже вопреки очевидности; возбуждаетъ сомнѣнія о томъ, дошла ли до насъ пѣснь, сочиненная въ XII столѣтіи. Здѣсь, кажется, сомнѣніямъ и мѣста нѣтъ: текстъ на лицо; встрѣчаемыя въ немъ выраженія, правописаніе, насколько оно не утратилось замѣной формъ *оу*, *та*, *а*, *к* и надстрочныхъ знаменъ современнымъ шрифтомъ, словосочиненіе — все находится цѣликомъ въ древнѣйшихъ памятникахъ до XII столѣтія.

Въ виду подобнаго уклоненія въ область произвола, почти можно было бы согласиться съ мнѣніемъ Кіянина Дмитрія, еслибы онъ самъ отъ мнѣнія своего не отказался на первыхъ же порахъ (Выводъ о томъ, что въ древней Россіи Пороско-украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы построены были не Римскими, а Русскими Трояномъ. Кіевъ, въ университетской типографіи. 1845), въ самомъ предисловіи: „въ предложеніяхъ этого вывода, быть можетъ, окажутся ошибки, неизбѣжныя спутницы всѣмъ прокладывающимъ новый путь: я это самъ испыталъ, полагая сперва, что повѣсть о походѣ Игоревѣ издана была до Р. Х., и заключилъ-было, что находящіяся въ ней христіанскія имена вставлены древнимъ переписчикомъ; но, вникнувши въ памятники отечественныя и иностранныя, нашелъ свою ошибку, о которой, также какъ и о томъ, когда эта повѣсть была сочинена и съ какихъ временъ здѣсь существуетъ христіанство, скажу въ общемъ ея объясненіи“.

Кіянинъ Дмитрій — человѣкъ умный, начитанный, знакомый съ всемірною исторіей и глубоко посвященный въ тайны языческаго міра. Его несомнѣнно поражалъ въ Словѣ о Плѣку Игоревѣ отголосокъ древняго классическаго язычества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ на столько былъ подготовленъ къ приёмамъ истинно-научной критики, что съ перваго же раза не преминулъ признать въ пѣснѣ истеро-

ляціи, и именно имена христіанскихъ князей. При всемъ своемъ здоровомъ природномъ умѣ, Кіянинъ Дмитрій представляетъ грустный примѣръ—до какой степени школа Шлецера могла извращать умъ. Въ предисловіи своемъ Кіянинъ прямо говоритъ, что онъ руководствовался лѣтописью преподобнаго Нестора въ объясненіи Шлецера, Словомъ о Пльку Игоревѣ, придерживаясь перевода Максимовича, и народными преданіями. Такимъ образомъ, становится яснымъ, что его научный критическій приѣмъ принадлежитъ основателю нашей научной критической школы Шлецеру. Честь эта никакимъ образомъ не можетъ быть раздѣлена ни нашими лѣтописцами, ни людьми, передававшими ему народныя преданья. Разбирая критически, почему лѣтописцы наши не упоминаютъ о гиганскихъ Трояновыхъ укрѣпленіяхъ, Кіянинъ приходитъ къ „положительному“ заключенію, что это—потому, что наши древніе ученые мужи „не любили заглядывать въ отвлеченные предметы, боясь пустоты и чего-то незримаго“. Одинъ изъ моихъ пріятелей, при чтеніи приводимыхъ мною ученыхъ цитатъ, зачастую не вѣритъ мнѣ на слово и требуетъ представленія полнчнаго. Въ ожиданіи подобнаго недовѣрія со стороны читателя, прилично представить здѣсь объясненіе Кіянина изложенное, очевидно, по строгимъ правиламъ науки и даже съ явнымъ признакомъ привычки поучать (стр. 37).

„Вопросъ, почему лѣтопись не говоритъ ни о постройкѣ означенныхъ валовъ, ни о покореніи Половцами Кіева?“

„Въ разрѣшеніе этого вопроса положительно можно сказать:

а) Древніе наши ученые мужи, по тогдашнему понятію и порядку, не любили заглядывать въ отвлеченные предметы, боясь пустоты и чего-то незримаго; слѣдственно, и въ сочиняемыхъ ими памятникахъ, не считали надобностью объясняться о воздвигаемыхъ крѣпостныхъ твердыняхъ, хотя они бы заключали въ себѣ и особенную важность; а потому какъ о предметахъ каждому извѣстныхъ, ничего не сказали ни о валахъ, построенныхъ Трояномъ, ни даже

о другихъ гигантскихъ укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ для защиты здѣшнихъ городовъ“.

Постройка силлогизма несомнѣнно принадлежитъ привычкѣ не обращать никакого вниманія на связь между посылкой и заключеніемъ. Подобное неправильное состояніе мысленной силы, кажется, происходитъ отъ присутствія чуждыхъ, неувоенныхъ элементовъ замѣшавшихся въ отправленія ума. Германскіе ученые, при несомнѣнной силѣ анализа, въ слѣдствіе упрековъ французскихъ ученыхъ въ неумѣлости Германцевъ приходятъ къ синтезу и представляютъ читателю положительные заключенія, бросались къ добыванію выводовъ, не измѣняя своего всесторонняго анализа, не допускающаго возможности придти къ заключенію. Французскіе же ученые потому именно и отличаются въ синтезѣ, что они, задаваясь преслѣдованіемъ какой-либо цѣли, анализируютъ предметъ не всесторонно, но по данному лишь направленію. Проводники отрицательной школы пришли у насъ какъ-будто къ эклектической системѣ, основанной на убѣжденіи, что такъ какъ между анализомъ германскихъ ученыхъ и ихъ выводами нѣтъ связи, а у Французовъ существуетъ крайній недостатокъ въ собираемыхъ ими данныхъ для обсужденія—то несравненно проще приходитъ къ заключеніямъ, вовсе не принимая въ соображеніе данныя, которыя приводятся у насъ только для вида, приманія ради.

Конечно, все это уже исчезающее схоластическое направленіе съ привитымъ моднымъ критическимъ нароскомъ, произведеннымъ Нибуромъ, Шлецеромъ и К°. Кирилло-Мееодіевской Сборникъ, изданъ въ 1865 Погодинымъ; Славянскій Сборникъ, изданіе нашего времени представляютъ обильную и вполнѣ созрѣлую жатву. Пересматривая статьи этихъ сборниковъ, трудно вѣрится глазамъ, сколь великая произошла переимѣна въ послѣдніе 15 лѣтъ въ добросовѣстномъ собраніи фактовъ и въ безпристрастномъ, трезвомъ, внимательномъ ихъ обсужденіи. Такое же отрадное впечатлѣніе производитъ появленіе исторіи Забѣлина, рѣшившагося возвратиться къ правильному взгляду нашихъ предковъ на отношенія Русскаго народа къ исторіи

человѣчества. Отчетливыя изслѣдованія С. А. Геденова также не могутъ не содѣйствовать къ перенесенію историко-филологическихъ наукъ на положительную почву. К. С. Аксаковъ (Ломоносовъ въ исторіи Русской Литературы и языка. Москва. 1846 года) замѣчаетъ въ пѣснѣ отсутствіе религіознаго чувства, присутствіе въ языкѣ формъ Церковно-Славянскихъ и народныхъ Русскихъ, при правильномъ употребленіи тѣхъ и другихъ въ такомъ равновѣсіи, что памятникъ невозможно признать ни за принадлежащій къ Церковно-Славянскимъ, ни къ народнымъ. Изъ всего этого Аксаковъ выводилъ, что Слово о Плѣку Игоревѣ написано иностранцемъ, быть можетъ Грекомъ, знавшимъ Церковно-Славянскій языкъ еще прежде и въ Россіи научившимся Русскому. Е. В. Барсовъ приводитъ слова К. С. Аксакова: „своею кудреватости и хитросплетенія вложилъ онъ въ сочиненіе, не имѣющее нисколько того грандіознаго вида, какой видимъ въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ, изданныхъ Кириемъ Даниловымъ.“

Е. В. Барсовъ усволяетъ себѣ это мнѣніе, и даже усиливаетъ приговоръ К. С. Аксакова: „Сужденія К. С. Аксакова имѣли бы полную свою силу, еслибы мы только имѣли пѣснь Игореву въ современномъ спискѣ XII в. Но, какъ мы выше показали, она издана по списку, и притомъ неисправному, XVI вѣка; а потому и всѣ предположенія Аксакова о бореніи двухъ языковыхъ элементовъ и о равнодушномъ къ нимъ отношеніи пѣвца Игоря остаются мало имѣющими значенія“.

Чувство, связывающее мнѣнія гг. Барсова и Аксакова — это ихъ горячая любовь къ такъ называемой народной поэзіи. Съ любовью ихъ къ Русскимъ пѣснямъ, сохранившимся въ народной памяти и даже съ предпочтеніемъ народныхъ пѣсней самому слову о Плѣку Игоревѣ почти можно помириться.

Во всякомъ случаѣ можно колебаться кому отдать предпочтеніе — слову ли о Плѣку Игоревѣ, или любому причитанію, или богатирской пѣснѣ, въ конхъ фотографически выражаются всѣ ощу-

щенія и впечатлѣнія общія цѣлымъ массамъ, и въ коихъ нигдѣ не чувствуется личность сочинителя. Сочинитель Слова самъ пережилъ передрагу, перечувствовалъ послѣдствія уничтоженія нескоро замѣнимыхъ дружины и Черниговскаго войска; энергія страсти и личнаго чувства кипитъ въ поэмѣ, при неподражаемомъ выраженіи жизни всей окружающей природы, принимающей живое участіе въ драмѣ. Въ пѣсняхъ народныхъ личное чувство исчезаетъ; въ плачахъ прозаическая обстановка, самыя прозаическія чувства выходятъ наружу самымъ откровеннымъ образомъ и, выѣстъ съ тѣмъ, въ полной гармоніи съ потрясающимъ драматическимъ представленіемъ горя. Тутъ припоминаются и сафьянныя сапожки, и стеколычатныя рамы, и предстоящій голодъ, и хожденіе по міру, и паспорта за казенной печатью; нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ неподдѣльномъ выраженіи самой прозаической обстановки кроется изумляющее искусство. Предпочтеніе народныхъ пѣсень однако не оправдываетъ предположенія, что сочинитель Слова Грекъ: потому что онъ владѣетъ мастерски Церковно-Словенскимъ и Русскимъ народнымъ языкомъ и потому что въ немъ не замѣтно того религіознаго чувства, которое будто должно было отличать въ XII столѣтіи Русскаго отъ Византійца. Много приходилось мнѣ ратовать противъ идеи К. С. Аксакова, не называя его, чтобы не тревожить дорогую его память, полагая, что онъ мысли своей никогда печатно не высказывалъ.

Какъ сильно должны были дѣйствовать отвлеченныя теоріи Гегелевой философской школы, чтобы въ пользу излюбленной идеи до такой степени укоренить презрѣніе къ положительнымъ даннымъ въ людяхъ, горячо и сознательно любившихъ памятники Русской мысли! Самое сознаніе Аксаковымъ отрицанной правильности текста Слова о Пльку Игоревѣ уже доказываетъ, что онъ внимательно изучалъ древніе памятники; современникъ его Дубенскій, положившій начало правильному изученію текста, далеко не сознавалъ и не строго держался опредѣленія грамматической правильности текста. Е. В. Барсовъ еще болѣе жертвуетъ фактами въ пользу отвлеченныхъ идей. Пре-

зрѣніе къ фактамъ доходитъ до того, что онъ считаетъ лишнимъ сличать приводимыя имъ выписки Малиновскаго съ текстомъ по первому изданію и по изданію Пекарскаго.

Выше, на стр. 157, приведены эти выписки, сопоставленныя съ вариантами по изданіямъ Пушкина и Пекарскаго. Относительно почерка варианты ничего не говорятъ; оригиналъ могъ быть уставный, полууставный, скорописный XVI—XVIII в., и даже печатанъ гражданскимъ шрифтомъ XIX с., судя по сообщаемымъ выпискамъ въ Ж. М. Н. Пр.

На стр. 95 я обязался помѣстить въ концѣ статьи выписку изъ приложеній къ діалектикѣ и грамматикѣ Іоанна Дамаскина, въ коей выраженъ весьма опредѣленно правильный взглядъ до-Петровскихъ Русскихъ грамматиковъ по вопросу о ѡ и іотированныхъ гласныхъ. Взглядъ Востокова находится въ ближайшемъ согласіи съ Смотрицкимъ. Смотрицкій въ своей Грамматикѣ счелъ нужнымъ упомянуть объ ѡсѣ: „Сего обыкоша употребляти люди Сербьстѣи и Волохове вмѣсто Ѹ и ю. Обаче и нашими писцами в нѣкихъ реченіяхъ пишемъ бѣ, яко: бѣду, ѡтроба, рѣки и пр.“ О маломъ юсѣ Смотрицкій знаетъ еще менѣе: „ѡ пишется въ средѣ и на концѣ; свойственнѣ же ей множество значить наче же въ женскомъ родѣ, а въ начало токмо въ единомъ отъименѣ идѣже глаголется удѣ тѣлесный, языкъ“. Смотрицкій замѣчаетъ, что это послѣднее слово пишется чрезъ ѡ въ отличіе отъ ѡзыкъ—народъ. Немного болѣе распространяется грамматикъ XVI столѣтія въ упоминаемомъ приложеніи къ діалектикѣ и грамматикѣ Іоанна Дамаскина. Мнѣ не извѣстно, была ли эта статья о грамотѣ уже напечатана въ Москвѣ или Вѣлоруссіи и въ какомъ она отношеніи находится къ грамматикѣ Лаврентія Зизанія. Въ грамматикѣ Смотрицкаго и въ грамматикахъ, изданныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ царствованіе Петра Великаго, статьи этой я не встрѣчалъ, а потому полезнымъ счелъ напечатать ее здѣсь, какъ объясняющую наглядно вопросъ о древнемъ церковномъ правописаніи. Рукописный грамматическій сборникъ, въ коемъ находится эта статья, содержитъ въ себѣ 14 статей. Примѣчанія къ нимъ на стр. 189.

- 1) 40 главъ діалектики Іоанна Дамаскина . . . листъ на об. 1
 Источникъ еси по истинѣ ѿче Іоанне, мысленныхъ
 водъ стрѣя проливаяй, и вѣрныхъ сеѣца напаяай
 оумнѣ. Аминь (эта статья отдѣляется отъ 40-й главы
 лишь надписаніемъ приведенныхъ словъ киноварью) л. „ „ 55
- 2) Сѣаго Іоанна Дамаскина ѡ осми частехъ слова
 (киноварью) съ новой страницы . . . листъ „ „ 57
- 3) Потребно есть въ бжественомъ писаніи разумъ имѣти
 і о верхней силѣ. есть бо оѡ болшая, есть и малая
 оѡ... (о произношеніи и начертаніи божественныхъ
 именъ, кои полегку подобаетъ глашати. Съ новой стра-
 ницы, безъ заглавія) . . . листъ „ „ 64
- 4) Есть же въ книжномъ писмѣ, іакоже въ буковницѣ
 речеса, раздвижка (о разстояніи между словъ) листъ „ „ 65
- 5) Суть въ бжественомъ писаніи нѣкоторіи тіи же
 глаголи, но разѡмъ не той же имуть . . . листъ „ „ 66
- 6) Бгѣ бл҃гаго бл҃гтію а за прѣбѡю жителій столицы
 великаго княжества Литовскаго града Вилни; сія
 к҃граматика Словенска языка, з газофилакїи слав-
 ного града Острога, властное ѿчизны яснѣвель-
 можнаго княжати и пана Константина Константи-
 новича, княжати на Ѱстрогу, пана на Дубнѣ, вое-
 вѡды Киевскаго, маршалка земли Волинскія, и про-
 чая, зпечедобливое его мѣти ласки выдана, для на-
 ученія и вырозумѣнія бжтвеннаго писанія, а за
 помощію хѣю, на нескертную славу народу дому
 его княжатской мѣти. Выдрукована в мѣстѣ Вилень-
 скомъ, в року народженія Слова и Бгѣ и Спса нашего
 іса х҃а, д҃фпз, мѣа октѡврїа и го дня, на память
 прѣбным мѣтре нїсѣм Пелаген, а ѿсотворенїа свѣта
 зѣе го. В друкарни дому Мамоничовъ . . . л. на об. 66

- 7) Ё другія діалектики иѡна спанъ инъ бергера о
 силогизмъ вытолеовано листъ 67—72

Въ слѣдъ за этой помѣщена замѣтка князя
 Курбскаго, напечатанная сполна въ Опис. Библ.
 А. И. Хлудова, А. Поповымъ (листъ 116: сказъ
 Андрѣя чего ради сія написана) листъ 71 на об.

- 8) Узнаменованіе или приказнь риторики листъ 74

Рассказывается притча: Царь нѣкій обрѣте
 землю оудобноу. Статья эта находится въ рукописи
 Рум. Муз. № СХСІІ. л. 4, по опис. Востокова.
 Предшествующая этой статьѣ въ Румянцевской
 рукописи СХСІІ начинается похвалою Риторики,
 которую она сама себѣ говоритъ. Эта похвала нахо-
 дится въ ст. XIV описываемаго сборника: книга
 избранная вкратцѣ о девяти Музахъ о седми сво-
 бодныхъ искусствахъ. гл. ІІІ. Риторика. листъ 156.

Въ моемъ сборникѣ, кромѣ того, листъ . . . 74
 подъ заглавіемъ Риторика, помѣщено другое похваль-
 ное слово, которое Риторика сама себѣ говоритъ:
 Азъ есмь риторика добрѣливаго і яснозрителнаго
 разумѣнія, мнѡю граматика исполняется и діалек-
 тика оукрашается.

Рѣчь Риторики оканчивается словами: едва
 виѣщеніе бываетъ моему высокому оуказанію и раз-
 личеству и собранію.

- 9) Добрословія или хитрорѣчія наоучающія. Книги
 суть Риторики двои потонку вѣ вопросехъ спи-
 саны скорого і оудобнаго ради наоученія. Книга
 первая изобрѣтенія дѣлѣ. Началныя мѣста или
 статьи и т. д.... Объясненіе кончается словами
 возбуженія или воскуренія серѣца слышателей. л. 75
 Конецъ первыя кѣниги. листъ 98

Статья эта таже, что описанная Востоковымъ подъ № СХСІІ. л. 7, хотя въ описаніи не упоминается заглавіе и содержаніе статьи, здѣсь помѣщаемое, а прямо начинается съ вопроса: что есть Риторика и что содержитъ оученіе ея?—Востоковъ приводитъ „Атеніенчики“ и „Маркиша Тилиоуша“ для опредѣленія Польскаго происхожденія этой Риторикѣ. Эти два слова недостаточны. Кикеронъ Маркисъ Тилиушъ указываютъ на Греческое правописаніе. „Гречестіи моудреци риторію си рѣчь теченіе словъ сію глаголють быти. Паки же Латинстїи мудреци риторикѣ сію наоуку нарекли, и сего ради проименовашеся отъ тоя риторъ, си рѣчь оучитель богословія наченъ есть. Такоже наоука отъ Димонтена (sic) Греческаго ритора си рѣчь хитро-рѣчиваго, и отъ Маркуса Тилиоуша и Кикерона Латинскаго хитрословія начальника“. Въ этой же статьѣ упоминаются Ликиниоушъ и Клаоудиоушъ; не объяснено—почему эти Малороссійскія формы, употребляемыя весьма зрудитными людьми, какъ Галатовскій, опредѣляютъ, что компиляція составлена на основаніи какого либо Польскаго трактата.—Компиляція составлена по книгамъ древне-Церковно-Словенскимъ, Греческимъ, Латинскимъ, можетъ быть и Польскимъ, хотя въ редакціи этого новсе незамѣтно; даже изъ участія князя Курбскаго въ нѣкоторыхъ изъ статей сборника и составленіи сборника въ Бѣлоруссіи нельзя еще дѣлать заключенія о Польскомъ его подлинникѣ. Латинскія имена на „ушъ“ встрѣчаются въ древнихъ редакціяхъ сказаній о Троѣ и объ Александрѣ и составляютъ весьма правильную транскрипцію, какъ видимо бывшую въ ходу въ разныхъ

Славянскихъ земляхъ, и болѣе и долѣе, чѣмъ гдѣ либо, въ Малороссіи.

10)словъ. Образцы или воображенія или цвѣточцы л. 99—114

Тропость премеменение словъ. Ко приточному разумѣнію и ко изыщному гл҃анію. — Заглавныя буквы и слова не обозначены въ рукописи и, судя по оставленнымъ мѣстамъ, они должны были быть роскошно разукрашены; въ этой статьѣ говорится о риторическихъ фигурахъ.

11) Словенски ѡ грамотѣ і о ея строеніи, в ней же о буквѣ і о ея писменехъ вопрошенія оучѣтельская, яко в лицо оученическо і ѿвѣщанія оученическая яко в лицо учѣтельско. Вопросъ: что есть грамота и что ея строеніе л.115—147

„И еще бж҃ією помощію побесѣдуемъ о писменехъ і о ихъ содержаніи“ л.наоб. 119

Эта статья, самая важная въ отношеніи къ нашему древнему правописанію, выражаетъ взглядъ Русскихъ до-Петровскихъ ученыхъ на правописаніе. Статья эта болѣе полна, чѣмъ указанія, сохранившіяся въ грамматикахъ Смотрицкаго и иподіакона Максимова, ученика братьевъ Лихудіевъ.

Діалектическія риторическія и грамматическія указанія, вошедшія въ составъ этого сборника, собраны изъ сочиненій Іоанна Дамаскина по переводу Іоанна Екзарха, князя Курбскаго и діалектики Спангенбергера, и относятся до всей нашей уставной письменности. По опредѣленію статьи о грамотѣ, ѡ признается гугнивой и произвольной гласной, что весьма мѣтко опредѣляетъ его отношенія къ Польскому языку и къ Болгарскому. Въ рукописяхъ

- Болгарскихъ и дѣйствительно обозначаетъ разные
неопредѣленные звуки между А и Ъ.
- 12) Написаіе о клонені.хъ съ тонкословіемъ извитіе сло-
весь Ѡ осмочастныя книги богомудраго философа. л. на об. 143
- 13) Книга избранная вкратцѣ ѡ девяти Мусахъ и о седми
свободныхъ художествахъ (киноварю).
Предисловіе	листъ.	149
гл. Ѧ. Ѡ девяти Мусахъ сказаніе.	л. на об.	151
гл. Ё. Грамматика, первое свободное художество „ „ „		153
гл. Ѓ. Риторика, второе свободное художество „ „ „		156
гл. Ѧ. Діалектика, третіе „ „ „		159
гл. Ё. Аріѣметика, четвертое „ „ „		161
гл. Щ. Мусика, пятое „ „ „		165
гл. Ъ. Гешметрія, шестое „ „ „		169
гл. Ы. Астрологіа, седмое „ „ „	на об.	173
- 14) Риторства. Еже како изчезе мѣрованіе си рѣчь смыслъ,
и еже како скрыся слово листъ на об. 176

Это риторство обозначаетъ, кажется, Риторею или Литорею, но не
буквенную. Неудобопонятная метафизическая статья оканчивается сло-
вами: „Ѡ сихъ убо нѣѣ вократцѣ, бѣу поспѣшествующему, чрезъ бѣго-
полученіе великаго нашего монархи Царя и Самодержца, во иное
благое время пространіѣе о всѣхъ напишется“. За этими словами
слѣдуетъ:

„Стихи іроелегистіи на Аполлона, на Мусы и на семь свобод-
ная художества“.

Они, вѣроятно, относятся къ основанію Славено-Греко-Латинской
академіи въ Москвѣ, учрежденной Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ.
Стихи эти, какъ и вся статья о риторствѣ, напечатаны сполна, на
стр. 194 и сл., такъ какъ этотъ взглядъ ритора конца XVII стол.
указываетъ—какія хитросплетенія и упражненія въ словоскрытіи
преобладали въ средневѣковой литературѣ.

Въ статьѣ о грамотѣ, помѣщенной въ этомъ грамматическомъ

сборникѣ, находится опредѣленіе ѡса — гугнивымъ и произвольнымъ; изъ этого опредѣленія видно, что наши грамматики сознавали носовое значеніе ѡса въ древнихъ Церковно-Словенскихъ памятникахъ, каковы Остромирово Евангеліе, по его звуковому соотвѣтствію гласной Ѹ, а равно и неопредѣленное, произвольное звуковое значеніе этой буквы въ Болгарской письменности (ѡ дѣйствительно въ Болгарской письменности соотвѣтствуетъ, какъ уже здѣсь неоднократно говорено было, цѣлому ряду гласныхъ, дифтонговъ и полугласныхъ. Оба ѡ соотвѣтствуютъ вполне гласной, сопряженной съ нѣмыми Л, М, Н и съ гугнивымъ Г. Буква эта соотвѣтствуетъ французскому ou, au, ol и al: fou и fol; cheval chevaux; il, eux. Въ статьѣ о Синдѣ, Зундѣ и Сундаряхъ приведено много примѣровъ изъ Романскихъ, Германскихъ, Финскихъ и Татарскихъ языковъ, указывающихъ на соотвѣтствіе звуковъ Сугдъ, Soldaia, Sund, Soudan, Sultan—нашему сѣдъ. Норренское Sund—fretum, natatus въ близкомъ сродствѣ съ Финскимъ saūdan, грести, что вполне объясняетъ значеніе нѣмецкаго Sund. Невозможно сомнѣваться, что это слово, по крайней мѣрѣ, принадлежитъ столькоже Азіи, какъ и Европѣ. Многочисленные проливы на дальнемъ Востокѣ называются Сундъ—тѣмъ же именемъ, которое между туземцами было уже въ употребленіи до распространенія Европейскаго вліянія.

Судя по одной изъ статей этого сборника, въ немъ видно значительное участіе иностранца, и именно Грека:

На листѣ 141: „оу васъ же Русѣхъ, долѣ оубо складъ есть иже писѣсѣ, и ѡ, ѣ, ы, Ѹ, ѡ, ѡ“.

На оборотѣ того же листа: „овогда же сѣ силами, ли озію, ли периспоменію ѿ, ли варію. такоже и оу васъ Русѣхъ подобаетъ быти. . . . а глѣмая времена и макрѣ, і врахія оу васъ Русѣхъ никакоже потребно“.

Выписанное здѣсь помѣщено въ статьѣ, начинающейся на обо-

ротъ л. 133, со словъ: „полное число пишуть на дѣхъ, а неполное число на исподи“. Статья оканчивается на стр. 142.

Въ статьѣ о грамотѣ есть нѣсколько указаній болѣе опредѣленныхъ и полныхъ, чѣмъ въ грамматикѣ Смотрицкаго и грамматикахъ, изданныхъ въ 18-мъ столѣтіи. Въ статьѣ XI, стр. 120, находимъ опредѣленіе яса гугнивымъ и произвольнымъ во всякомъ случаѣ за много лѣтъ до открытія, сообщеннаго Востоковымъ въ Труд. Моск. Общества Люб. Росс. Слов. въ 1820 году.

„Вопросъ.“ Которыя писмена звательныя и которые ползвательныя въ буквѣхъ и колико ихъ число изочти ми я вся. *Свѣтъ.* Звательныхъ писменъ въ буквѣхъ двадцать со единемъ и суть сіи: ѧ, е, ѳ, і, о, Ѹ, ѡ, з, ы, ъ, Ѣ, ю, Ѥ, г҃а, ё, ѡу, ѱ, ѕ (6) и (8) а (4). *Вопросъ.* Звательныя писмена кои и которыя гласы обдержитъ по статіямъ. *Свѣтъ.* Сіи писмена сицевыя гласы обдержитъ.

АЗЪ, гласъ знаменї и простъ обдержї .а. назнаменателнъ .іа.
внѣтленъ. статїя первая. ..

ѢСТЬ СКУДЕНЪ ГЛАСЬ ОБДЕРЖИ. ѠТЬ ГИБОКЪ. Ё ДОВОЛЕНЪ. СТАТІЯ
ВТОРАЯ.

йже оузокъ гласъ обдержитъ. ёрь широкъ. і пlosокъ. статія третія.

Ѧнѡ ѡстрогѡа обдержитѡ. ѡ гладокѡ и логоватѡ. ѡ затинчивѡ.
статія четвертая.

ѣкъ пространенъ гла обдержитъ. оу доволенъ. ю вѣрнопъ.
ѣсъ гугнивъ и произволенъ. ѣ неуставенъ. статія пятая.

ѣръ толстѣ гласѣ обдержитѣ и братоѣ. ѣръ тонокѣ и кратокѣ, и сокращенѣ і шпроверженѣ, ѣрица такоже ѣръ. сѣтія шестая.

Ижица послѣдуетъ во иныхъ мѣсто. Сіи писмена сицевыя гласы обдержѣ и въ нихъ десять писменъ дѣльныхъ и вкупѣ имянныхъ, ꙗкобы содѣлаются гласыма; і ѿ тѣхъ ѣ писмень началнѣйшихъ сіи есть: а, ѣ, ѝ, ѡ, оу; другая пять писменъ тѣмъ способны

и сѣть сія: ѿ, є, і, о, ѹ, і ина ѿ (8) писмянъ самособны не помогаютъ ни требѹють согласія и сѣть сіи: Ѡ, ы, ѣ, ю, ѡ, ѣ, ѡ, и; и еще два писмени пѣданныя пишѹтся во иныхъ мѣсто писменъ: ѡ, ѹ; сіи писмена имѣють слогъ равенъ и Ѡ тѣхъ два писмяни имѹтъ слогъ кратокъ еръ да ерь, і едино писмя имать сокращенъ ѿ. *Вопросъ.* Которые писмена звательніи вмѣняются вѣмѣсто писмянъ звательныхъ же и кое вѣ koliko писменъ вѣмѣняются. *Ѡвѣтъ.* Соуть сіи писмена вмѣняются тако и вѣ толико.

ѿзз вѣмѣняютъ вѣ два писмени, первое за ѿ'зз, второе за ѿѿ; а врьдѣ гдѣ прилѹчится в реченіи два ѿѿ, то вѣ послѣдняго мѣсто ѿ'зз сѣ варіею вмѣняются, также и во всѣхъ писмянехъ звательныхъ вмѣняются ѿ'зз за ѿѿ сѣ варіею и безъ варіи, а самъ ѿзз в себѣ третіе писмя.

ѣсть вмѣняются за ѣ, а само в себѣ второе.

ѿже вѣмѣняю за і, а само в себѣ второе. і за ѿже, а само в себѣ второе; гдѣ лѹчится в началѣ рѣченіи два і, то в послѣдняго мѣсто ѣже; а гдѣ прилѹчится в срединѣ рѣченіи ѿже, а по немъ і, то во ѿже мѣсто і, а во і мѣсто ѿже, также и в концехъ и в началѣ; а во всѣхъ писменехъ звательныхъ вѣ срединахъ рѣченіи и в концѣхъ ѿже вѣмѣняю за і и за ѿже, а само в себѣ третіе. і вмѣняются за ѿже, а само в себѣ второе; ѿнз вѣмѣняю за Ѡ, а само в себѣ второе. ѿкз вѣмѣняются за оѹ, а само в себѣ второе; юз вѣмѣняются за два писмени, за ѿкз и за ю, а само в себѣ не владѣеть; а гдѣ прилѹчитъсѣ во единемъ рѣченіи порядѹ два ю, то в послѣдняго мѣсто вмѣняются ѡ; также і ѿжица писмя само в себѣ не владѣеть, а вмѣняются за четыре писмени: первое за ѿже, второе за ѿкз, третіе за оѹ, четвертое за вѣди. Ѣрицѹ вѣмѣняются за ѣ'рз и вѣ слове ѣ'рцѹ ѣ'ромъ имянують, а в рядѹ не пишѹтъ; сіи писмена тако и вѣ толико писменъ вмѣняются.

Вопросъ. Како кои писмена звательныя разнятся со знамяны.

Ѡвѣтъ. Тако сѣть сіи писмена разнятся: ѿ'зз со знаменіемъ ѿ, ѣсть со знаменіемъ ѣ, ѿже со знаменіемъ і, ѿнз со знаменіемъ Ѡ, ѿкз о знаменіемъ оѹ, тако і ѿжица со знаменіемъ ѿ, и наки ѿжица со

двѣма знаменіи ѿже ѿ. *Вопросъ.* Кои писмена соединяются бѣнаменіи в'серединахъ рѣченіи и в концѣхъ. *Ѣвѣтъ.* Тако соединяются писмена бѣнамянъ просто: і безнамяни ѿже, ѿже в'серединахъ рѣченіи и в концѣхъ, ѣсть безнамени ѣ, оу безнамени ѹ, ѿжица безнамени ѿ, вѣди. *Вопросъ.* Како которые писмена звательныя строенія содержатъ рѣченіемъ красоты ради изложены в началѣхъ и в срединахъ и в концѣхъ. *Ѣвѣтъ.* Сицево изложено и сице пишѹтъ три писмени: в началѣхъ рѣченій и в срединахъ первое а, второе ѡ, третіе оу, толико во единой рѣчи шбдержитъ оу. в концѣхъ гдѣ глѣтъ не оу прилѹченіе времени бываетъ; а дванадесѣ писменъ содержатъ в срединахъ рѣченій и в концѣхъ, и сѹтъ сіи: а, ѣ, оу, з, ы, ѣ, ѣ, ж, ѿ, і ѡ сихъ едино писмя ѿнѣ содержитъ в началѣхъ рѣченіи, а пишѹтъ его предъ единомъ икомъ, а слагаетъ оу, а другое писмя мало содержитъ в началѣ реченіи прилѹченіемъ ѣ. А шесть писмянъ содержитъ в началѣхъ рѣченіи, в срединахъ и в концѣхъ, и сѹтъ сіи: і, ѣ, ю, іа, ѡ, н; і ѡ сихъ едино писмя ѡ содержитъ на двое: в началѣхъ реченіи просто, а в срединахъ рѣченіи и в концѣхъ предъ звательными писмены и по звательныхъ и предъ полѹзвательными писмены просто же; а полѹзвательныхъ писмянѣхъ слагается логовато. Сія вся изложенія изъявлены о звательныхъ писмянѣхъ; помалѣ же предложитъ бесѣда о звательствѣ і ѡ его радѣленіяхъ, нѣѣ же еще воспоминаемъ ѡ писмянохъ полѹзвательнѣхъ і о нихъ изложеніяхъ, да извѣстѣно бѹдетъ колико которыхъ писмянъ. *Вопросъ.* Колико есть вбуквѣ писменъ полѹзвательныхъ. *Ѣвѣтъ.* Полѹзвательныхъ писмянъ вбуквѣ кѣ. *Вопросъ.* Которыя, изочти ми я вся. *Ѣвѣтъ.* Сіи сѹтъ: в, в, г, а, ж, з, з, к, а, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, з, ѡ, ѡ. *Вопросъ.* Полѹзвательныя писмена кои и которыя шбдержатъ гласы. *Ѣвѣтъ.* Сіи сицевыя гласы шбдержатъ: два писмени грѹбы, в, н; три писмени свибливы, в, ф, ѡ; два писмени тяжки и натѹжны и гугнивы, г, х; два писмени прости и легки, агромны, а, т; два писмени шепетливы, ж, ш; пять писмянъ сипавы, з, з, с, з, ѡ; три писмены іасны, ц, ч, щ; два писмены кортавы, к, р; три писмены нѣмы,

л, м, н. *Вопрѣ*. Пользвательныя писмена кои, с которыми гласы сходятся въжею недостатка ради язычнаго и колико ихъ число. *Ѣвѣтъ*. Пользвательныхъ писмянъ сходительныхъ єі, и сїи с ними сходятся воуки с покоем, вѣди с фертѣмъ да с ѣнтою, глаголь с хѣ. ромъ, доврш с твердо, живѣте с шєю, земля с сѣломъ да словомъ, цы с червѣмъ, і ѿ сихъ сходительныхъ писменъ едины чисты, а другія тусклы; чистыя же сїи: б, в, г, д, ж, з, з; а тѣсклыя же сїя: п, ф, ѣ, х, т, с, ш, ч. аще етѣшъ недоволенъ въ языцѣ, и тѣ сходительныя писмена выѣняа едино въ другое и другое во едино, всяко рѣченіе исполнить немотою и въ разѣмѣ мощно знати, а писати тако негодно. *Вопрѣ*. Колико писмена пользвательныя сходятся во едины согласїа неразвратно, кои с коими. *Ѣвѣтъ*. Согласныхъ писмѣ пользвательныхъ ѡ, сїи с сими: сѣло с сѣмлюю одинако, фертъ с ѣнтою одинако же неразвратно; сїя вся изложенїя ꙗвлены ѿ пользвательныхъ писменехъ. Немнозе же предложится бесѣда о пользвательствѣ і о пристоящихъ къ немѣ раздѣленїяхъ; а преже извѣстїи звательство каково есть л. 120—123.

Статья о грамотѣ оканчивается правилами объ акцентахъ, въ слѣдъ за которыми помѣщены буквенныя числа до десяти тысячъ, стр. 132 и 133:

„Посемъ бо потреба сказати о писменехъ вымолвнѣхъ.

Вопросъ. Что есть писмена вымолвная и како ихъ пишѣтъ. *Отвѣтъ*. Писмена вымолвныя, рекше сила и с правленію вѣщаней, тѣмъ много разѣмъ разнится, а пишѣ ихъ верхѣ писмянъ. *Вопрѣ*. Колико писмянъ вымолвнѣхъ. *Ѣвѣтъ*. Вымолвнѣхъ писмянъ десять сїи сѣтъ:

а) звательцѣ пишется въ началѣхъ рѣченей на звательными писмянны.

б) ѣкъ пишется въ началѣхъ рѣченей на звательными писмянны с протяжкою объявится.

г) окъ в серединахъ рѣченей с протяжкою объявится.

д) варїа въ концѣхъ рѣченей полагается с протяжкою обновляется.

ѣе) ѣ пострѡе пишется на единемъ писменемъ звателнѣ ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, како оучать, тако и глѣтъ просто.

ѣе) великій ѣ пострѡе пишется на единемъ писмянемъ на ѡ; ѡ с восклицаніемъ обновляетъ сице, ѡко се: ѡ ѡ ѡ премногомъ ти чѣко-любін и прочая.

ѣе) камора ѣ пишется на ѣ двама или на ѣ трема писмены над полными рѣчми, яко сѣ то всѣ на ѣ единоголасною рѣчію.

ѣе) стѣга едино с каморою.

Девятое) смычець единою же с каморою, пишется гдѣ прилучится рѣчь два.

ѣе) титла, рекше покрытие ~, пишутся по ѣ нимъ имена полныя въ малыхъ писменехъ; аще на ѣ единемъ писменемъ напишутъ покрытие, творить число, а не сложеніемъ числа пишѣ, но избранными писмянны ѡ буквы.

Калайдовичъ (Іоаннъ Екзархъ Болгарскій. Москва. 1824. стр. 81) сообщаетъ выписку, соотвѣтствующую упоминаемой мной на стр. 179, подъ № 1, статьѣ, помѣщенной въ слѣдъ за сороковой главой Философіи или Діалектики Іоанна Дамаскина. Въ выпискѣ Калайдовича:

„Философія въ спискѣ Даніила Митрополита, содержащая 44 л., заключается слѣдующими словами:“ источникъ поистинѣ еси, отче Иване! мысленныхъ водъ струя проливая и вѣрныхъ сердца напаяя умнѣ. Аще и въ епистолѣи, сирѣчь въ посланіи, сей святыи сице рече: яко по еже представи яже о премудрыхъ Еллиньскихъ сихъ сблизъ изложу яже ересей, таже истины; но убо мы разумнѣ сътворихомъ, по философѣхъ яже истины представляше, таже яже ересей, не противящеся святому, не буди то, отступи, но паче изволивше яже истиною извѣстнѣ вѣдѣти, неже яже ересей. „Слѣдовательно—присовокупляетъ Калайдовичъ—Екзархъ Болгарскій сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи своего подлинника“.

Въ принадлежащемъ мнѣ грамматическомъ сборникѣ находится болѣе пространное послѣсловіе, отдѣленное отъ сороковой главы написаннымъ киноварью заглавіемъ, оканчивающимся словомъ: Аминь.

„Источникъ еси истинѣ ѿче Іоанне, мысленныхъ водъ струя проливаяя, и вѣрныхъ сѣца напаяя оумнѣ. Аминь.

„Аще и в посланіи сей сѣи сице рече: тако по еже прѣ-
ставить таже ѿ мудрѣхъ Еллинскихъ сѣ соблазъ изложу таже ересей,
таже таже истинны, но оубо мы размѣниѣ сотвори хѣ по философехъ
таже истинны прѣставльше. таже таже ересей, не противящеся сѣму
ѿступихомъ. но паче изволише ѿже истинны истинною извѣстиѣ вѣ-
дати: неже ѿже ересей.

„Кирилъ Словенскій вопроси бы ѿ Логофета, что есть филосо-
фія, рече Бжїимъ и члѣскимъ вѣщамъ разумъ, и елика можетъ члѣкъ
приближаться Бжїѣ, тако дѣтелию оучитъ его, по образу и подобью
быти сотворившему и.

„Егда бо сила есть дѣйство, существо не глѣтся, а паче есть; егда
же дѣйство есть, сила не глѣтся, но дѣйство, дѣйствуемаго ради.

„Нешпредѣлна, оустава не имѣщи; прѣшпредѣленіе, предъполо-
женіе; безъ чинѣ, безъ мѣры; ѿлично, неподобно; наручно, неразумно;
белегъ, срока знаменіе иже в крѣзѣ; имство, размѣниѣ, или чувство
дѣховное; шгню оубо имство есть, еже есть качество согрѣвателно;
илектронъ есть камень честенъ зѣло свѣтелъ; злато, серебро, олово,
свѣторъ ѿ земля качеству сѣтъ; коварство, нравъ; серафимъ, пожига-
теліе или согрѣвателіе; херувї, множество разума или излітіе пре-
мудрости; престолы, горѣносное и неклонительное, неколебательнѣ
и благостойнѣ присѣдимое; прѣтолы, херувимъ, серафимъ; чловѣкъ
истинѣ пакость, злу наставникъ, древле клеветникъ.

Словесница Аристотелева, Богословія Платонова, Пїитики
многихъ философъ слова, тѣми книгами можетъ каждо философъ
свою книгу составить; глава ей Омїро: ѿ Бгѣ создалъ члѣка по-
средѣ двою животну, посредѣ аггль и скота, низъши аггль гнѣ-
вомъ и плотію, а выше скота словомъ и смысломъ.

Имя, слово, часть, загадка, прозвище, присловіе, слѣченіе
слѣка (складка) (стр. 55—56).

Здѣсь встати замѣтить, что въ учебникѣ, приготовленномъ къ

печати въ 1586 году, для составленія философическаго сочиненія, указывается на Гомера, какъ на главу системы.

Мысль вообще вѣрная, что начало философіи содержитсяъ въ памятникахъ, хранящихся въ народной памяти. Это значеніе Гомеръ и Гезіодъ имѣли въ древности. — Въ Календарномъ Сборникѣ подъ названіемъ: „Рука Богословля ꙗ Вселенскаго Собора тѣхъ отецъ, обхожденіе пасхи и лунному кругу въ фѣв лѣтъ“ — помѣщена, вслѣдъ за исчисленіемъ вышедшихъ изъ Египта Израилитянъ, на двухъ страничкахъ та же статья о философіи: „Блаженный Константинъ философъ спросимъ бысть штъ холастика (схоластика) Логафета Варахисія кіарта“. Въ ней находится также ссылка на Гомера, немного подробнѣе и понятнѣе: „Философство имать держати твердо и разумно и словеса и рѣчи украсити и составлять главизна повѣствуется ей Омиро“. Затѣмъ приводятся тѣ же слова, что человѣкъ созданъ между аггль и скота.

Эти ссылки на Гомера, какъ источникъ философіи, въ грамматическомъ и календарномъ сборникахъ, весьма важны, какъ подтверждающія фактически предположеніе объ извѣстности Гомера въ древней Россіи, и особенно въ училищномъ мірѣ, со временъ первоучителя Кирилла. Въ томъ же календарномъ сборникѣ помѣщена фیزیологическая статья, находящаяся въ прямой связи съ словами Гомера, приводимыми св. Кирилломъ; эта статья указываетъ на пространнѣйшій трактатъ, приписываемый Гомеру: „Изъ Омира мудреца ѡ составленіи тѣлесъ младенческихъ во утробѣ“. Въ слѣдъ за статьей мудреца Гомера исчислены отношенія частей тѣла къ мѣсяцамъ и знакамъ зодіака и разные указы, какъ человѣку „руда метать“ и другія цѣлительныя средства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Гомеръ у насъ игралъ ту же роль знахаря и Баяна, какъ Виргилій въ западной Европѣ. Статья эта весьма напоминаетъ богословіе и философію Индѣйскую: *Oupnek'hat*. 14. *brahm* 112, 28, *br.* 136, изд. Анкетилемъ Duperron въ 1802 году.

Въ описаніи Румянцевскаго музея Востоковымъ, подъ № СХСІ,

въ грамматикѣ Іоанна Дамаскина по переводу Іоанна, Екзарха Болгарскаго, скорописью XVI или XVII вѣка, это же мѣсто читается:

„Тѣми кнѣгами (Аристотеля и Платона) м.жетъ в.ждъ. Ѡлѣфъ св'ю книгу с'ставити . глава ей Омиръ: Гдѣ Богъ сѣда и т. д.

Въ сборникѣ разныхъ поученій подѣ № CLXXXII, названномъ Златоустъ и описанномъ въ 1555 году, между словами Святыхъ Огнецъ, предполагаемыхъ Востоковымъ русскими, читается на обор. 23 л.: также и Кириллъ философъ рече . человѣка созда Богъ между двоу и т. д.

Эти частныя указанія на нашего первоучителя Кирилла, называвшаго Гомера главой древней философіи, достаточно поясняютъ, что въ древней ученой Россіи смотрѣли на Гомера, какъ на Бояна или Кагана, древнѣйшаго учителя философіи и теозофіи. Таковы суть дѣйствительно рапсодіи Гомера и Гомеридовъ, т. е. сборникъ заключающихъ въ себѣ всю древнѣйшую мудрость народныхъ эпическихъ пѣсенъ. — Для классической Греціи и для училищнаго міра этотъ Боянъ былъ Гомеръ; но у другихъ народовъ онъ могъ называться Мерлинъ, Мимиръ, Одинъ, Баянъ, Тюрунъ, Музыкай, Линъ, Орфей, Пэанъ, Эскулапъ, Есмунъ и т. п. Имена эти обозначали школы или, правильнѣе, ордены пѣвцовъ и знахарей.

Этотъ взглядъ на Гомера едвали перешолъ къ намъ изъ Константинополя, въ XVI столѣтіи; если въ XV и XVI столѣтіи снова пробудилось въ Россіи стремленіе къ классическому образованію, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ случаѣ, если даже упоминаніе въ учебникахъ о Гомерѣ, какъ источникѣ философіи, есть позднѣйшая вставка, то весьма важно, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что наши учителя XVI, XVII и XVIII вѣка съ греческимъ или, пожалуй, и латинскимъ отѣнкомъ, указывая на Гомера, какъ на главу философіи, считали правильнымъ ссылаться на Словенскаго первоучителя Кирилла. Имя Гомера и его первенство между поэтами выражено въ томъ же грамматическомъ сборникѣ, въ позднѣйшей статьѣ, стр. 100—102. Имя его приводится для поясненія риторической фигуры: „Что есть антономія“.

„Антономасія, то есть егда начертаніе, или ознаменованіе, или истиннословіе или описаніе ставимъ вмѣсто каковаго имѣнія якоже есть вмѣсто Омира — творца стиховъ, вмѣсто Аристотеля — философа, вмѣсто Спаса — Хрѣта, вмѣсто гнѣва — злость. Латинскимъ языкомъ антономасію называютъ пеормутасію (permutatio) сирѣчь прииѣненіе“.

За послѣсловіемъ слѣдуетъ въ сборникѣ съ новой страницы: Сѣаго Іоанна Дамаскина ѡ осми частехъ слова; вслѣдъ за симъ три статьи, помѣченныя на стр. 179, подъ 3) о титлахъ и надстрочныхъ знакахъ, 4) о раздвижкѣ и 5) о вопросительномъ, отрицательномъ разумѣ и разумѣ удивленія съ примѣрами. Каждая изъ этихъ статей написана въ видѣ отдѣльной замѣтки. На оборотѣ 66 листа помѣщена помѣтка о выходѣ книги въ Вильнѣ въ 1586 году. Таковаго изданія вовсе не извѣстно, хотя Лелевель и помѣстилъ его въ списокъ первопечатныхъ книгъ, вѣроятно на основаніи этой же самой помѣтки, напечатанной Калайдовичемъ въ Іоаннѣ, Екзархѣ Болгарскомъ. Въ слѣдъ за переводомъ философіи и грамматики Іоанна Дамаскина, приготовленномъ къ напечатанію въ Вильнѣ, помѣщена въ рукописи діалектика Іоанна Спангенбергера, германскаго богослова, отца Киріака Спангенбергера, автора многихъ руководствъ и, между прочимъ, автора сочиненія о музыкѣ и пѣвцахъ, изд. въ 1861 г. Каллепомъ (Bibl. des Litt. Vereins in Stuttgart).

Отецъ Киріака, издалъ нѣсколько сочиненій, относящихся до пѣнія, преимущественно церковнаго. Его же *Postilla Deutsch Witt*. 1543, было переведено на Чешскій языкъ: *Postylla czeska w. Proslegowe Ian Guntter*. 1546. in 4.

Не входила ли діалектика въ составъ философскихъ сочиненій Вольфрама Спангенбергера: *Anmutiger Weisheit Lustgarten erstlich von Martino Mylio nun aber durch Lyc. Psell. Androped. Strasburg bey Ioh. Carolo*. 1621. in 8.

Сборникъ оканчивается статьей, указывающей на сколько можетъ быть затруднительно пониманіе средневѣковыхъ трудныхъ повѣстей. — Весьма можетъ быть, что Сеньковский вѣрно понималъ

прилагательное „трудный“ какъ относящееся къ загадочности изложенія. Сеньковский видѣлъ въ этомъ выраженіи доказательство Польскаго школьнаго вліянія; но Греческіе ритори до и послѣ XII-го столѣтія едвали уступали Латинскимъ. — Весьма любопытно, что Галатовскій такъ понималъ это выраженіе: „тріе ми есть“ говоритъ Соломонъ въ притчахъ своихъ „невозможная уразумѣти и четвертаго не вѣмъ: слѣда орла паряща и пути змія по камени и стези корабля плывущи по морю и путей мужа въ юности“ (XXX. 18—19). Вмѣсто „невозможная уразумѣти“ въ ключѣ разумѣнія Галатовскаго находится „трудныя рѣчи“: „Написалъ Соломонъ в приповѣсткахъ; три рѣчи суть мнѣ трудны: дорога орла на повѣтру, дорога ужа на камени и дорога карабля на морѣ. Православніи Христіане латвыи (легкіи) суть речи которыи Соломонъ трудными называетъ“ [стр. рѣв на оборотѣ]. „Патріархове старозаконныи вѣрили труднымъ и неподобнымъ речамъ, которыи Богъ мовилъ, такіи былъ Авраамъ который немѣлъ потомка, а гды мовилъ ему Богъ: возри на небо и сочти звѣзды аще можеши почести тако будетъ семя твое, теды вѣрова Авраамъ Богу и вѣѣнися ему въ правду“ [ч. II, стр. ѱа]. Тоже значеніе имѣють „трудныя словеса“ въ Екклесіастѣ I, 8: вся словеса трудна не возможесть мужъ глаголати и не наснитися око зрѣти ни исполнитися ухо слышанія. Что было тожде есть еже будетъ; и что было сотвореное, тожде имать сотворитися: и ничтоже ново подѣ солнцемъ.

Выраженіе трудный соотвѣтствуетъ здѣсь Греческому οἱ λόγοι ἐυχόπιοι, трудныя словеса.

Привожу здѣсь сполна послѣднюю статью сборника:

Риторство. Еже како изчезе мудрованіе, си рѣчь смыслъ и еже како скрыся слово.

Понеже рождается словомъ въ сердцѣ а еже како разліяся сугубое, си рѣчь нѣбѣи душевныи и тѣлесныи, а еже тричастное погубе душевныи три части суть словесное, яростное и желательное, а еже четвертое разтлѣ видѣніе тѣлесѣ, пятое же бездыханіе мертво, сирѣчь

сердце и яже воздушныя части, аже сугубая десница погибѣ и по седмой сугубое же иже дващи десятица имущая тако видѣніе шбо-
няніе, внушеніе, слышаніе, шсязаніе, руцѣ двѣ, нозѣ двѣ, десятое
глава, первая десятица, стомахъ еже есть желудокъ, селезеня, душ-
никъ, горло шцѣ двѣ, зубы, ноздри и прочая еже ищай о Г҃ѣ да
просвѣтитъ а еже десятица сугубая погибѣ и по седмой сія семь
мудросте и цѣломудріе, вѣра, любовь, разумъ божественный, слава,
мечтаніе осмая же будущи вѣкъ растворяетъ же вошбраженіе, поне-
же душа добродѣтельно глаголетъ, поетъ и славить гласъ здѣ тако
непщую изшедши ѿ тѣла до воскресенія общаго и по воскресеніи об-
щемъ шбожена будутъ и с душами тѣлеса ихъ и безсмертная будутъ
во вѣки не проходимыя.

Сей чинъ риторства сирѣчь речеточства зане же разумѣть писа-
ти и глаголати.

Вопросъ. Тричастное погибѣ, четвертое розтлѣ, пятое бездыханія
и мертво сугубая десятица иже по седмой осмая приображаетъ бу-
дущаго растворенія.

Отвѣтъ. Тричастное погибѣ словесное, гаростное, желательное, чет-
вертое разтлѣ видѣніе тѣлесе, пятое бездыханіе мертво сирѣчь серд-
це и яже сугубая десятица десять перстовъ ручныхъ и ножныхъ,
также и по седмой тысяще осмая будущаго вошбражаетъ растворе-
ніе сирѣчь мертвыхъ тѣлесъ воскресеніе три дх҃и создалъ есть всесил-
ный Богъ.

Первая убо плотию непокрывается и не икупно сплотию умираетъ.

Отвѣтъ. Первый аггелскій ѿ члѣскій г҃ скотски ѿ сихъ убо нѣѣ
во кратцѣ Богу поспѣшествующему чрезъ благополученіе великаго на-
шего Монарха Царя и Самодержца во иное благое время пространнѣе
ш всѣхъ напишется.

Стихи іроелегіистин на Аполлона на мусы и на семь свободная
художества.

Аполлоне новня тебѣ мусы ѡвно зовутъ.

Ѹ нихже Спатарія рече і ѡстро пишеть.

Прійди Аполло́не нежа́лѣй Елпко́на горы.
 Исто́чникъ дре́внихъ и ликъ тво́й ѿста́виши.
 И́сный здѣ́ исто́чникъ, и гора́ па́че весѣлая.
 Мѣ́скою нѣвою всякая веселятся. листъ 177 на об.

Спаоарій дѣйствовалъ въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія. 1672 года мая 30. указалъ великій государь греческаго языка переводчику Миколою Спатариусу жить на Симоновомъ подворьѣ и переводить греческіе и латинскіе книги писать греческій словенскій латинскій лексиконъ (Дополн. къ Акт. Истор. VI. 217).

Прося извиненія передъ читателемъ за излишнее настаиваніе на предметахъ, не прямо относящихся къ изучаемому памятнику, считаю необходимымъ присовокупить нѣсколько словъ въ оправданіе.

Уже выше замѣчено было, что гг. Срезневскій и Пыпинъ заявляли мимоходомъ о несостоятельности Болгарской системы Востокова. Одинъ изъ наиболѣ компетентныхъ представителей Славянской науки въ Россіи, Владиміръ Ламанскій, въ статьѣ, посвященной И. И. Срезневскому, вполне откровенно ставитъ на видъ положеніе непорѣшеннаго вопроса: . . . „нѣтъ никакого основанія ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ сочинять и изобрѣтать два разныхъ Болгарскихъ нарѣчій, одно—древнее, до XIV в., и другое—среднее и новое, не болѣе другъ на друга похожія, чѣмъ нынѣшнее нарѣчіе Сербское, Чешское, Велико-Русское и Мало-Русское на языкъ древне-Славянской. Наконецъ, если признаки такъ называемаго средне-Болгарскаго языка встрѣчаются уже въ памятникахъ Словянскихъ XI—XII вѣковъ, то есть ли разумныя причины и основанія, съ одной стороны, удерживать въ наукѣ это названіе средне-Болгарскаго, а съ другой—языкъ Остромирова Евангелія и соотвѣствующихъ ему памятниковъ называть языкомъ Болгарскимъ.“

Весьма сожалѣю, что заявленіе это не было прочтено до окончанія настоящаго предисловія: можетъ быть дѣйствительно много излишняго и неумѣстнаго могло бы быть умолчано. — Настоящее изслѣдованіе

можетъ вызвать упрекъ, сдѣланный уже мнѣ Е. П. Барсовымъ въ его статьѣ о Словѣ о Плѣку Игоревѣ. — Не смотря на всѣ соображенія, вліяющія на болѣе мирное отношеніе къ лицамъ, заслужившимъ всеобщее уваженіе своими почтенными трудами, приходитъ время, когда слѣдуетъ не обинуясь сказать откровенное мнѣніе относительно дѣятельности школы, вліяющей на многія поколѣнія во имя идей, не имѣющихъ корней въ дѣйствительности, и потому направляющей умы къ безпредѣльной, обманчивой дѣятельности. Правильное изученіе и оцѣнка Слова о Плѣку Игоревѣ тѣсно связаны съ первоначальной исторіей древне-Словенской письменности. — Надѣюсь, что чистота намѣреній искупитъ въ глазахъ многихъ все то, что можетъ показаться посягательствомъ на заслуженные авторитеты и неуваженіемъ господствующаго мнѣнія; вся проглядывающая наружу вражда относится исключительно къ двумъ школамъ, господствующимъ въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ: Скандинавской и Болгарствующей. Неосновательность этихъ двухъ школъ со времени ихъ появленія достаточно были обнаруживаемы. Держаться они не могли бы, еслибы существованіе ихъ не было тѣсно связано съ третьей школой, утилитарной, явившейся въ Англіи и распространившейся около начала нынѣшняго столѣтія во всей Европѣ, но нигдѣ такъ упорно не привившейся, какъ въ Россіи. Нигдѣ утилитаризмъ не считаетъ столько поклонниковъ, какъ у насъ, хотя утилитаризмъ постоянно на дѣлѣ оказывался неплотодотворнымъ. Впрочемъ объ этой послѣдней системѣ въ научномъ изслѣдованіи не слѣдуетъ даже и говорить. Утилитаризмъ необходимо долженъ былъ покровительствовать двумъ Русскимъ историко-филологическимъ школамъ, поставившимъ родную науку внѣ положительной почвы, пресѣкшимъ съ перваго раза даже возможность, въ предѣлахъ ими назначенныхъ, приступить къ изслѣдованіямъ, объявивъ стоявшіе первыми на очереди вопросы заблаговременно рѣшенными. Закрѣпленіе науки въ двухъ тискахъ несомнѣнно облегчило преслѣдованіе утилитарной системой своей цѣли, и именно той цѣли, которая для

школы недосыгаема— практической умѣлости и сноровки. Созиданія обоихъ умозрительныхъ школъ, возводимыя на основѣ мечтательной, не могутъ не только послужить подспорьемъ для развитія какой-либо умственной дѣятельности, но, на оборотъ, прямо ведутъ къ противоположному результату.

Относительно вопроса о Виленскомъ изданіи 1586 г. слѣдуетъ сравнить свѣденіе объ изданіи 1587 года въ описаніи Строевымъ рукописей Царскаго: Книга глаголемая Простословія, некнижное ученіе грамотѣ, избранна нѣкоторымъ мудрецомъ, въ концѣ: сія грамотика Словенскаго языка выдрукована въ мѣстѣ Виленскомъ 7095 (1587)-го. находится въ Сборникѣ Царскаго № 423. скоропись XVII ст. л. 273. Передъ этой статьей на об. л. 260: Написаніе Словенскимъ языкомъ о Буквницѣ и т. д. Въ слѣдъ за статьей о Простословіи: на об. л. 344: Алфа Іоанна Дамаскина и на об. л. 347: Сказаніе о грамотѣ и о Пермской азбукѣ: Ср. въ оп. библи. Царскаго Строевымъ статьи, отмѣченныя въ Указ. Грамотки, Грамматики; подъ № 289. въ оп. библи. Царскаго описанъ Сборникъ XVII столѣтія подъ именемъ: Пасхалія съ прибавленіями; по содержанію, онъ соотвѣтствуетъ моимъ Сборникамъ: Грамматическому и Календарному.

СЛОВО
О ПЪЛКУ ИГОРЕВЪ,

ИГОРЯ
СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ВНУКА ОЛЬГОВА.

ПѢСНЬ
СВЯТЪСЛАВЛЯ,
ТВОРЦА СТАРАГО ВРЕМЕНИ:
ЯРОСЛАВЛЯ, ОЛЬГОВА, КОГАНЯ ХОТИ,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
—
1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Сомнѣніе: не должно ли начать пѣснь по образцу миѳическихъ. Начинается безличнымъ видомъ глагола «бѣшетъ»	1—3
II. Рѣшеніе, что пѣснь должна начаться согласно съ былинами, а не по вымыслу поэтическому	4—6
III. Причины сомнѣнія: описаніе древняго образца. Боянъ: Орфей, Гомеръ, Гезіодъ, Тірувъ Музыкай, Мерлинъ, Таліезинъ, Ахиллесъ Фирелешевичъ, Одинъ Ферелешевичъ, Котъ Баюнъ на Зеленыхъ островахъ, Миміръ, вообще прототипъ вдохновеннаго пѣвца. Боянъ первый историкъ, миѳологъ, географъ. Опредѣленіе, слѣланное русскимъ пѣвцомъ ясно и вѣрно . .	7—12
IV. Другой образецъ: былины первыхъ временъ междоусобій, начинающіяся уподобленіемъ богатырей соколамъ, а враговъ лебедямъ. — Оборотъ рѣчи продолжается посредствомъ безличнаго вида глагола: «помняшетъ», «пущашетъ». — Въ случаѣ, еслибы дѣйствительно глаголы «бѣшетъ, помняшетъ, пущашетъ» не были безличны, и «помняшетъ» и «пущашетъ» относились къ Бояну: то сомнѣніе пѣвца не имѣло бы повода	13—23

- V. Предпочтеніе Гомеру, не употреблявшему
общепринятыхъ обычныхъ приступовъ, но
предававшася вдохновенію 24—28
- VI. Пѣвецъ отказывается отъ классическихъ
и романтическихъ приемовъ и начинаетъ
свою пѣсню на историческомъ основаніи 29—35

I. ПОХОДЪ.

- VII. Игорь видитъ зловѣщее предзнаменованіе 36—37
- VIII. Рѣчь Игоря къ дружинѣ 38—43
- IX. Игорь колеблется при мысли о женѣ
своей, но желаніе ознаменовать побѣду
на Дону превозмогаетъ знаменіе 44—46
- X. Продолженіе рѣчи Игоря къ дружинѣ 47—50
- XI. Сожалѣніе пѣвца, что не Боянъ воспѣ-
ваетъ Игоря 51—58
- XII. Оправданіе движенія русскихъ князей
напоромъ Половцевъ 59—60
- XIII. Повтореніе воззванія къ Бояну, внуку
Велеса 61—62
- XIV. Воинственное одушевленіе Руси 63—67
- XV. Всеволодъ привѣтствуетъ брата и хва-
литъ своихъ Куранъ 68—85
- XVI. Игорь отправляется въ походъ 86—87
- XVII. Зловѣщія предзнаменованія 88—90
- XVIII. Дивъ, въ персидскомъ баснословіи сто-
рожъ прилежащихъ къ Кавказу земель,
даетъ вѣсть о приближеніи Русскихъ 91—95
- XIX. Половцы собираются къ Дону 96—99
- XX. Игорь приближается къ Дону 100
- XXI. Птицы и звѣри чуютъ погибель Русскаго
войска 101—104
- XXII. Грустное размышленіе пѣвца о положеніи
Русскихъ 105

XXIII. Наступленіе зловѣщей ночи и долгое ея продолженіе.	106—110
XXIV. Послѣдній ночлеги Русскихъ передъ битвою съ Половцами	111—113
XXV. Побѣда Русскихъ надъ Половцами	114—119
XXVI. Неистовое злоупотребленіе добычи	120—123
XXVII. Трофей Игоря	124—126
XXVIII. Гнѣздо Олегово отдыхаетъ послѣ битвы	127
XXIX. Размышленіе пѣвца, что одинъ лишь необузданный порывъ могъ погубить гнѣздо, не рожденное никому на обиду	128—131
XXX. Приближеніе въ эту ночь помощникъ къ Половцамъ	132—133
XXXI. День начинается знаменіемъ гибели Русскихъ	134—138
XXXII. Описаніе будущей битвы по предзнаменованіямъ	139—144
XXXIII. Повтореніе грустнаго размышленія, подобное стиху 105,	145—146
XXXIV. Вѣтри, внуки Стрибога, противъ Игоря. Участіе, принимаемое природой по случаю приближенія Половцевъ и гибели Игоря	147—151
XXXV. Разъѣзды посредствомъ знаменъ даютъ знать о приближеніи Половцевъ	152—154
XXXVI. Отступленіе Русскихъ	155
XXXVII. Положеніе обоихъ войскъ	156—157
XXXVIII. Воззваніе къ Всеволоду, находящемуся въ тылу отступившаго войска	158—162
XXXIX. Всеволодъ врѣзывается въ ряды Половцевъ	163—168
XI. Размышленіе пѣвца о презрѣннѣ Всеволодомъ опасностей, не дорожа мирскимъ счастіемъ.	169—173
XLI. Историческія воспоминанія пѣвца по случаю бѣдственнаго положенія Русскаго войска	174—177
XII. Пѣвецъ распространяется объ Олегѣ, первомъ виновникѣ распрѣй	178—181

XLIII. Продолженіе воспоминанія объ Олегѣ: благоразумная воздержность Владиміра Мономаха.	182—189
XLIV. Продолженіе тѣхъ же воспоминаній; Борисъ Вячеславичъ жертвуетъ собою ради Олега	187—189
XLV. Воспоминаніе о Святополкѣ, везущемъ тѣло убитаго отца въ сраженіи на такой же Каляѣ	190—193
Воспоминаніе пѣвца колеблется между Святополкомъ, вѣлѣвшимъ Ярополку перевезти тѣло Великаго Князя Изяслава, убитаго въ 1078 г. при селѣ Нѣжатинѣ, и Святополкомъ, перевезшемъ въ Кіевъ тѣло тестя своего Тугоркана, убитаго въ 1095 году. Весьма можетъ быть, что необычная пѣвцу неопредѣленность произошла отъ сбивчивости былины о Святополкѣ.—Если признать правильнымъ мнѣніе Буткова что здѣсь идетъ рѣчь о Тугорканѣ, то слѣдуетъ читать вмѣсто: «Повелѣ я отца» «повелѣ бо тца своего.»	
XLVI. Описаніе бѣдственнаго состоянія Россіи во время междоусобія	194—204
XLVII. Сравненіе прежнихъ войнъ съ современной.	205—206
XLVIII. Описаніе дѣла въ тылу войска	207—213
XLIX. Размышленіе о пораженіи Всеволода и изображеніе бѣдственныхъ послѣдствій	214—217
· I. Пѣвецъ представляетъ себя очевидцемъ событія: онъ слышитъ съ утра приготовленія къ обратному движенію на выручку Всеволода.	218—221
II. Паденіе знаменъ Игоря послѣ трехдневнаго сраженія	222—224
I. II. Заключеніе описанія битвы	225—231
I. III. Участіе, принимаемое природой въ бѣдствіи Игоря	232—233

LIV. Начало бѣдственной эпохи для Россіи. Половецкая степь поглотила Русскую силу .	234—237
LV. Древнее воспоминаніе о вступленіи дѣвы—обида Елены на землю Троянскую для гибели Дарданова рода. — О удаленіи ея на Черное море и о началѣ, съ ея появленія, временъ, обильныхъ несчастіями . .	238—241
LVI. Соревнованіе—причина гибели Русскихъ князей	242
LVII. Состязанія князей изъ-за ничтожныхъ предметовъ	243—248
LVIII. Вторженіе Половцевъ—послѣдствіе распрей.	249—250
LIX. Сожалѣніе о неосторожности Игоря и невозможности воскресить его войско. . . .	251—252
IX. Гибельныя послѣдствія пораженія Русскаго войска	253—255
LXI. Сѣтованіе Русскихъ женъ о гибели мужей	256—261
LXII. Участіе, принимаемое городами всей Россіи въ бѣдствіи Игоря.	262—266
LXIII. Обвиненіе князей въ навлеченіи бѣдствій на Россію.	267—270
LXIV. Обвиненіе Игоря и Всеволода за возбужденіе распри, усыпленной Святославомъ. . .	271—275
LXV. Воспоминаніе о торжествѣ Святослава надъ Половцами и о плѣненіи Кобыяка	276—286
LXVI. Иноземцы славятъ Святослава и сѣтуютъ о пораженіи Игоря.	287—293
LXVII. Въ заключеніе своего послѣсловія, сочинитель снова упоминаетъ про уныніе Русскихъ городовъ.	294—298

II. ВОЗЗВАНІЕ.

LXVIII Святославъ рассказываетъ видѣнный имъ зловѣщій сонъ	299—302
--	---------

- I.XIX. Святославъ продолжаетъ описаніе сна, сливающегося съ описаніемъ мѣръ, принятыхъ для избавленія его отъ грустнаго впечатлѣнія. 303—305
- I.XX. Святославъ угадываетъ ударъ, нанесенный его дому. 306—307
- I.XXI. Крикъ зловѣщихъ птицъ въ ту ночь близъ Плъньска; они подняли долину плача и перенесли ее на Черное море. 308—310
- I.XXII. Бояре объясняютъ, что сонъ указываетъ на Игоря и Всеволода, отправившихся завоевать Тмуторакань 311—316
- I.XXIII. Бояре увѣдомляютъ Святослава о плѣненіи Игоря и Всеволода Половцами. 317—319
- I.XXIV. Они уподобляютъ поражение Игоря и Всеволода двумъ померкнувшимъ солнцамъ и угасшимъ столбамъ, а Владимира и Святослава—двумъ молодымъ мѣсяцамъ, погруженнымъ въ море, возбудившимъ своимъ паденіемъ буйство Половцевъ.— Стихи 325 и 326 о погруженіи двухъ мѣсяцевъ, возбудившихъ буйство Половцевъ, несомнѣнно принадлежатъ сюда и ошибочно поставлены вслѣдъ за строкой 330 въ первомъ изданіи.— 320—326
- I.XXV. Торжество тьмы надъ свѣтомъ, распространеніе Половцевъ по Россіи.—Слова, относящіяся до погруженія Игоря и Всеволода и возбужденія буйства хановъ.— стихи 325 и 326 не имѣютъ здѣсь смысла, относясь къ торжеству Половцевъ.— Двойственное же число, погрузиша подасть (оп. вм. подаста) согласуется съ предъидущимъ уподобленіемъ князей двумъ погасшимъ солнцамъ, погруженнымъ въ море. 327—330
- LXXVI. Торжество зла надъ добромъ 331—333

- LXXVII. Торжество Готскихъ дѣвъ, поющихъ про древнее торжество Буса и радующихся отмщенію за Шароканя, полководца Бонякова, пораженного Святополкомъ въ 1170 г. Рѣчь дружины оканчивается выраженіемъ нетерпѣнія загладить горестное впечатлѣніе; слово «мы» намѣкаетъ, что сочинитель пѣсни принадлежалъ дружинѣ Святослава или самаго Игоря. Пѣвецъ могъ возвратиться немедленно въ Россію по доставленіи выкупа. Въ качествѣ пѣвца онъ могъ даже не подлежать выкупу, пользуясь нейтралитетомъ 334—339
- LXXVIII. Святославъ начинаетъ свое слово рассказомъ о зловѣщемъ снѣ 340—342
- LXXIX. Святославъ упрекаетъ Игоря и Всеволода за несвоевременное начатіе войны . . . 343—345
- LXXX. Святославъ укоряетъ князей за несправедливость предпринятой войны противъ Половцевъ. 346—347
- LXXXI. Упрекъ за ихъ буйство и неуваженіе къ сѣдинѣ его 348—352
- LXXXII. Святославъ перебиваетъ свои упреки Игорю и Всеволоду сожалѣніемъ, что онъ не видитъ Черниговскаго Ярославова войска. По смыслу и для грамматической связи, это вставочное сѣтованіе должно бы было быть перенесено вслѣдъ за словами: «но рекосте мужаймыся сами... а задняю сами подѣлимъ» стихъ 353—355.— При драматической обстановкѣ, отрывочное обращеніе то къ одному, то къ другому лицу, даже къ отсутствующимъ, можетъ не мѣшать ясности. Эти три стиха оставлены посему на томъ мѣстѣ которое они имѣютъ въ первомъ изданіи 353—362

- LXXXIII. Святославъ снова обращается къ Игорю и Всеволоду и упрекаетъ ихъ за то, что они хотѣли затмить его славу (353—355) . . . 363—365
- LXXXIV. Восклищаніе Святополка, что ему не диво было бы помолодиться для отомщенія за Игоря и что старому Соколу не обычно выдавать своего гнѣзда 366—370
- LXXXV. Но бѣда въ томъ, что ему князья не пособіе. . . (351.352) 371—372
- LXXXVI. Сожалѣніе о бѣдственномъ положеніи города Рима и ранахъ Владиміра Глѣбовича, 361—364 (363.366) 373—376
- LXXXVII. Воззваніе къ Всеволоду Юрьевичу, великому князю Владимірскому 377—386
- LXXXVIII. Воззваніе къ Рюрику и Давиду Ростиславичамъ, правнукамъ Владиміра Мономаха 387—393
- LXXXIX. Продолженіе воззванія къ Рюрику и Давиду. 394—396
- XC. Воззваніе къ Ярославу Галицкому; изображеніе его могущества; укоризна за участіе, принимаемое имъ въ крестовыхъ походахъ и вызовъ его къ защитѣ отечества отъ Половцевъ. 397—414
- XCI. (Е) Событія въ Литвѣ. Отсюда начинается значительная перепутанность. Упреки обращены къ тѣмъ князьямъ, которые поспѣли на брань. Ольговичамъ, не худа гнѣзда шестокрыльцамъ говорится: не побѣдными жребіи себя власть расхитисте. Здѣсь невозможно приписывать запутанность пѣвца намѣренію изобразить волненіе Святослава. Также, кажется, нѣтъ основанія приписывать запутанность позднѣйшимъ редакторомъ въ слѣдствіе какихъ либо житейскихъ соображеній при одномъ или другомъ княжескомъ дворѣ. Дѣло объясняется проще. Одинъ изъ древнихъ

переписчиковъ, или даже переплетчикъ перепуталъ три листка, которые, для болъшей наглядности, прилагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были напечатаны въ первомъ изданіи. Въ слѣдствіе перепутанности листовъ могъ быть перенесенъ и стихъ: трубы трубятъ Городеньскіи (461—444—462) см. на стр. 213—218.	415—433
ХСІІ. (А) Обращеніе къ Роману и Мстиславу. (415—427)	434—446
ХСІІІ. (D) Упреки Роману и Мстиславу за нападеніе на Литву въ изд. обращены къ Ингварю и Всеволоду ходившимъ на Донъ (437—443)	447—453
ХСІV. (В) Заключение рѣчи Святослава о гибели Игоря и его дружины. (428—431.)	454—457
ХСV. (С) Воззваніе пѣзца въ отвѣтъ на сѣтованіе Святослава (432—436)	458—462
ХСVІ. Укоризна Ярослава и всѣхъ Всеславичей за наведеніе Половцевъ на Россію.	463—471
ХСVІІ. Древнее воспоминавіе объ Еленѣ; соединеніе Всеслава Полоцкаго съ Волхомъ Всеславичемъ, съ Парисомъ, Ахиллесомъ и Периклименомъ. Намекъ въ ближайшемъ сродствѣ съ Еврипидовой басней и разсказомъ Египетскихъ жрецовъ, переданнымъ Геродотомъ; намекъ вполнѣ въ связи съ нашими сказками объ Еленѣ, Волкѣ и Семи Семіонахъ.—Седьмій вѣкъ Трояновъ обозначаетъ седьмое поколѣніе Дарданидовъ. Родословіе это передается и въ нашихъ хронографахъ и входило въ многія родословныя, составляемыя въ среднія вѣка	472—473
ХСVІІІ. Движенія Всеслава Полоцкаго	474—483
ХСІХ. Событія на Немизѣ	484—489
С. Чудныя движенія Всеслава	490—495

CI. Свойство Всеслава слышать внѣ границъ естественной возможности.	496—498
CII. Размышленіе о бесполезности знанія, что происходитъ въ чужой душѣ	499—500
CIII. Припоминаніе по поводу Всеслава изреченія Бояна	501—502
CIV. Стихъ изъ Иліады. Мысль выражена въ этой формѣ только въ Иліадѣ, походѣ Аргонавтовъ и въ Енеидѣ.—Въ исторіи о разореніи Трои упоминается человѣкъ, падающій въ ровъ, выкапываемый для другаго и здѣсь имѣется въ виду баснь о звѣздочетѣ, попавшемъ въ яму—	503—504
CV. Грустное, размышленіе о Россіи по случаю упоминанія первыхъ князей	505—506
CVI. Сожалѣніе, что въ Кіевѣ не удержалась разумная соединяющая сила	507—508
CVII. Послѣдствія невозможности сохранить единодержавіе. Разъединенныя дѣйствія Рюрика и Давида. Розимѣстный падежъ съ опущеніемъ предлога, вмѣсто нашего врозь. Хоботы папуть обозначаетъ правильно неправильность движеній Смоленскихъ Князей: хоботы папуть тоже, что колобродятъ, виляютъ хвостами. Слова: «на Дунаи», оканчивающія въ первомъ изданіи воззваніе явно относятся къ Ярославнѣ по пребыванію ея на Дунаѣ, какъ видно изъ ея собстречныхъ словъ;—Рюрикъ и Давидъ бездѣйствовали не на Дунаѣ.	509—513

III. ОСВОБОЖДЕНИЕ.

- CVIII. Сѣтованіе Ярославны на Дунаѣ.—Слова «на Дунай», поставленныя въ первомъ изданіи въ концѣ воззванія по смыслу явно принадлежатъ заклинанію. Словами конѣмъ поютъ, Пѣвецъ рисуетъ картину утра на Дунаѣ 514—519
- CIX. Заклинаніе Ярославны къ вѣтру 520—530
- CX. Заклинаніе Ярославны къ Днѣпру 531—542
- CXI. Заклинаніе къ солнцу 543—551
- CXII. Знаменіе, показывающее путь спасенія 552—556
- CXIII. Душевное состояніе Игоря въ плѣну. Бѣгство 557—580
- CXIV. Разговоръ Донца съ Игоремъ; примѣты 581—594
- CXV. Сравненіе Донца съ рѣкою Стугною. Воспоминаніе объ утопленіи Ростислава въ Стугнѣрѣкѣ.—Слова «а не сороки втреско-таша» послѣ 605 строки не имѣютъ смысла въ связи съ утопленіемъ Ростислава; на стро-кѣ 613 они вызываются противоположностью къ плѣнію соловьевъ, подобно тому, какъ и стихъ 109 и 110: цѣкотъ славій успе, говоръ галичъ убуди 595—605
- CXVI. Преслѣдованіе Игоря Гзакомъ и Кончакомъ 606—613
- CXVII. Разговоръ Гзака и Кончака 614—627
- CXVIII. Пѣвецъ приводитъ слова Бояна въ заключе-ніе своей пѣсни. Онъ себя здѣсь обозна-чаетъ именемъ Святъславля и сочи-нителемъ трехъ пѣсень 628—631
- CXIX. Слова Бояна 632—635
- CXX. Примѣненіе словъ Бояна къ Игорю и Россіи. Торжество Игоря 634—640
- CXXI. Пѣвецъ Игоревъ приглашаетъ города послѣ или въ замѣнъ пѣсень въ честь старыхъ

- Князей пѣть пѣснь въ честь современ-
нымъ Слава Князьямъ, участвовавшимъ въ
походѣ противъ Половцевъ 641—649
- СХХІІ. Конецъ пѣсни: Княземъ Слава.— —650

Слова „а Дружинѣ аминь“ ошибочно помѣ-
щены въ первомъ изданіи въ текстъ; эти
слава указываютъ, что дружинѣ слѣдуетъ
въ подтвержденіе пѣвца сказать „Аминь.“

Подобное указаніе встрѣчается въ цер-
ковныхъ книгахъ, съ тою разницей, что
„ликъ“ пишется въ именительномъ надежѣ.
Изъ Супральной Мартовской Четив Миней
приведенъ примѣръ въ концѣ Таблицы
XV. стр. 68, позволяющій сохранять со-
юзъ безъ исправленія.

За симъ слѣдуютъ строфы ХСІ—ХСV
въ томъ порядкѣ какъ онѣ напечатаны
въ первомъ изданіи и три отдѣльные лист-
ка которые могутъ быть переставляемы по
предлагаемому въ настоящемъ изслѣдова-
ніи порядку т. е. по порядку римскихъ
цифръ; а равно и въ томъ порядкѣ въ
коемъ они обозначены по страницамъ. Эти
три разрозненные листка наглядно объ-
ясняютъ возможность той запутанности въ
воззваніи къ Князьямъ которая уже давно
была замѣчена многими лицами, занимав-
шимися изученіемъ Слова о плку Игоревѣ.
„Трубы трубятъ Городеньскіи“ вѣроятно
находились въ слѣдъ за строфою ХС въ
коей воззваніе къ Ярославу Галицкому
сканчивается словами: „За раны Игоревы
бугею Святъславича“. Этими же словами
оканчивается и строфа ХСІІІ. Это повто-
реніе объясняетъ также ошибку перепис-
чика или переплетчика.

ХСП.

(434—446—415—427).

А ты буй Романе

И Мстиславе

Храбрая мысль

Носить вась умъ

На дѣло

Высоко плаваеши

На дѣло

Въ бѣсти

Яко соколомъ

На вѣтрехъ ширяся

Хотя птицю

Въ бѣсти одолѣти

Суть бо у вая

Желѣзнии напорзи

Подъ шеломи

Латинскими

Тѣми трѣсну земля

И многы страны

Хинова.

Литва, Ятвязи,

Деремела.

И Половци,

Сулицы своя повръгоша,

А главы своя поклониша

Подъ тьи мечи

Харалужнии.

XCIV.

Нъ уже Княже Игорю
Утрпѣ солнцю свѣтъ
А древо не бологомъ листвіе срони.
По роси и по сѹли гради подѣлиша.
А Игорева храбраго плѣку
Не крѣсити.

XCV.

(отвѣтъ пѣвца)

Донѣ ти Княже
Кличеть
И зоветъ Князи
На побѣду
Ольговичи храбры и Князи
Доспѣли на брань
Ингварь и Всеволодъ
И вси три Мстиславичи
Не худа гнѣзда
Шестокрильци:

XСІІІ.

(447—453—437—443).

Не побѣдными жребіи

Собѣ власти расхытисте

Кое ваши златыя шеломи,

И сулицы лянцѣи,

И щиты.

Загородите

Полю ворота

Своими острыми стрѣлами,

За землю руськую,

За раны Игоревы,

Буюго Святславичя

XCI.

(415—433—461—444—461).

[Трубы трубать Городеньскія]

Уже бо сула

Не течеть

Сребреными струями

Къ граду переяславию

И Двина болотомъ

Течеть

Онѣмъ грознымъ Полочаномъ

Подъ кликомъ

Поганыхъ

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ

Позвони своими острыми

Мечи

О шеломи Литовскія,

Притрепа славу

Дѣду своему Всеславу

А самъ

(461. 415. 433).

Подъ червленными щиты

На кровавъ травѣ

Притренанъ

Литовскими мечи.

Исхоти ю на кровать

И рекъ:

Дружину твою.

Княже,

Птиць крилы

Пріодѣ

А звѣри кровь полизаша.

Не бысть ту брата Брячеслава

Ни другаго Всеволода

Единъ же изрони жемъчужну душу

Изъ храбра тѣла

Чрезъ злато ожереліе.

Уныли голоси

Пониче веселіе.

Страницы 213 — 218

**Переставленные въ томъ порядкѣ, какъ ихъ
слѣдуетъ читать.**

ХСІ.

(415—433—461—444—461).

[Трубы трубятъ Городеньскія]

Уже бо сула

Не течеть

Сребреными струями

Къ граду переяславлю

И Двина болотомъ

Течеть

Онѣмъ грознымъ Полочаномъ

Подъ кликомъ

Поганыхъ

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ

Позвони своими острыми

Мечи

О шелохи Литовскія,

Притрепа славу

Дѣду своему Всеславу

А самъ

(461. 415. 433).

Подъ червленными щиты

На кровавъ травѣ

Притрепанъ

Литовскими мечи,

Исхоти ю на кровать

И рекъ:

Дружину твою.

Княже,

Птиць крилы

Пріодѣ

А звѣри кровь полизаша.

Не бысть ту брата Брячеслава

Ни другаго Всеволода

Единъ же изрони жемъчужну душу

Изъ храбра тѣла

Чрезъ злато ожереліе.

Уняли голоси

Пониче веселіе.

ХСII.

(434—446—415—427).

А ты буй Романе

И Мстиславе

Храбрая мысль

Носить васъ умъ

На дѣло

Высоко плаваеши

На дѣло

Въ бѣсти

Яко соколомъ

На вѣтрехъ ширяся

Хотя птицю

Въ бѣсти одолѣти

Суть бо у ваю

Желъзнии папорзи

Подъ шелоны

Латинскими

Тъми трѣсну земля

И многы страны

Хинова.

Литва, Ятвязи.

Деремела.

И Половця.

Сулицы своя повръгюша.

А главы своя поклониха

Подъ тии мечи

Харалужнии.

XСІІІ.

(447—453—437—443).

Не побѣдными жребіи

Собѣ власти расхытисто

Кое ваши златяя шеломи.

И сулицы ляцкіи,

И щиты.

Загородите

Полю ворота

Своими острыми стрѣлами.

За землю руськую,

За раны Игоревы,

Буюго Святславичя

Подъ червленными щиты

На кровавъ травѣ

Притрепанъ

Литовскими мечи.

Исхоти ю на кровать

И рекъ:

Дружину твою.

Княже,

Птиць крилы

Пріодѣ

А звѣри кровь полизаша.

Не бысть ту брата Брячислава

Ни другаго Всеволода

Единъ же изрони жемъчужну душу

Изъ храбра тѣла

Чрезъ злато ожереліе.

Уняли голоси

Пояиче веселіе.

Страницы 213 — 218

**Переставленные въ томъ порядкѣ, какъ ихъ
слѣдуетъ читать.**

ХСІ.

(415—433—461—444—461).

[Трубы трубятъ Городеньскія]

Уже бо сула

Не течеть

Сребреными струями

Къ граду переяславию

И Двина болотомъ

Течеть

Онѣмъ грознымъ Полочаномъ

Подъ кликомъ

Поганыхъ

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ

Позвони своими острыми

Мечи

О шелохи Литовскія,

Притрепа славу

Дѣду своему Всеславу

А самъ

(461. 415. 433).

Подъ червленными щиты

На кровавъ травѣ

Притрепанъ

Литовскими мечи,

Исхоти ю на кровать

И рекъ:

Дружину твою.

Княже,

Птиць крилы

Пріодѣ

А звѣри кровь полизаша.

Не бысть ту брата Брячеслава

Ни другаго Всеволода

Единъ же изрони жемъчужну душу

Изъ храбра тѣла

Чрезъ злато ожереліе.

Уняли голоси

Понице веселіе.

XСII.

(434—446—415—427).

А ты буй Романе

И Мстиславе

Храбрая мысль

Носить вась умъ

На дѣло

Высоко плаваеши

На дѣло

Въ бѣсти

Яко соколомъ

На вѣтрехъ ширяся

Хотя птицю

Въ бѣсти одолѣти

Суть бо у ваю

Желѣзнии папорзи

Подъ шеломи

Латинскими

Тѣм трѣсну земля

И многы страны

Хянова.

Литва, Ятвязи,

Деремела.

И Половци.

Сулици своя повръгоша,

А главы своя поклонива

Подъ тии мечи

Харалужнии.

XСІІІ.

(447—453—437—443).

Не побѣдними жребіи

Собѣ власти расхитисте

Кое ваши златыя шеломи.

И сулицы лицѣи,

И щиты.

Загородите

Полю ворота

Своими острыми стрѣлами.

За землю руськую,

За раны Игоревы,

Буюго Святславича

XCIV.

Нъ уже Княже Игорю
Утрь съ солнцю свѣтъ.
А древо не бологомъ листвіе срони.
По роси и по сѣли гради подѣлиша.
А Игорева храбраго плъку
Не крѣсити.

XCV.

(отвѣтъ пѣвца)

Донъ ти Княже
Кличеть
И зоветъ Князи
На побѣду
Ольговичи храбры и Князи
Доспѣли на брань
Ингварь и Всеволодъ
И вси три Мстиславичи
Не худа гнѣзда
Шестокрильци:

СЛОВО

о

ПЛЪКУ ИГОРЕВЪ

I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

I.

1. Не дѣло ли ны бяшетъ, братіе, начати (1)
Старыми словесы трудныхъ повѣстій
О ꙗку Игоревѣ, Игоря Святъславича (2, 3);

II.

- Начати же ся тѣ ꙗзѣи (4)
5. По былинамъ сего времени (5)
А не по замышленію Бояню.

III.

[Боянъ бо вѣщій
Аще кому хотяше
Пѣ^и творити (6),
То растѣкашется мыслію по древу (7),
Сѣрымъ ꙗкомъ по земли (8).
Шизымъ орломъ подъ облакъ].

IV.

Помняше* бо речь (9)

п̑выхъ временъ усобицѣ; (10)

15. Тогда пущашеть ї соколовъ (11, 12)

На стадо лебедѣй; (13)

Который дотечаше—

Та преди пѣ^з пояше: (14)

Старому Ярославу,

20. Храброму Мстиславу,

Иже зарѣза Редедю

Предъ п̑ны Кожьскими, (15, 16)

Красному Романови Святъславличю.

V.

Боянъ же, братіе, не ї соколѣ (17, 18)

25. На стадо лебедѣй пущаше, (19)

Нъ своя вѣщія прѣсты

На живая струны въскладаше,—

Они же сами Княземъ славу рокотаху.

VI.

Почнеиъ же, братіе, повѣсть сію

30. Отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря,

Иже истагну у мѣ крѣпостію своею, (20)

И поостри сердца своего мужествомъ,

Наѣннися ратнаго духа, (21)

Наведе своя храбрія ѣны (22)

35. На землю Половѣцкую за землю Рускую (23).

I. ПОХОДЪ ИГОРЯ

VII.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце
И видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь къ дружинѣ своей:

VIII.

Братіе и дружино!
40. Луцезъ бы потяту быти,
Неже полонену быти:
А всядемъ, братіе, на свои бръзныя кони.
Да позримъ синего Дону.

IX.

Спала Князю ум̃ по хоти, (24)
45. И жалость, ему знаменіе заступи, —

Искусити Дону великаго.

Хоцу бо, рече, копіе приломити (25)

Конецъ поля Половецкѣго, съ вами Русици: (26)

Хоцу главу свою приложити.

50. А любо испити шелоомъ Дону.

XI.

О Бояне, соловію старѣго времени (27)

А бы ты сіа пѣхъ ущекоталъ. (28)

Скача, славію, по мыслену древу.

Летая умѣ подѣ облакы, (29)

55. Сивая славы оба полы сего времени.

Рица въ тропѣ Трояню

Чресъ поля на горы.

Пѣти было пѣ Игореві, того* внуку (30, 31). *[Олга].

Не буря соколы занесе чресъ поля широкая:

60. Галици стады бѣжатъ къ Дону великому.

XIII.

Чили всипѣти было.

Вѣщій Боянъ, Велесѣвъ внуче (32)

XIV.

- Комони ржуть за Сулою;
 Звенить слава въ Къевѣ;
 65. Трубы трубятъ въ Новѣградѣ;
 Стоять стязи въ Путивлѣ;
 Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

XV.

- И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: (33)
 Одинъ братъ, оди свѣтъ, (34)
 70. Свѣтлый, ты Игорю,
 Оба есѣ Святславичя;
 Сѣдлай, брате, свои брѣзны комони,
 А мои ти готови,
 Осѣдлани у Курьска на переди;
 75. А мои ти Куряни
 Свѣдоми кѣмети, подѣ трубами повити,
 Подѣ шеломи възлѣдѣя, (35, 36)
 Конецъ копия въскрѣмѣни,
 Пути ѿ вѣдоми, (37)

80. Яругы имъ знаеми, (38)

Луци у нихъ напряжени,

Тули отворени,

Сабли изъострени,

Сами скачютъ акы сѣрыи влѣци въ полѣ, (39)

85. Ищущи себѣ чти а Князю славѣ.

Тогда вѣступи Игорьъ Князь въ златъ стремянь, (40)

И поѣха по чистому полю.

XVII.

Солнце ему ѣмою путь заступаше; (41)

Ночь стонущи ему грозою птичь у буди;

90. Свистъ звѣринъ въ стазби. (42)

XVIII.

Дивъ кличѣ врѣху древа, (43)

Велитъ послушати земли незнаемѣ,

Влѣзѣ, и Поморію,

и Посулію, и Сурожу, и Корсуню,

95. И тебѣ Тмутораканьскій блѣванъ. (44)

А Половци неготовами дорогами

Побѣгоша къ Дону Великому:

Крычатъ тѣлѣгы полунощи, (45)

Рци лебеди роспущени.

XX.

100. Игорьъ къ Дону вои водеть:

Уже бо бѣды его пасѣ птицъ; (46)

Подобію вѣци грозу въсрожа' по яругамъ; (47, 48)

Орли клетомъ на кости звѣри зовуть.

Лисици брешуть на чрѣлныя щиты. (49)

XXII.

105. О русская земле! уже за Шѣмянемъ еси. (50)

XXIII.

Дѣго ночь мрѣкнеть, (51, 52)

Заря-свѣтъ запала,

Мгла поля покрыла, (53).

Щекоть славій успе,

110. Говоръ галичь убуди.

XXIV.

Русичи великая поля

Чрѣленными щиты прегородиша, (54)

Ищучи себѣ чти, а Князю славы.

XXV.

С'зараніа въ Пякъ (55, 56)

115. Потопташа Поганя Пѣны Половецкыя (57)

И рассушася стрѣлами По Полю, (58)

Помчаша красныя дѣвки Половецкыя

А съ ними злато, и Паволокы

И драгыя оксамиты;

XXVI.

120. Огнѣми и япончицами и кожухы, (59, 60)

Начаша мосты мостити (61).

По болотомъ и грязивымъ мѣстомъ,

И всякими узорочьи Половецкыми. (62)

XXVII.

Чрленъ стягъ, бѣла хорюговъ, (63).

125. Чрлена чолка, сребрено стружіе (64)

Храброму Святславичю. (65).

XXVIII.

Дремлетъ въ полѣ ОлгОво хОрОбрОе гнѣздО. (66, 67)

XXIX.

Далече залгѣтъЛО, (68).

Не было нѣ Обидѣ порождено,

130. Ни соКОлу, ни кречету,

Ни тебѣ чѣй вОронѣ, поГаный полОвчине. (69)

XXX.

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣкомъ; (70, 71)

Бончакъ ему слѣдѣ править въ дону великому.

XXXI.

Другаго дни велии рано

135. Кровавыя зори свѣтъ повѣдаѹ; (72).

Чѣныя туча съ моря идутъ, (73, 74, 75)

Хотятъ прикрыти ѿ солнца: (76, 77)

А въ нихъ трепещутъ синіи мѣи. (78)

XXXII.

Быти грому великому,

140. Ити дождю стрѣлами съ Дону великому,

Ту ся копіемъ приламати,

Ту ся саблямъ потручати (80)

О шелоны Половецкыя,

На рѣцѣ на Каялѣ, у Дону велиго. (81).

XXXIII.

145. О Русская землк. (82)

Уже не шеломянемъ еси.

XXXIV.

Се вѣтри, Стрибожи внуци,

Вѣютъ Съ моря Стрѣлами (83).

На храбрыя п^а Игоревы. (84, 85)

150. Земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; (86)

Пороси поля прикрываюť. (87).

XXXV.

Стязи глаголють:

Половци идуть отъ Дона,

И отъ моря, и отъ всѣхъ странъ.

XXXVI.

155. Рускыя п^а отступиша. (88)

XXXVII.

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,

А храбрій Русици преградиша чръёными щиты. (89)

XXXVIII.

Ярь Туре Всеволодѣ. (90)

Стоиши на борони,

160. Прыщещи на вои стрѣлами, (91)

Гремлещи о шеломы

Мечи харалужными.

XXXIX.

Камо Туръ Поскочаше (92)

Соимъ златымъ шеломи посвѣчивая, (93)

165. Тамо лежатъ Поганья головы Половецкыя (94)

Поскешаны саблями калеными

Шеломы Оварьскыя

Отъ тебе Яръ Туре Всеволоде.

XL.

Кая раны дорога, братіе,

170. Забы чти и живота (95).

И града Чѣнигова, отня злата стола, (96)

И своя милыя хоти

Красныя Глѣбовны, свычая и обычая.

XLI.

Были вѣчи Трояни,

175. Минула лѣта Ярославля;

Были пѣи Олговы, (97)

Олга Святславлича. (98. 99, 100)

XLII.

Тъ" бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, (101, 102)

И стрѣлы по земли сѣяше. (103)

180. Ступаетъ въ златъ стремя

Въ градъ Тѣтороканъ. (104)

XLIII.

Тоже звонъ слыша

Давный великий

Ярославъ сынъ Всеволодъ: (105).

185. А Владиміръ по вся утра

Уши закладаше въ Черниговъ.

XLIV.

Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе,

И на коню *) зелену паполону постла,

За обиду Ольгову храбра и млада Князя.

XLV.

190. Съ тоя же Каялы

Святойъ повелѣ я" отца своего. (106, 107)

Междѣ угорскими иноходцы (108)

Ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

*) единственно возможное начертаніе для прочтенія «казатину» и «канину»
стр. 157.

XLVI.

Тогда при Олзѣ Гориславичи

195. Сѣяшется и растяшеть усобицами,
Погибашеть жизнь Даждь Божа внука:
Въ Княжихъ крамолахъ
Вѣци чловѣкомъ скратишась. (109).

Тогда по Русской земли

200. рѣтко ратаевѣ бикахуть,
Нѣ часто врани граяхуть,
Трупіа себѣ дѣляче;
А галици свою рѣчь говоряхуть:
Хотять полѣтѣти на уедіе. (100).
-

XLVII.

205. То было въ ты рати, и въ ты пѣкы, (111, 112)
 А сицей рати не слышано.

XLVIII.

- Съ зараніа до вечера,
 Съ вечера до свѣта
 Летятъ стрѣлы калѣныя. (113. 114)
 210. Гримлю сабли о шеломахъ, (115)
 Трещатъ копія харалужныя, (116)
 Въ полѣ незнаемъ
 Среди земли Половецкыи.

XLIX.

- Чѣрна земля подъ копыты. (117)
 215. Костыи была посянана,
 А кровію посянана:
 Тугою въздоша по Русской земли.

L.

- Что ми шумить что ми звенить
 Давеча рано предъ зорями (118)
 220. Игорь пѣкы заворачаетъ; (119, 120)
 Жаль бо ему мила брата Всоволода.

II.

Бишася день, бишѣ другой, — (121)

Третьяго дни къ полуднію,

Падоша стязи Игоревы.

III.

225. Ту ся брата разлучиста

На брезѣ быстрой Каялы.

Ту квоваваго вина недоста,

Ту нирѣ докончаша храбрїи Русичи:

Сваты попойша,

230. А сами полегоша

За землю Рускую

III.

Ничить трава жалощами,

А древо с тугою къ земли приклонилось.

IV.

Уже бо, братіе,

235. Не веселая година вѣстала,

Уже пустыни силу прикрыла.

LV.

Встала обида въ силахъ Дажь Божа внука.

Вступилъ дѣвою на землю Трояню

Въсплескала лебединими крѣны (122)

240. На синѣ морѣ у Дону плещучи, (123, 124, 125)

Убуди жирныя времена.

LVI.

Усобица Княземъ на поганя погыбе (126)

LVII.

Рекоста бо братъ брату:

„Се мое, а то мое же“.

245. И начаша Князи про малое, (127)

Се великое ѿвити: (128)

А сами на себѣ крамолу ковати: (129).

LVIII.

О поганіи съ всѣхъ странъ приходяху

250. Съ побѣдами на землю Рускую.

LIX.

О далече заиде соколъ, птицъ бѣа къ морю

А Игорева храбѣго пѣу не вкрѣсити (130, 131, 132).

LX.

- За нѣмъ кликну Карнай, (133)
 Жля поскочи по Руской земли,
 255. Смагу мычючи въ пламянѣ розѣ (134).

LXI.

256. Жены Русѣ въ сплалашася а ркучи (135)
 Уже наѣ своихъ милыхъ ладѣ (136)
 Ни мыслию смыслити,
 Ни думою сдумати.
 260. Ни ○○чима съглядати (137)
 А злата и сребра
 Ни мало того потрепати

LXII.

- А вѣстона бо, братіе,
 Кіевъ тугою, а Чернигѣ напастьми, (138).
 265. Тоска разліяся по Руской земли;
 Печаль жирна тече средѣ земли Рускый (139—140).

LXIII.

- А Бязи сами на себѣ крамолу коваху;
 А поганіи сами побѣдами
 Нарипуще на Рускую землю,
 270. Емяху дань по бѣлѣ отъ двора.

LXIV.

- Тѣи бо два храбрая Святъславлича (141);
 Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди,
 Которую то бѣше успилъ
 Отѣ ихъ Святъславъ,
 275. Грозный, Великий Кіевскій. (143, 144 и 145).

LV.

- Грозою, бѣшетъ, притрепеталъ
 Своими силными ѿны (146—147)
 И харалужными мечи,
 Наступи на землю Половецкую,
 280. Притопта хлѣми и яруги,
 Взмутѣ рѣи и озера, (148—149)
 Иссуши потокъ и болота; (150)
 А погѣго Кюбѣка изъ луку моря (151)
 Отъ желѣзны вѣлѣхъ ѿковъ Половецѣхъ, (152, 153
 154, 155).
 285. Яко вихрь выторже и падеся Кюбѣкъ
 Въ градъ Кіевъ въ гриднищѣ Святъславли.

LXVI.

Ту Нѣмцы и Венедици,
 Ту Греци и Морава
 Поютъ славу Святъславлю,

390. Каюѣ Князя Игоря, (156)

Иже погрузи жиръ

Во днѣ Каялы рѣки Половеѣ (157)

Рускаго злата насыпаша.

LXVII.

Ту Игорьъ Князь высѣде (158)

295. Изъ сѣдла злата,

А въ сѣдло Кошчѣво;

Уныша бо градомъ забрали

А веселіе пониче.

II. ВОЗВАНІЕ.

LXVIII.

А Святъслѣ мутенъ сѣ видѣ (159, 160, 161)

300. Въ Кіевѣ на горахъ,

Си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече,

Чною паполомоу на вроваѣ тисовѣ (162 163).

LXIX.

Чръ пахуть ми синее вино съ трудѣ смѣшено; (164)

Сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тѣловинъ (165)

305. Великий женчюгъ на лоно, и нѣгуютъя (166):

LXX.

Уже дѣски безъ кнѣса (167)

В' моемъ теремѣ златовръсѣмъ. (168, 169)

LXXI.

Всю ночь съ вечера бо сови врани възгряху,

У плѣньска на болони бѣша дебръ Кисаню, (170)

310. И несоша ю къ синему морю (171).

LXXII.

И ркоша бояре Князю:

Уже, Княже, туга умъ полонила;

Се бо два сокола

Слѣшѣста съ отня стола злата (172)

315. Поискати града Т' мутороканя, (173)

А любо испити шеломомъ Дону.

LXXIII.

Уже соколома крилца (174)

Припѣшали поганныхъ саблями,

А самаю оп'утоша въ путины жалѣзны. (175, 176, 177)

LXXIV.

320. Темно бо бѣ въ г̃ день: (178)
 Два солица помѣркости, (179)
 Оба багряная стѣна погасоста,
 И с̃ нимъ молодая мѣсяца, (180)
 Олегъ и Святъславъ тмою ся поволокоста (181)
- (331) 325. И въ морѣ погрузиста
- (332). И великое буйство подаст̃ Хиновѣ.

LXXV.

- На рѣцѣ на Каялѣ
 Тьма свѣтъ покрыла.
 По Руской земли прострошася
330. Половци а̃к пардуже гнѣздо. (182)

LXXVI.

- Уже снесся хула на хвалу;
 Уже тресну нужда на волю;
 Уже врѣжеся див̃ на землю. (183)

LXXVII.

- Се бо Готск̃ красныя дѣвы (184, 189)
335. Въспѣша на брезѣ синему морю,

Звоня Русьнѣмъ златомъ,
Поюť время Бусово, (186)
Делѣють мѣсть Шароканю;
А мы уже дружина жадни веселіа. (187)

LXXVIII.

340. Тогда Велик Свят'Славъ (188, 189)
Изрони злата Слово
Слезами Смѣшено и рече:

LXXIX.

О моя Сынѡвча Игорю и Всеволоде! (190)
Рано еСтѣ начала Половецкую землю
345. Мечи цвѣлѣти, а Себѣ Славы иСка ти.

LXXX.

Нѣ нечеСтно одолѣСтѣ,
НечеСтно бо кровь поганую проліаСтѣ. (191)

LXXXI.

Ваю храбрая Сердца
Въ жеСтоцѣмъ харалузѣ Скована, (192)
350. А въ бѣеСтѣ закалена.
Се ли СтвориСтѣ
Моей Сребреней Сѣдинѣ;

(Святославъ прерываетъ упреки свои Игорю и Всеволоду сѣтованіемъ объ
отсутствіи Черниговскаго войска).

LXXXII.

353. А уже не вижду власти
Сильнаго и богатаго
355. И многовои брата моего Ярослава,
356. Съ Черниговскими былями,
Съ Могуты и съ Татраны,
И съ Шелбиры, и съ Топчакы, (204)
И съ Ревугы, и съ Олберы; (205, 206).
360. Тїи бо бе̑щ щитов̑ съ засапожники (207, 208)
361. Кликомъ ꙗ̑кы побѣждаю̑тъ (209, 210)
362. Звонячи въ прадѣдную славу.

LXXXIII.

(Святославъ снова обращается къ Игорю и Всеволоду).

363. Нъ рекосте мужайм̑ся сами; (196)
Преднюю славу сами пох̑тимъ, (194, 195)
365. А заднюю ся сами подѣлимъ (196)

LXXXIV.

366. А чи диво, си братіе,
367. Стару помолодити?
368. Ъоли соколъ въ мытѣхъ бывае̑тъ, (197, 198)
369. Высоко пт̑и̑ възвбивае̑тъ; (199, 200)
370. Не да̑тъ гнѣзда своего въ обиду (201).

LXXXV.

371. Нъ се зло: Княже ми не пособіе,

372. На ниче ся години обратиша:

LXXXVI.

373. Се у Рїи кричатъ (202)

374. Подъ саблями Половецкими,

375. А Володиміръ подъ ранами (203)

376. Туга и тоска сыну Глѣбову *).

LXXXVII.

Великий Княже Всеволоде!

Не мыслію ти прелетѣти

Из далеча, оти я злата стола поблюсти;

*) Въ первомъ изданіи и въ Арх. спискѣ въ слѣдъ за словами „Звонячи въ прадѣдную славу“ рѣчь Святослава обращается снова къ Игорю и Всеволоду въ связи съ предшествовавшими упреками. Новое обращеніе къ Игорю и Всеволоду начинается словами: „Нъ рекосте мужаймыся“ и кончается словами: „Туга и тоска сыну Глѣбову“. Слова эти обозначены подъ § 83, 84, 85 и 86—ст. 353 по 376. Перепутанность рѣчи весьма могла быть въ намѣреніи автора. Если пѣснь имѣла обстановку драматическую, то перепутанности и не существовало. Для сохраненія неприкосновенности текста достаточно помѣстить между § 81 и 82, передъ обращеніемъ къ Ярославу, указаніе въ скобкахъ, что Святославъ прерываетъ упреки размышленіемъ, что онъ не находитъ поддержки въ Ярославѣ Черниговскомъ. Сѣтованіе объ отсутствіи Черниговскаго войска въ логическомъ порядкѣ слѣдовало бы помѣстить между LXXXVI и LXXXVII: (353) 367—(362) 376: А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговскими былями съ Могути и съ Татраны и съ Шельбири и съ Топчаки и съ Ревугы и съ Ольберы. Тѣи бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ пѣкы побѣждаютъ звонячи въ прадѣдную славу.

380. Ты бо можешѣ Волгу веслы раскропити,
 А Донъ шеломи выльяти.
 Аже бы ты былъ,
 То была бы чага по ногатѣ,
 А кощей по резанѣ.
385. Ты бо можешѣ по суху живыми шерешеры (211)
 Стрклѣти, удалыми сыны Глѣбовы (212)

LXXXVIII.

- Ты буй Рюриче и Давыде,
 Не ваю ли злачеными шеломи
 По крови плаваша?
390. Не ваю ли храбрая дружина
 Рыкаюѣ аѣ тури
 Ранены саблями калеными,
 На полѣ незнаемѣ?

LXXXIX.

- Вступита Господина въ злата стремянь, (215)
395. За обиду сего времени, за землю Рускую, (216, 217)
 За раны Игоревы, буюго Свят'славлича (218).

XC.

- Галичкы Осмомыслиѣ Ярославѣ, (219)
 Высоко сѣдиши
 На своемѣ златокованномѣ столѣ. (220)

400. Подперъ горы Угорскыи (221)
Своими желѣзными ꙗзы, (222)
Заступивъ Королеви путь,
Затворивъ Дунаю ворота,
Меча бремены чрезъ обла, (223)
405. Суды ряда до Дуная,
Грозы твоя по землямъ текутъ; (224)
Отворяеши Кіеву врата;
Стрѣляеши съ отня злата стола (225)
Саѣтани за землями. (226)
410. Стрѣляй, Господине, Кончака, (227)
Поганого Кошца
За землю Рускую,
За раны Игоревы,
Бугега Свят'славича (228, 229).
-

(Е) ХСІ.

415. Трубы трубятъ Городенскія. (*)
 416. Уже бо Сула не течетъ (230)
 417. Сребренными струями къ граду Переяславлю.
 418. И Двина болотѣ течетъ (231)
 419. Онѣмъ грознымъ Полочаномъ (232)
 420. Подъ кликомъ поганыхъ.
 421. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
 422. Позвони своими острыми мечи.
 423. О шеломы Литовскѣ (233. 234)
 424. Притрепа Славу дѣду своему Всеславу,
 425. А самъ подъ чръленными щиты, на кровавѣ травѣ,
 426. Притрепанъ Литовскими мечи и схити Ю на кровать и рекъ:
 427. Дружину твою, княже, птицѣ крылья пріодѣ,
 428. А звѣри кровь полизаша.
 429. Не бы ту брата Брячаслава (235, 236)
 430. Ни другаго Всеволода:
 431. Единъ же изрони жемчужну душу (237)
 432. Изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье (238).
 (461. 432) 433. Уны̑ голосои, пониче веселіе (239).

*) Стихъ этотъ въ первомъ изд. занимаетъ мѣсто 433-го. Въ содержаніи
 Указаны поводы предполагать здѣсь перепутанность листковъ и приложены три
 тѣльные листа. Ср. выше стр. 208—218.

(А) ХСII.

- (415) 434. А ты буй Романе и Мстиславе,
(416) 435. Храбрая мысль носѣ вась ѱ на дѣло (240,
241)
(417) 436. Высоко плаваеши на дѣло въ буети,
(418) 437. Яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяся, (242)
(419) 438. Хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
(420) 439. Суть бо у ваю желѣзѣи папорзи (243)
(421) 440. Подъ шеломи латинскими, (244)
(422) 441. Тѣми тресну земля,
(423) 442. И многѣ страны Хинова (245)
(424) 443. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци.
(425) 444. Сулицы своя повръгоша, (246)
(426) 445. А главы своя поклониша
(427) 446. Подъ тми мечи харалужныи.
-

(D) XCIII (CXIV).

- (437) 447. Непобѣдными жребіи собѣ власти расхы-
 тисте.
- (438) 448. Кое ваши златые шеломи и сулицы лядьн-
 и щиты. (247).
- (439) 449. Загородите полю ворота
- (440) 450. Своими острыми стрѣлами (248)
- (441) 451. За землю Русскую (249).
- (442) 452. За раны Игоревѣ,
- (443) 453. Буго Святъславича.

(B) CXIV (CXII).

- (428) 454. Нъ уже, княже Игорю, утрѣтъ солнцю
 свѣтъ (250),
- (429) 455. А древо не бологѣ листвіе срони (251)
- (430) 456. По Роси, по Сули, гради подѣлиша, (252)
- (431) 457. А Игорева храбраго плъку не кресити.
 (254)

(С) СХV (СХШ).

ОТВѢТЪ ПѢВЦА.

- (432) 458. Донъ ти княже, кличетъ (255),
(433) 459. И зовѣ князи на побѣду (256).
(434) 460. Олговичи храбрыи князи dospѣли на брань;
(435) 461. Ийгварь и Всеволодъ и вси три Мстисла-
 вичи, (257)
(436) 462. Не худа гнѣзда шестокрилци. (258)
-

XCVI.

Ярославе и вси внуци Всеслави

Уже понизить стязи свои,

465. Вонзять свои мечи верезени, (463. 466)

Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.

Вы бо своими крамолами

Начасте наводитьи поганья

На землю Рускую, на жизнь Всеславию,

470. Котори бо бѣше насиліе

Отъ земли Половецкыи.

XCVII.

На сеѣмомъ вѣцѣ ꙗзюни (260, 261)

Врже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу.

XCVIII.

Тѣ'' клюками подпрѣся о кони, (262)

475. И скочи къ граду Къеву,

И дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго, (263)

Скочи отъ вхъ лютымъ звѣрѣ (264, 265, 266).

Въ ꙗночи, изъ Бѣла-града, (267)

Обѣсяся синѣ мглѣ,

480. Утръ же, воззни стрикусы, (268)
 Отвори врата Новуграду,
 Разшибѣ славу Ярославу, (269)
 Скочи ѡкомъ до Немиги съ Дудутокъ (270).

CXIX.

- На Немизѣ снопы стелюѣ головами, (271)
 485. Молотятъ чепи харалужными, (272)
 На тоцѣ живоѣ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла; (273, 274)
 Немизѣ кровави брезѣ
 Не бологомъ бяхуть посѣяни,
 Посѣяни костями Рускихъ сынѣ. (275)

C.

490. Всеславъ Князь людемъ судяше,
 Княземъ грады радяше, (276)
 А самъ въ ночь ѡкомъ рыскаше; (277)
 Изъ Кыева, дорискаши, до куръ, Тмутороканя, (278)
 Великому Хрѣсови,
 495. ѡкомъ, путь прерыскаше. (279, 280).

CI.

- Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано (281)
 У Святыхъ Софѣ въ колоколы:
 А онъ въ Киевѣ звонъ слыша.

СП.

Аще и вѣща душа ѿ друзѣ тѣлѣ, (282)

500. Нѣ часто бѣды страдаше.

СІІ.

Тому вѣщей Боянѣ и ѿвое (283)

Припѣвку, смысловый, рече:

СІV.

„Ни хитру, ни гораздоу,

Ни птицю горазду, суда Божіа не минути“.

СV.

505. О стонати Русской земли, помянувши

ѿвою годину, и ѿвѣхъ Князей; (284, 285)

СVІ.

Того стараго Владиміра не лѣзъ бѣ, (286),

Притвоздити къ горамъ Кіевскимъ: (263)

СVІІ.

Сего бо нынѣ сташа

510. Стязи Рюриковы,

А друзіи Давидѣ; (287)

Нѣ рози нося ѿ, (288)

Хоботы пашутъ. (289)

III.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИГОРЯ.

CVIII.

Коня поѣхъ на Дунаѣ. Ярославныѣ гласъ слышиѣ,
(291, 292)

515. Зегзицею незнаемъ, рано вычеть:

Полечю, рече, зегзицею по Дунаевѣ,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
Утру Князю кровавыя его раны
На жестоцѣмъ его тѣлѣ.

СIX.

520. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ,

На забралѣ, а ркучи:

О вѣтрѣ вѣтрило!

Чему Господине насильно вѣши? (293)

Чему мычеши Хиновскыя стрѣлы

525. На своею нетрудною крилцю
 На моя лады вои? Мало ли ти башетъ (294)
 Горъ подъ облакы вѣяти,
 Лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
 Чему, Господине, мое веселіе
530. По ковылю развѣя?

СХ.

- Ярославна рано плачетъ Путивлю
 Городу, на заборолѣ, а рѣучи:
 О Днепре словутицю!
 Ты пробилъ еси каменныя горы
535. Сквозъ землю Половецкую.
 Ты лелѣялъ еси на себѣ
 Святослави посады
 До ѣку Кобякова: (295)
 Възлегѣи, господине,
540. Мою ладу къ мнѣ,
 А быхъ неслала къ нему
 Слезъ на морѣ рано. (296)

СХІ.

- Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, (297, 298, 299)
 На забралѣ, а рѣучи:

545. Свѣтлое и тресвѣтлое сѣнце! (300)

Всѣмъ тепло и красно еси:

Чему, господине, простре (301)

Горячую свою лучю на ладѣ вои,

Въ полѣ безводнѣ

550. Жаждею имъ лучи съпряже,

Тугою имъ тули затче?

СХІІ.

(Дѣйствіе заклинанія на степѣхъ).

Прысну море полунощѣ;

Идуť сморци мѣглами;

Игореви Князю Богъ путь кажетъ

555. Изъ земли Половецкой на землю Рускую.

Къ отню злату столу.

СХІІІ.

Погасоша вечеру зарѣ;

Игорь спитъ, Игорь бдитъ, (303, 304)

Игорь мыслію поля мѣритъ (305)

560. Отъ великаго Дону до малаго Донца. (306)

- Комонъ въ полуночи;
 Овлуръ свисну за рѣною,
 Велить Князю разумѣти:
 Князю Игорю не быть.
565. Кликну стукну земля,
 Въ шумѣ трава;
 Вежи ся Половецкіи подвизашася
 А Игорь Князь
 Посѣчи горнастаетъ къ тростію, (307)
570. И бѣлымъ гоголемъ на воду;
 Влѣжеся на бѣзъ комонъ, (308, 309)
 И скочи съ него босымъ вѣкомъ, (310, 311)
 И потече къ лугу Донца,
 И полетѣ соколомъ, подъ мѣглами, (312)
575. Избивая гуси и лебеди,
 Завтроку, и обѣду и ужинѣ.
 Коли Игорь соколомъ полетѣ,
 Тогда Влуръ влѣкомъ потече,
 Труся собою студеную росу;
580. Претръгоста бо своя бѣзая комоня. (315)

CXIV.

Донѣ рече: Княже Игорю! (316)

Не мало ти величїа,

А Кончаку нелюбіа,

А Руской земли веселїа.

585. Игорь рече, о Донче!

Не мало ти величїа

Делѣявшу Князя на вѣнахъ, (317)

Стлавшу ему зелену траву (318)

На свой сребреныхъ брезѣхъ, (319)

590. Одѣвавшу его теплыми мѣлами (320)

Подъ сѣнію зелену древу:

Стрежаше е гоголемъ на водѣ,

Чайцами на струяхъ,

Чрънядьми на встрѣхъ. (321)

CXV.

595. Не тако Ми, рече, рѣка Стугна, (322).

Худу струю ииѣи,

Пожръши чужи ручьи,

И стругы ростре на кусту.

Уношу Князя Ростислава

600. Затвори днѣ пр' темнѣ березѣ. (323)

Плачется мати Ростислава (324)

По уноши Князи Ростиславѣ.

Уныша цвѣты жалобою

И древо стугою

605. Къ земли прѣклонило. (325)

СХVІ.

На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Ізакъ съ Кончакомъ. (326)

Тогда врани не граахуть,

Галици помѣоша, (327)

Сорокы не троскоташа,

610. По лозію ползоша толко, (328)

Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, (329)

Соловія веселыми пѣсми свѣтъ повѣдаютъ, (330)

А не сорокы втроскоташа *).

*) Этотъ стихъ занимаетъ въ 1-мъ изданіи мѣсто между 605 и 606, гдѣ слова эти положительно не имѣютъ смысла.

СХVII.

Мѣвѣтъ Гзакъ Кончакови: (331, 332)

615. Аже соколъ къ гнѣзду лети́, (333)

Соколича рострѣляевѣ

Своими злачеными стрѣлами. (334)

Рѣ Кончакъ ко Гзѣ (335).

Аже соколъ къ гнѣзду лети́тъ, (336)

620. А вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею. (337)

И рѣ Гзакъ Кончакови: (338)

Аще его опутаевѣ

Красною дѣвицею,

Ни нама будетъ сокольца,

625. Ни нама красны дѣвице,

То почнутъ наю птици бити

Въ полѣ Половецкомъ.

СХVIII.

Рекъ Боянъ

Иходъ і на святъславля пѣс, (339, 340, 341)

630. Творца стараго времени,—

Нрослава, Ольгова, Коганя хоти:

СХІХ.

Тяжко ти головы, кромѣ плечю.

Зло ти тѣлу, кромѣ головы:

Руской земли безъ Игоря.

СХХ.

635. Солнце свѣтитя на небесѣ. (342)

Игорь Князь въ Руской земли.

Дѣвици поють на Дунаи,

Вьются голоса чрезъ море до Кіева, (343)

Игорь ѣдетъ по Боричеву,

640. Къ Святѣй Богородици Пирогощей.

СХХІ.

Страны ради, гради весели,

Пѣвше пѣснь старымъ Князѣ, (344)

А потомъ молодыѣ пѣти. (345)

Слава Игорю Святъславич^ъ (346)

645. Буй туру Всеволодѣ, (347)

Владиміру Игореву^{чѣ} (348)

* * *

Здрави князи и дружина,

Побарая за христьяны (349)

На поганна плѣки. (350)

* * *

СХХЦ.

650. Княземъ слава.

[а дружина] (351)

Аминь.

1. The first part of the document is a list of names and addresses of the members of the committee.

ПОПРАВКИ.

Въ первомъ изданіи ошибочно:

Слѣдуетъ читать:

Строки

19 Ярославу	Ярославу
44 Ольга (позднѣйшая замѣтка для поясненія мѣстоименія „того“.	
191 повелѣя отца	повелѣ я' тца повелѣ яти отца или повелѣ бо тца.
308 несошлю	несоша ю,
317 опустоша	опѹтоша
332 (326) подасть	подаста, подастъ ♂, подастъ
361 мужаймѣся	мужаймыся
485 харалужными	харалужными
512 имъ	ихъ
514 коша	коща
поютъ	поѹтъ-поатъ
595 ли	ми
599 князю Ростиславу	Князя Ростислава
600 Днѣпръ	днѣ пр', днѣ при
629 и ходы	ѣходъ і
на Святъславля пѣтворца старого времени	и на Святъславля пѣсь, творца старого времени
642 Святславича	Святславичу (неправильно 642 прочтено ∞ вмѣсто ♂

ПЕРЕСТАНОВКА СТРОКЪ.

330 и въ морѣ погрузиста и великое буйство подаст' Хинови. 325

331 О потопленіи Половцевъ нельзя было бы сожа- 326

лѣть и оно не подало бы великаго буйства Хинови.

По грамматическому строю эти слова относятся несомнѣнно до пораженія Игоря и Всеволода уподобленнымъ двумъ погасшимъ солнцамъ. Въ первомъ изданіи эти два стиха находятся между стихами.

437 не побѣдными жребіи собѣ власти расхитисте? Кое ваши 447

златыя шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты.

Эти слова болѣе всего указываютъ на произшедшее недоразумѣніе. Сбивчивость въ возваніи
СХІ—СХУ князьямъ изложена въ Содержаніи произошла въ-
415—462. роятно вслѣдствіи ошибки переплетчика или еще
вѣроятнѣе въ слѣдствіи ошибки древняго переписчика списывавшаго съ отдѣльныхъ листковъ:
1-й листокъ былъ принятъ за послѣдній Е, 2-й за первый: В, а средній остался на мѣстѣ. Такимъ образомъ листки могли даже быть не разрознены, а не правильно свернуты. Въ слѣдствіи неправильнаго сложенія листа „Трубы трубятъ Городеньскія“ очутились не на мѣстѣ и писецъ помѣстилъ въ конецъ ХСІ § слова находившіеся по смыслу и по грамматикѣ въ связи съ словами: „уже бо суда“. Въ листкахъ или свиткѣ имѣвшемся у древняго пѣвца: Трубы трубятъ Городеньскія находились въ концѣ § ХС въ слѣдъ за обращеніемъ къ ярославу Галицкому. Сбивчивость тѣмъ болѣе объяснима что § ХС кончается тѣми же словами что и § ХСІІ: „за раны Игорева Игоря Святславича“. Это соображеніе

подтверждается тѣмъ, что въ первомъ изданіи
§ XIII, D непосредственно предшествуетъ § XI. A.

605

а не сороки втроскоташа.

614

Эти слова вслѣдъ за строкой 605 въ первомъ
изданіи лишены смысла, но вслѣдъ за строкой 612
составляютъ противоположность, встрѣчающуюся уже
въ строкахъ 109 и 110 и 609.

10266.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стр.	Строка.		
19	5	сверху варіантовъ	варіантовъ:
	10	" знаями	знаеми
20	13	снизу мрѣши	мрѣжи
22	15	" всеволо	всеволо
23	9	" почтено	прочтено
26	13	" : вопроса	вопроса:
30	2	" которую,	, которую
38	9	" сътвори	сътвори
53	3	" (въ примѣчаніи)	
		не представлявшемъ	но представлявшимъ.
57	4	" око	объ окѣ въ
59	2	" повѣдаю	повѣдаю
63	—	въ 1-ой графѣ монограм- ма оттиснуто не вполне слѣдуетъ.	?
68	8	" предполагаемое раздѣленіи	предполагаемомъ раздѣленіи
88	15	сверху влеча	влеча
119	14	снизу семью	семью
130	2	" унциальными	заглавными
143	14	" гласной ѣ.	вставлено по ошибкѣ
181	8	сверху Кикеронъ	Кикеронъ,
185	8	снизу гла	гла
192	6	сверху описанномъ	писанномъ
220	22	стихъ Кожьскими	Къзьскими
224	68	" ре	ре
229	140	" великому	великому
231	170	" забы	забыв
—	171	" Чрнигова	Чрнигова
234	217	" зомля	земля
236	249	" о	а
241		" воззваніе	воззваніе
263	3	" (въ прав. столбцѣ)	
		тца	отца
264	8	сверху между стихами въ полѣ на лѣво вм. 330. 331.	между стихами 380 и 321 329. 330.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сомнѣнія, возбужденныя Калайдовичемъ	1
Начертаніе буквъ и знаковъ	8
Древнія свидѣтельства	28
Аллитерація	29
Варианты, распределенные по отдѣламъ	31
Варианты въ числовомъ порядкѣ	69
Система Востокова относительно правописанія	76
Выписки изъ Малиновскаго	150
Выписки изъ рукописной грамматики 1586 года	178
Содержаніе пѣсни	201
Шестъ листковъ, приложенныхъ для объясненія запутанности въ текстѣ	213
Текстъ Слова о Плѣку Игоревѣ	219
Исправленія древняго текста	263
Перестановки, вызываемыя явною запутанностію текста	266
